КНИГА МАГОВ



АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА



КНИГА МАГОВ



АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
АМФОРА
2009

УДК 29
ББК 82.3(0)
К 53

Составитель Владимир Рохмистров



К 53 **Книга** Магов / [сост., вступ. ст., перевод, коммент. В. Рохмистрова]. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2009. — 314 с. — (Серия «Александрийская библиотека»).

ISBN 978-5-367-01024-4

Предания сохраняют сведения о людях, которым Творец открывал истину. Прикосновение к таинственному свету и позволяло проникнуть в сердцевину всех вещей. Как учит оккультная философия, только после этого можно было стать *настоящим* магом. Что они узнавали? Какова природа их прозрений? В чем их вера? Тексты самих «посвященных» отвечают сполна на все подобные вопросы.

УДК 29
ББК 82.3(0)

ISBN 978-5-367-01024-4

Я богословьем овладел,
Над философией корпел,
Юриспруденцию долбил
И медицину изучил.
Однако я при этом всем
Был и остался дураком.

И. В. Гёте. «Фауст»
(В переводе Б. Пастернака)

НАУКА МАГОВ — ТАЙНАЯ НАУКА

Все в руцех Божьих

Мы живем в загадочном мире.

Не знаем истоков его существования. Не можем понять ни бесконечности, ни происходящего с нами самими. Мы стараемся не думать о том, что не по нашей воле однажды и вдруг все почему-то оборвется.

Человечество открывает для себя мир много тысячелетий, но он все еще остается непознанным. За время настойчивых поисков накоплен огромный запас *объективных* знаний. Ныне они распределены по бесчисленным отраслям некой всеобщей науки, и их объем настолько велик, что его невозможно охватить умом даже в общих чертах.

И полагаемся сполна на науку, а она, со своей стороны, демонстрирует потрясающие успехи — невиданную точность измерений, глубину пояснений — и, кажется, вот-вот ответит на все так мучающие нас вопросы. Однако она не в состоянии одолеть некую странность: чем больше

открывает она тайн, тем все более широкое море неизвестности разверзается перед нею. В результате, как пишет П. Д. Успенский, *«дело имеет такой вид: количество научных фактов во всех областях научного знания быстро растет, и неизвестное грозит поглотить известное или принимаемое за известное. Прогресс науки, особенно в последнее время, можно определить как очень быстрый рост областей незнания»*[1]. Более того, известный американский физик, лауреат Нобелевской премии Ричард Фейнман пришел к выводу, что наука не дает нам никакой истинной картины мира, поскольку представляет собой всего лишь набор разрозненных дисциплин. Она только все отчетливее видит одно: тайна природы необъятна. Освещенный знанием огромный шар, где мы живем, снаружи окружен тьмой, которая бесконечна.

В такой ситуации многие, если не большинство, предпочитают оставаться на *твердой почве*, в пределах известного. Но есть и те, кому страстно хочется заглянуть за границы очерченного круга. Столь дерзких нередко изгоняют или казнят, поскольку хорошо устроившиеся в замкнутом и понятном мире не хотят ничего менять. Значительно ограничивает такие попытки и страх перед неведомым. Все мы прекрасно помним восклицание Гамлета:

Так всех нас в трусов превращает мысль,
И вянет, как цветок, решимость наша
В бесплодье умственного тупика...

(В переводе Б. Пастернака)

[1] *Успенский П. Д.* Tertium organum. Ключ к загадкам мира. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. С. 161.

Однако страдания смельчаков и страх натур ограниченных не останавливают поиски, и человечество все чаще и все настойчивее стремится заглянуть за пределы известного. И вот, в то время как современная наука, скрупулезно выверяя каждый свой шаг, продвигается все дальше и дальше к тайнам материи и мироздания, человеческая мысль и воля забегают вперед. На этом пути за прошедшие тысячелетия также собрано невероятно много *знаний*, которые давно уже принято называть *оккультными* — тайными.

* * *

Но что такое *тайное знание*? Ведь это своего рода нонсенс, как явная тайна или тайная явь. Знание только тогда и будет таковым, когда срывает покров с неизведанного. Это — во-первых. А во-вторых, по словам все того же П. Д. Успенского, *«в сущности, разделение вещей на „таинственные" и „простые" наивно до чрезвычайности. Как будто есть в мире что-нибудь простое? Как будто есть в мире что-нибудь, что мы понимаем и знаем? Ничего такого нет! Все тайна. Все сверхъестественно»*[1]. В таком случае, может быть, тайное знание — это просто такое, которое предназначено не всем, а лишь избранным?..

Вероятно, раньше было именно так. Однако можно ли считать сокровенным то, о чем написано огромное количество книг? Особенно много сочинений по оккультным

[1] *Успенский П. Д.* Указ. соч. С. 137.

наукам выходило в эпоху Возрождения, и с тех пор число их только множится.

Вот что говорит известный пропагандист оккультных наук Папюс: «*Магия, или Наука Магов, преподавалась в древности учениками, а может быть, и учителями Зороастра. Она представляет науку тайных и особых законов природы, скрытых сил...*»[1] Отсюда можно заключить, что определение *оккультная* (тайная) означает прежде всего область приложения мышления. Иными словами — тайная наука занимается сокровенными свойствами природы.

Однако горькое сетование Фауста и леденящее душу восклицание Гамлета неслучайны. С течением времени мы все больше убеждаемся, что неспособность науки преодолеть (ограничить) необъятное пространство неведения заключается не в чем ином, как в бессилии (ограниченности) нашего разума. Со временем становится все более очевидным и то, что рациональное познание не ведет к пониманию всех тайн природы. К. Эккартсгаузен пишет: «*Человеческий разум, если ему не помогает высшая сила, вводит человека в заблуждение, ибо тогда он, сосредоточиваясь в самом себе, блуждает вечно по кругу*»[2]. Именно поэтому истина «*для наших мирских философов останется непостижимой до тех пор, пока они не совлекут с себя самость свою, чтобы жить совершенно в сущности всех существ*». В других местах

[1] *Папюс.* Каббала. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. С. 38.

[2] *Эккартсгаузен К.* Ключ к таинствам Природы. СПб.: Азбука, 2001. С. 318.

К. Эккартсгаузен поясняет, почему это происходит: с одной стороны, «*Бог производит в человеке величайшие вещи, и с Его помощью человек на все способен. Но человек не может ничего приписать силам своим, а должен почитать себя только орудием Того, Который един, велик и всемогущ*». А с другой: «*Если ты имеешь какое-нибудь намерение, то... Бог отнимет у тебя искру света...*»[1]

Таким образом, получается, что рассчитывать на одну только силу ума, что и делает официальная наука, бессмысленно. И многие из тех, кто однажды со всей силой искренности осознал это, обратились к оккультной философии — едва ли не единственной науке, объясняющей, почему *так* происходит и *как именно* следует выходить из этого тупика. Подобные только что процитированным словам К. Эккартсгаузена утверждения можно найти, пожалуй, в любом сочинении, посвященном тайным наукам. Все, кто когда-либо обращал взоры за грань известного, в один голос уверяют: постижение тайн природы возможно лишь в единении с Абсолютом, Единым, Богом. Причем здесь важен не только полный отказ от *своей самости*, но и отрешение от всякого *своего намерения*, то есть от всякого корыстного побуждения.

Однако Бог и сам непостигаем, а потому процесс узнавания сокровенного оказывается для нас *тайной за семью печатями*.

[1] *Эккартсгаузен К.* Указ. соч. С. 277–278, 305–318.

* * *

Предания сохраняют сведения о том, что в древности существовали некие люди, которым Творец открывал истину, и эти посвященные становились основателями *нового знания*. Оно, по мере удаления от своих первооткрывателей, теряя некое рациональное зерно, со временем все отчетливее приобретало религиозный оттенок и в конце концов, будучи сведено к какой-либо упрощенной форме, превращалось в догму, не открывающую никому ничего. Далее она уже никогда не разъяснялась, и в результате то, что когда-то представало ясным и отчетливым, окончательно становилось объектом *слепой веры*.

Эта принимаемая как установление противница разумения препятствовала всем порывам к познанию и вере настоящей. Но та никогда не исчезала до конца; она оставалась неведомой, ведущей человека силой. И именно на этом пути и зиждется *тайная наука* — наука о тайнах бытия.

Ее адепты и сторонники пытались восстановить некое древнее знание, первознание, данное людям непосредственно от Создателя и сохраненное в мире. «*Ренессансный маг думал, что возвращается к египетской мудрости, бывшей будто бы немногим младше мудрости еврейских патриархов и пророков и намного старше Платона и других философов античной Греции, каждый из которых, по твердому убеждению ренессансного мага, испил от этого священного источника*», — пишет известная современная исследовательница магии Ренессанса Ф. Йейтс в книге

«Джордано Бруно и герметическая традиция»[1]. Йейтс имеет в виду прежде всего библейских пророков. Однако существовал и другой основатель одной из древнейших мировых религий — Зороастр, который для развития оккультных наук куда важнее.

* * *

Годы жизни древнеиранского пророка Заратуштры (в греческой транскрипции — Зороастра) неизвестны, однако несомненно, что он существовал задолго до Рождества Христова. Историки и многие исследователи зороастризма указывают весьма приблизительные даты его жизни. Аристотель относил время Зороастра за шесть тысяч лет до кончины Платона, произошедшей в 348 г. до н. э. Другие античные авторы говорили о том, что пророк жил за пять тысячелетий до Троянской войны, которую традиционно датируют XIII в. до н. э. Третьи ведут речь об эпохе за два с половиной века до Александра Македонского, жившего в III в. до н. э. Восточные легенды рассказывают, что Зороастр — современник царя Бактрии Дария Гистаспа (конец VI — начало V в. до н. э.) Исследователи же считают, что пророк жил не позднее середины третьего тысячелетия до нашей эры и не ранее VII—VIII в. до н. э.

Место рождения Зороастра тоже точно неизвестно, одни называют район Тегерана, другие — Баку, третьи —

[1] *Йейтс Ф. А.* Джордано Бруно и герметическая традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 9—10.

Алтая, Южного Урала и т. д. Древние греки считали Зороастра *халдеем*, то есть выходцем из Месопотамии. Зороастрийцы говорили о североиранском городе Рагу, о бассейне реки, которую отождествляют с Амударьей.

Ведутся споры и по поводу его имени. Если брать греческую форму, то «астр» переводится как *звезда*. Первую же часть следовало бы понимать как *огонь*, *сияние*, и, таким образом, перевести его имя как *Сияющая звезда*. И его учение, и наше понимание тайного знания, о чем и рассказывается в этой книге, лишь подтверждают это.

Первые сведения о Зороастре мы находим в священной книге *Зендавесте*. Согласно преданиям, будущее великого пророка было предсказано его матери во сне, в котором она увидела прекрасного юношу, вышедшего из яркого света с жезлом и книгой в руках и победившего все злые силы, пытавшиеся вырвать его из ее чрева. По легенде, рождению Зороастра радовалась вся природа, и сам ребенок появился на свет не плача, а радостно смеясь, приветствуя мир, в который пришел. Детство и юность Зороастра были полны чудесных событий.

В 30 лет он покинул дом и пустился в странствия. В Иране ему явился добрый дух, который привел его к верховному Владыке; в его присутствии Зороастр *не увидел собственной тени на земле из-за яркого свечения*. Здесь он получил Божественное Откровение, а также ответы на многие волновавшие его вопросы о смысле творения, о происхождении человека и о его будущей судьбе.

Как и всякая другая религия, зороастризм имел свой культ богослужения, однако сам пророк считал, что путь к

истине лежит не столько через жертвоприношения и обряды, сколько через праведный образ жизни. Зороастр был единственным в мире ребенком, который при рождении смеялся, таким было и его учение — жизнерадостным и полным любви к окружающему миру. Мудрец страстно призывал к добру и справедливости. Его последователи должны были руководствоваться принципом благих мыслей — благих слов — благих дел.

Самым необычным ритуалом зороастрийцев является ритуал очищения тела от демониссы смерти — лжи. Ритуал этот совершается в девяти ямах в течение девяти дней и до сих пор является загадкой для всех исследователей, не имея аналогов ни в какой другой религии. Однако если принять их отношение ко лжи как к смерти, а к правде как к жизни и отождествить правду (ведение) со светом, а ложь (неведение) с тьмой, то столь серьезное отношение к внутренней чистоте тела окажется простым стремлением устранить все преграды для проникновения света в самое средоточие человеческого существа. Вода и огонь являются для зороастрийцев чистыми и священными стихиями. Особенно они почитают огонь — свет на земле. На основании этого зороастрийцев называют огнепоклонниками. Однако ключевым символом в зороастрийстве надо признать не огонь, а именно *свет*. Эдуард Шюре в своей книге «Великие посвященные» отмечает: *«Все могучие основатели религий проникали хотя бы на мгновенья в сияние центральной истины, но свет, который они извлекли из нее, преломлялся и окрашивался сообразно их гению и сообразно временам и стра-*

нам, в которых осуществлялась их миссия»[1]. Это тот самый свет, который позволяет заглянуть за грань известного и *видеть*. Наш язык недаром сохранил память о просвещении, о *свете* знания и *тьме* невежества, о *просветлении*.

Прикосновение к таинственному свету и называется *откровением*, позволяющим проникнуть в сердцевину всех тайн и познать то, что в течение тысячелетий так безуспешно пытается сделать человеческий разум. И, как учит оккультная философия, только после этого можно стать *настоящим магом*.

Но как достичь этого откровения?

Мировые религии, а вслед за ними и оккультные науки уверяют, что достичь просветления удается одним-единственным способом — поверив Богу, доверившись Ему, очистив свое сердце и разум, признав себя ничтожной частичкой единого целого. И все это не простая прихоть Всевышнего.

«*В большинстве своем люди хотели бы творить чудеса, не потрудившись прежде того об этом поразмыслить. Преступная мысль все еще не покидает чувственного человека, мы хотим сразу вкусить плода от древа и быть равными Богу. Желания основной части людей часто бывают подобными желаниям неразумных детей...*» — утверждает К. Эккартсгаузен[2]. Но Вселенная есть Единое, Целое и Цельное, она объединена бесконечно сложной си-

---

[1] *Шюре Э.* Великие посвященные. М.: Книга-Принтшоп, 1990. С. 129.

[2] *Эккартсгаузен К.* Указ. соч. С. 247.

стемой взаимосвязей. В «Асклепии» сказано: «*Такова вечность, не имеющая ни начала, ни конца, которую удерживает в постоянном течении нерушимый закон... все соединено в единую цепь так, что невозможно определить ее начало и кажется, будто каждая вещь предшествует каждой и каждая происходит из каждой*»[1]. И в соответствии с этим постулатом Гермеса магом будет тот, кто знает, как проникнуть в эту систему, и сможет распорядиться полученными силой и властью. Иными словами, магом может быть лишь такой посвящаемый, кому очевидны идущие сверху вниз влияния и кто для своего восхождения способен создать необходимую цепь, правильно используя внутренние связи земных вещей, небесные образы, заклинания, имена и т. п. Но, поскольку, как предостерегает все тот же Эккартсгаузен, «*Вселенная есть Целое, в ней нигде не случается ничего без того, чтобы не произошло перемен и в целом*»[2], — произвольное изменение любой малейшей части универсума неизбежно приводит к микроскопическим смещениям всех прочих его составляющих.

Может ли человек, находящийся внутри мира природы, выявить всю полноту этой наступающей перемены? Нет. Эккартсгаузен указывает далее: «*Ограниченность чувств наших мешает нам видеть...*» Только взгляд извне позволяет по-настоящему оценить результат каждого, пусть даже совсем ничтожного вторжения в существующий порядок вещей.

---

[1] Высокий герметизм / Пер. с древнегреч. и лат. Л. Ю. Лукомского. СПб.: Азбука; Петербургское востоковедение, 2001. С. 262.

[2] *Эккартсгаузен К.* Указ. соч. С. 64.

Соответственно, маг, действующий лишь посредством обретенных специальных знаний — без связи с Богом, выполняет то или иное действие, но не в состоянии предусмотреть все негативные последствия — *предвидеть*, где и каким именно образом произойдет *компенсация*. По той же причине люди, творящие зло, порой вслепую, не знают, как оно отзывается на них самих. Поэтому маг, ведомый собственным умышлением, приносит больше вреда, чем пользы.

Прекрасно понимая это, К. Эккартсгаузен и дает свое определение магии и мага: «*Истинной магией называется высочайшая степень естественной и возможной для земного существа мудрости и высочайшее знание природы. Кто это высочайшее знание обращает на благо человечества, тот и есть истинный маг*». И далее поясняет: «*Первая степень мага — степень полигистора, или многоученого, искусного во многих науках; вторая — пансофа, или всеведущего, знающего все науки, составляющие ученость; третья, и последняя, — мага, или мудреца, который все эти знания употребляет, по замыслу Бога, на пользу людей.*

Этой последней степени Премудрости достигают весьма немногие, ибо здесь необходимо глубокое понимание своей слабости и желание действовать не по своей, а по Божественной воле. Едва только человек теряет это из виду, то свет в душе его тотчас меркнет, и он сразу же превращается в сына тьмы...»[1]

И вновь ключевым понятием служит слово *свет*.

---

[1] *Эккартсгаузен К.* Указ. соч. С. 123, 126–127.

* * *

Маг — слово древнее. За много сотен лет до нашей эры так называли жрецов религиозных культов в Персии, Мидии и Вавилоне. Жрецы всегда и у всех народов практиковали всевозможные ритуальные действия, призванные, как правило, умилостивить богов или духов, чтобы добиться от них желаемого. Такими же «практиками культов» являются шаманы, волхвы, авгуры и т. д. Главное, что их объединяет, — стремление путем ряда последовательных и предначертанных действий достичь того, что недоступно обычному человеку в его обычном состоянии.

Искусство магов, или Магия, — это оккультное (тайное) искусство или знание, позволяющее магу — человеку, посвященному в это искусство или знание, — входить в контакт со скрытыми силами и добиваться сверхъестественных результатов.

Человек, посвященный в такое тайное знание «законным» образом, по благословению, жрец или маг. Те же, кто проник в тайное знание по собственному произволу, называются колдунами (ведунами) и ведьмами.

Различие между легитимными и нелегитимными «практиками» существенно. Жрец никогда не выходит за рамки ритуала и всегда действует в строго определенной области; в противном случае он жестоко наказывается теми же силами, с помощью которых добивается своих результатов.

И поскольку всякая *нелегитимная* деятельность в области магии *противна Богу*, она даже при стремлении

достичь положительного результата всегда порождает зло. Впрочем, и практика *легитимная* такова только в пределах той традиции и той религии, в рамках которых она возникла и существует.

Один из непреложных законов бытия — *нарушение табу (запрета) всегда порождает зло.* И именно в этой плоскости лежит одно из основных противоречий магического искусства.

Об этом же свидетельствует и древняя восточная максима, высказанная Лао-цзы в «Дао дэ цзин»: «*совершенно-мудрый никогда не решается действовать самостоятельно, но всегда следует естественному ходу вещей*». Практикующий же магию, напротив, стремится вмешаться в порядок вещей и тем самым изменить его. Желает ли он излечить кого-либо, или вызвать дождь, или узнать будущее — он нарушает установление *времен и сроков.* Иными словами, вторгается в законы прошлого, настоящего и будущего.

Но мы не знаем, что такое время. Понять его очень важно, это не только позволяет длить жизнь сколь угодно долго, но и дает возможность производить превращения или в кратчайший срок достигать того, что в природе складывается годами и столетиями. Последняя идея породила целую плеяду людей, известных в истории под именем алхимиков. Оставив в стороне все многообразие магического искусства, они поначалу стремились всего лишь имитировать и максимально ускорить процесс естественного происхождения золота в природе. Известный исследователь оккультных наук Папюс в книге «Черная

и белая магия» дает следующее определение: «*Практическая магия представляет искусство воздействия динамизированной человеческой волей на эволюцию живых сил Природы в смысле ее ускорения...*»[1]

Тем самым Папюс совершенно отчетливо выражает понимание магии как лишь ускорения естественных процессов, к которому призывает нетерпеливость разума, развившаяся вследствие недолговечности человеческой природы. Однако это определение следовало бы немного поправить: иногда маг стремится и к замедлению течения естественных процессов. То есть — *магия есть искусство воздействия развитой человеческой волей на скорость и порядок протекания естественных процессов в Природе.*

То, что в данном определении под *динамизированной* Папюс понимает именно определенным образом развитую человеческую волю, подтверждается следующим его пояснением: «*К выражению „воля“ мы прибавляем прилагательное „развитая“ или, вернее, „динамизированная“, а динамизировать ее можно лишь путем упражнения*».

За прошедшие три тысячи лет выработались различные формы культов и сложились целые сословия их служителей — священников (жрецов). А поскольку ни Персии, ни Мидии, ни Вавилона, а главное — их религий, ныне не существует, слово маг стало всеобщим и, утратив конкретный, присущий ему в древности повседневный смысл, со временем обрело совсем иное значение. Магическое искусство

[1] *Папюс.* Черная и белая магия. М.: Мистер Икс, 1991. Т. 1. С. 3.

перестало быть прерогативой жречества и переродилось в некую оккультную практику, став, таким образом, законно-незаконным и тем самым как бы удвоив силу своего основного противоречия. Ныне маги если и существуют, то не принадлежат ни к какому особому объединению. И если в Библии еще упоминается некий *Симон Маг*, а пророк Моисей и вовсе многими считается настоящим магом, то после установления христианства отношение к магии стало окончательно негативным.

Конечно же, этому способствовало множество алхимиков-неудачников, которые, посчитав человеческий разум всемогущим, забыли о Боге. Но, возможно, так случилось и из-за того, что алхимики же провозгласили своего собственного бога — Гермеса, выдав пристрастие к язычеству и дискредитировав в глазах человечества высокую магию. Это предположение подтверждает известный авторитет в области оккультных наук Бомбаст Теофраст Гогенгейм Ореол Парацельс. В его «Оккультной философии» сказано, что «*философией этой на практике сильно злоупотребляют, используя ритуалы и иные извращения. И по сей день основание ее ложно воздвигается на песке...*» И далее поясняется: «*Надо, чтобы основание <...> покоилось на Священных Писаниях, на учении и вере Христа, являющихся самой крепкой и надежной опорой и краеугольным камнем*»; «*ибо высочайшие и величайшие... тайны сокрыты в Священных Писаниях, возглашены Апостолами, Пророками и самим Христом...*»; «*ибо Он — сама Святость, а потому все, предуготованное и сотворенное Им, также освящено*

Им и через Него. А значит, никакие творения рук человеческих не нуждаются в иных освящениях». И еще: «*Вера есть главнейшая и важнейшая опора*»[1].

Таким образом, возникает новое противоречие: несмотря на осуждение христианством магии, настоящим магом можно стать именно и только в союзе с религией. Те же, кто пытается, по мнению Парацельса, вне веры и воли Бога «*вынудить, приневолить, поразить и измучить духов, вынуждая их исполнять свою волю, могут быть уподоблены ворам и грабителям*». Парацельс уверен, что даже если им что-то удается, то происходит это «*лишь пока позволяет <...> Господь Бог, и не без проклятия Божия*». И заключает так: «*Я утверждаю, что все заклинания противны Господу и противоречат слову Его, Божественному закону и свету Природы... Не пристало нам поступать как язычникам. <...> Не должны мы также доверять ни символам, ни словам, ибо в них премного упражняются поэты...*»[2].

Наконец, он дает свое определение магии: это «*такое искусство и наука, что являет и возглашает свою мощь и силу верой*». <...> *И, тем не менее, колдовство может проистекать из нее...*»[3]. В завершение же Парацельс говорит следующее: «*Магическое Искусство есть самая тайная и оккультная наука о всем сверхъестественном в мире. Все то, до чего нельзя дойти человеческим умом, может быть найдено и познано посредством того Искусства,*

[1] *Парацельс.* Магический Архидокс. М.: Сфера, 1997. С. 75–79, 137.

[2] Там же. С. 83–86.

[3] Там же. С. 97.

словом, магией...». «Таким образом, магия — самое насущное и чистое Искусство, не запятнанное и не извращенное никакими ритуалами и заклинаниями. <...> Ибо магия не нуждается ни в ритуалах, ни в освящениях, ни в заклинаниях, ни в благословениях, ни в проклятиях, — но лишь в вере единой, о которой говорит Христос, утверждая, что ею мы можем поднять горы и ввергнуть их в море, и принудить, и отпустить, и приневолить всех духов. И она — истинное основание и орудие магии»[1].

Нечто подобное находят и у Трисмегиста: «*Гермес в своей книге „О нематериальности" уделяет внимание также и магии; он говорит, что духовному человеку, который ведает самого себя, не следует при посредстве магии исправлять что-либо, хотя бы он считал это дурным, чтобы не принуждать необходимость силой; напротив, она полезна, когда следует за природой и суждением о надлежащем, чтобы такой человек всего лишь познавал самого себя и Бога»*[2].

С этим положением согласны все наиболее авторитетные исследователи оккультных наук.

Итак, истинным магом является лишь тот, кто действует в полном согласии с волей Бога. И именно это убеждение привело к невиданному по масштабу изучению магического искусства в эпоху Возрождения.

Но, прежде чем обратиться к той эпохе, следует еще немного задержаться у истоков.

---

[1] *Парацельс.* Указ. соч. С. 136—138.
[2] Высокий герметизм. С. 397—398.

ГЕРМЕС ТРИСМЕГИСТ И СОЛОМОН

Если Зороастр считается основателем древнейшей мировой религии, то Гермес, по всеобщему признанию, — родоначальник тайных наук. Отсюда и другое их название — *герметическая философия.*

Согласно легенде, Гермес — античный бог, восприемник египетского бога Тота. «*Бог Гермес, повелитель слов <...> стоит во главе истинного знания о богах»,* — писал о нем неоплатоник Ямвлих (III — IV в. н. э.). А вот что рассказывается в другом источнике: «*Гермес Трисмегист. Это был египетский мудрец; акме его было прежде эпохи фараонов. Называли же его Трисмегистом, потому что он говорил о триаде, утверждая, что в триаде имеется одна божественность»*[1].

Не известны ни время, ни место его жизни. Исследователи, так же как и в случае с Зороастром, не могут даже прийти к единому мнению о том, существовал ли Гермес Трисмегист или он чистый миф. Его единственный из сохранившихся *достоверный* текст — «*Изумрудная скрижаль*» — некоторые уче-

---

[1] Высокий герметизм. С. 402.

ные датируют серединой II тыс. до н. э. Согласно преданию, такое некогда оставленное им завещание было по повелению Александра Македонского начертано на гранитном надгробии этого легендарного человека.

Однако подтвержденных сведений о самом Гермесе не сохранилось, и сейчас герметизмом традиционно называется религиозно-философское течение эпохи эллинизма, сочетавшее элементы различных философских течений, существовавших на тот момент (платонизма, стоицизма и др.), с астрологией, магией и религиозной практикой.

Имя Гермес скорее всего символично. Во-первых, Гермес — согласно греческой мифологии, вестник богов, а также отец герменевтики — науки понимания.

Интересен также и повсюду сопутствующий ему эпитет Трисмегист, в русском переводе с греческого означающий *Триждывеличайший*, или *В трех делах преуспевший более чем кто-либо*.

Что означает этот эпитет? Возможно, здесь имеется в виду познание им трех сфер бытия — сверхнебесной, небесной и земной. Вот что Гермес говорит своему сыну в трактате «Кратер»: «*Те же, Тат, кто воспринял дар Бога, по сравнению с иными уже не смертны, а бессмертны; ибо, объяв в себе благодаря собственному уму все то, что есть на земле, то, что в небе, и то, что свыше неба <...> они узрели благо*»[1].

Можно усматривать здесь и те три достижения, о которых говорится в книге «Зеница космоса»: «*Таков был всеведущий Гермес; он увидел все, а увидев, понял и, поняв, нашел в себе силы, чтобы сделать известным [и показать] это остальным людям*». И о чем он сам же далее говорит: «*Я <...> узрел безвидное всевидящими очами моего ума; и ко мне, пока я*

[1] Высокий герметизм. С. 65.

предавался созерцанию, пусть медленно, но все-таки пришло точное знание. И ныне мне необходимо возложить священные символы космических стихий»[1].

Дошедший до нашего времени свод герметической науки состоит из произведений так называемого высокого и низкого герметизма. К высокому относятся, прежде всего, наиболее ранние трактаты с глубоким философским содержанием: во-первых, «Герметический корпус» — четырнадцать трактатов, сохранившихся в рукописях византийского философа и историка XI в. Михаила Пселла; во-вторых, приписываемый Апулею диалог «Асклепий»; в-третьих, большое количество фрагментов, опубликованных в VI в. н. э. Стобеем в его знаменитой «Антологии».

К низкому герметизму обычно причисляют сочинения по астрологии, магии, алхимии и медицине, написанные в основном в Средние века.

Особое место в корпусе герметической философии занимает «*Изумрудная скрижаль*», содержащая в символической форме квинтэссенцию (суть сути) не только всей герметической философии, но и всей мудрости мира. Это настоящая конституция оккультизма.

ИЗУМРУДНАЯ СКРИЖАЛЬ ГЕРМЕСА ТРИЖДЫВЕЛИЧАЙШЕГО

«Истинно, без ложного, достоверно и совершенно истинно:

1. Все, что есть внизу, есть и наверху; все, что есть наверху, есть и внизу — к проявлению удивительного единства.

[1] Высокий герметизм. С. 330—331.

2. Всякая вещь произошла из одного, намерением одного; всякая вещь произошла от этой одной вещи усыновлением.

3. Отец ее — Солнце, мать — Луна; выносил ее Ветер в чреве своем, вскормила Земля.

4. Отец всякого совершенства во всем мире — она.

5. Если она обращается в землю, свойства ее остаются цельными.

6. Отдели землю от огня, утонченное от сплоченного, с великим искусством и тактом.

7. Возносясь от земли к небу и вновь возвращаясь в землю, восстанавливается единство; так обретешь славу всемирную и убежит от тебя всякая тьма.

8. Это и есть наисильнейшая сила сил; она одолеет всякую тонкость и пронижет любую плотность.

9. Так созданы миры.

10. Отсюда чудесные уподобления, способ которых этот.

11. Я называюсь Гермесом Триждывеличайшим, потому что владею тремя сторонами мировой философии.

О работе Солнца сказано мной достаточно».

Теперь обратимся к его оккультным практикам. Всякий *маг* непременно сочетал в своей деятельности два рода познания: высокую философию с ее бессмертным заветом «познай самого себя» и чисто практическую деятельность — врачевание или экспериментальное исследование природы. И это естественно; теория и практика — две стороны одной медали.

Трисмегист же, согласно «Изумрудной скрижали», а значит, и самому Гермесу, овладел *тремя сторонами мировой философии*. Что же под ними подразумевается? Скорее всего, это умозрительное познание (теория) и естественнонаучное познание мира (практика), а также некая религиозная составляющая — искусство жреца (мага).

Иными словами, истинный маг должен быть теоретиком науки, практиком и жрецом. Таков, по формуле Трисмегиста, путь к обретению настоящего естества, сути и предельного в своей завершенности знания о целом и едином.

Приведем здесь несколько наиболее характерных трактатов из герметического корпуса, сыгравших значительную роль в новом витке развития магии в эпоху Возрождения.

Гермес Трисмегист

СВЯЩЕННОЕ СЛОВО ГЕРМЕСА[1]

Во славу всего сущего, Бога, божественности и природы божественной. Начало бытия — Бог, Разум, природа и вещество. Мудрость являет вселенную, божественность же есть ее начало, природа, сила, необходимость, конец и возобновление.

Был мрак беспредельный над бездной, и вода, и дух тонкий и разумный, содержимые в хаосе божественной мощью. Тогда заструился свет святой, и под прахом стихии вышли из влажного естества, и все Боги прояснили

[1] Тексты Гермеса Трисмегиста цитируются по изданию: Вестник теософии. 1911. № 10.

плодоносную природу. Вселенная была в смятении и неустройстве, и вознеслись легкие стихии, а более тяжелые легли основою под влажным прахом, и было все разделено огнем и чаяло вознесения в духе. И небо явилось в семи кругах, и проявились Боги под видом светил со всеми их свойствами, и сочтены были светила с Богами, сущими в них. И воздух окутал внешний круг, несомый в круговом течении своем божественным духом. Каждый Бог, сообразно мощи своей, свершил деяние, ему предначертанное. И звери четвероногие родились, и гады, и звери водные, и звери крылатые, и всякое зерно плодоносное, и трава, и зелень всякого цветка, в себе несущего семя произрождения.

И посеяли они также племена людские, да познают божественные деяния и свидетельствуют о силах природы; и множество людей, да владычествуют надо всем, что под небом, и познают благо, да возрастают в великости и умножаются во множестве; и всякую душу, облеченную плотью течением круговых Богов, да созерцает небо, течение небесных Богов, божественные деяния и силы природы, и да различает блага, да увидит божественное могущество, да научится различать добро и зло, и откроет все полезные искусства. Их жизнь и их мудрость изначала направлены ходом круговых Богов; там же приходят к разрешению.

И будут великие и памятные труды на земле, оставляющие разрушение в обновлении времен. И всякий род одушевленной плоти и плодового зерна и все дела тлена возобновляемы будут необходимостью и обновлением Богов и периодическим правильным ходом природы. Ибо божественность — строй мира и его природное возобновление, и природа установлена в божественности.

Гермес к Тату

КРАТЕР, ИЛИ МОНАДА[1]

Гермес. Строитель мир построил не рукотворно, но словом Своим. Нужно Его представлять себе как везде и всегда сущего, как начинателя всего, как одного и единого, тварей создавшего волей Своею. Тело Его ни ощутимо, ни зримо, ни измеримо, ни протяженно, ни подобно какому-либо иному телу. Он — ни огонь, ни вода, ни воздух, ни дух, но все от Него исходит. Будучи благ, Он хотел создать мир для себя и украсить землю. Украшением божественного тела поставил Он человека, душу бессмертную и смертную. Человек преобладает над животными рассудком и разумом; он рожден для созерцания деяний Бога, восхищения ими и познания Творца. Бог распреде-

[1] В буквальном значении — чаша, сосуд, в котором смешивалось древними вино с водою. Чаша разума, где, погружаясь, душа принимает крещение, есть образ, заимствованный из орфических посвящений, подобный крещению и возрождению в духе христианства, у греческих писателей часто встречаются упоминания мистических обрядов: Платон говорит о кратере, в котором Бог смешал стихии мира; предание об Эмпедокле, погрузившемся в кратер Этны, — вероятно, метафора в том же роде. Можно также сделать сопоставление со словами Евангелия от Иоанна: «кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовеки; та вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (4: 14).

лил всем людям рассудок, но не разум, не потому, что иным позавидовал, ибо чужда Ему зависть, она рождается в душах людей неразумных.

Тат. Почему же, о отец, не распределил Бог разума всем?

Г. Он хотел, о сын мой, поставить его среди душ, как цель для достижения.

Т. И где Он поставил его?

Г. Он наполнил им великий кратер и вручил его посланцу, повелевая ему так взывать к сердцам людей: «Креститесь, если можете, в кратере, вы, верующие в возвращение свое к Пославшему его, вы, знающие, зачем вы родились». И те, что ответили на призыв и крещены были в Разум, обрели Ведение и стали посвященными Разума, людьми совершенными. Те, что не поняли Его, обладают рассудком, но не разумом и не знают, для чего и кем они образованы. Ощущения их подобны ощущениям безрассудных животных. Состоя лишь из страстей и желаний, они не восторгаются достойным созерцания, они предаются удовольствиям и влечениям тела: и мнят в этом цель человека. Но получившие дар Божий, те, о Тат, судя по деяниям их, бессмертны и не смертны более. Разумом объемлют они все, что на земле и на небе, и то, что может быть превыше неба. На достигнутой ими высоте они созерцают благо, и это зрелище заставляет их считать невзгодою их земное пребывание. Презирая все плотское и бесплотное, стремятся они к Одному и Единому. Таково, о Тат, научение разума: созерцать божественное и постигать Бога. Таково благодействие божественного кратера.

Т. Я также хочу креститься в нем, о отец.

Г. Если не станешь ненавидеть тела своего, о сын мой, не можешь ты возлюбить самого себя. Возлюбив самого себя, обретешь разум и тогда получишь знание.

Т. Что хочешь ты сказать, о отец?

Г. Невозможно, о сын мой, быть приверженным вкупе к смертному и к божественному. Естества бывают телесными или бесплотными; тем и отличается смертное от божественного; нужно избрать то или другое, ибо нельзя примкнуть к обоим купно. Когда выбор сделан, отвергнутое являет силу другого; избрав лучшее, сперва получают прекрасную награду и к тому же являют свое благочестие к Богу. Дурной выбор гибель для человека, но без вины Бога; лишь подобно праздногуляющим на дорогах проходят миром, влекомые наслаждениями тела.

А потому, о Тат, благо, от Бога исходящее, в нашей воле, да примем мы его без замедления. Зло идет не от Бога, оно исходит от нас самих, предпочитающих его добру. Ты видишь, о сын мой, сколько тел нам нужно пройти, сколько демонских хоров и звездных обращений, чтобы прийти к Богу Одному и Единому. Благо недоступно, бесконечно и беспредельно; само по себе оно не имеет начала, но для нас оно как бы имеет его в Ведении. Ведение не есть, в сущности, начало блага, но чрез него мы приходим к току. Примем же его руководителем — мы пройдем чрез все преграды. Трудно покинуть настоящее и привычное, чтобы вернуться на старые пути. Призраки обольщают нас, [мы] отказываемся верить в незримое: дурные вещи явны, благо — незримо очам, ибо не имеет ни вида, ни облика:

оно подобно лишь себе самому и от всего прочего отлично. Бесплотное не может проявиться телу. Вот в чем самоподобное отличается от разновидного и чем разновидное ниже самоподобного.

Единство, начало и корень всех вещей существуют во всем, как начало и корень. Нет ничего безначального; начало ни от чего не происходит, как только от самого себя, ибо все от него происходит. Оно самоначально, ибо не имеет начала иного. Единица, она же есть начало, содержит все числа и ни в одном не содержима; она порождает их всех и не порождаема ничем иным. Все рожденное несовершенно, разделимо, подвержено приросту и убыванью. Совершенное вовсе не имеет этих свойств. Все возрастающее возрастает через единицу и гибнет от собственной немощи, если не может больше принять единицы.

Вот, о Тат, образ Божий, поскольку можно его представить себе. Если ты вглядишься в него внимательно и постигнешь его очами сердца, верь мне, сын мой, ты найдешь тропу восхождения, или, скорее, сам этот образ тебя поведет; ибо таково свойство созерцания: оно пленит и привлекает, как магнит привлекает железо.

БЛАГО В ОДНОМ ЛИШЬ БОГЕ И НИ В ЧЕМ ИНОМ

Благо, о Асклепий, нигде, кроме единого Бога, или, вернее, благо — всегда сам Бог. Итак, это естество непреложное, несотворенное, вездесущее, в себе обладающее деятельностью постоянною, совершенною, полною и неистощимою. Единство — начало всего, благо — источник всего. Говоря: благо, я разумею то, что всецело и всегда добро. Такое же совершенное благо нигде не находится, кроме как в одном Боге, ибо нет в Нем порока, ни желания, могущего сделать Его дурным; Он ничего не может утратить и скорбеть об утрате: печаль один из видов зла. Нет ничего сильнее Его и что могло бы Его одолеть; нет ничего Ему равного и что могло бы Ему повредить или внушить желание. Ничто, при ослушании, не могло бы возбудить Его гнева, ничему наимудрому не мог бы Он позавидовать.

Так как все это чуждо Его естеству, остается Ему только благо, и так как в естестве этом нет ничего дурного, благо не может оказаться ни в чем ином. Разность пребывает во всех отдельных существах, малых или великих, даже в наибольшем и сильнейшем из всех живущих. Всякая тварь подвержена страсти, даже рождение от страсти. Где же страсть, там не бывает блага, и где благо — нет страсти, как день не бывает ночью и ночь днем. И благо не может пребывать в твари, но лишь в нетварном. Суть всех вещей участвует в благе как в бытии, в этом смысл, и мир благ, ибо производит все сущее; он благ, пока творит, в остальном он не благ, ибо подлежит страсти, колебанию и производит страстных существ.

В человеке благо — лишь сравнительное зло, здесь все не слишком дурное благо и благо есть лишь наименьшее зло. Но земное благо не может быть всецело чистым от зла; оскверненное примесью зла, оно перестает быть благом и становится злом.

Итак, благо существует в одном лишь Боге, или Бог есть благо. Среди людей, о Асклепий, благо существует лишь по имени, но ничуть на деле. Благо несовместимо с вещественным телом, одержимым отовсюду сквернами, муками, желаньями, гневом, заблуждениями, суевериями. Но самое худшее, о Асклепий, в том, что благом считается любое из зол, которых надлежало бы избегать, излишества чрева, порок, влекущий за собою всякое зло и удаляющий нас от блага.

Я же воздаю благодарение Богу, вложившему в мой разум познание блага, ибо самое благо не может пребывать в мир; ибо мир исполнен зла, Бог же — исполнение блага, или благо исполнено Бога. Прекрасное сияет вкруг естества, и так, быть может, является оно в своем самом прозрачном и чистейшем облике. Не убоимся сказать, о Асклепий: естество Божие, если, однако, Бог имеет естество, — это красота. Прекрасное и благое не могут быть в мире все видимые предметы — лишь отражения, и как бы тени. Помимо доступного чувству нужно искать прекрасное и благое, и око не может увидеть их, ибо не может зреть Бога; они — Его неотъемлемые части, присущие свойства, неразлучимые и многожеланные, возлюбленные Им или любящие Его.

Если можешь ты постигнуть Бога, постигнешь ты прекрасное и благое, чистое сияние Бога, несравненную красоту, благо бесподобное, как сам Бог. Сколько ты понимаешь Бога, столько понимаешь прекрасное и благое; они не могут сообщаться другим существам, ибо неотделимы от Бога. Взыскуя Бога, взыскуешь ты красоту. Единый путь, ведущий туда, — благочестие купно с Ведением. Невежды, не идущие путем благочестия, дерзают называть человека прекрасным и благим, его, не видевшего, даже в грезе, что такое благо, окутанного скверною отовсюду; зло он считает добром, злом питается неутолимо, боится его утраты и силится не только сохранить его, но и увеличить. Того, что люди считают благим и прекрасным, о Асклепий, не можем мы ни избежать, ни ненавидеть, ибо, что тяжелее всего, мы нуждаемся в нем и не можем без него жить.

НАИБОЛЬШЕЕ ЗЛО ДЛЯ ЛЮДЕЙ — НЕВЕДЕНИЕ БОГА

Куда стремитесь вы, опьяненные люди? Вы упивались вином неведения и не можете его стерпеть, уже извергаете вон. Отрезвитесь и откройте очи вашего сердца, если не все из вас, то хоть те, что могут. Ибо бедствие неведения затопляет всю землю, сквернит душу, замкнутую в теле, и препятствует ей войти в пристань спасения. Не допускайте потоку унести вас; вернитесь, если можете, в пристань спасения. Ищите кормчего, да поведет вас к вратам Ведения, где блещет сверкающий неомраченный свет, где никто не пьянеет, где все трезвы и обращают очи сердца к Тому, Кто хочет быть созерцаемым, неслыханный, неисповедимый, незримый очам, видимый разуму и сердцу.

Прежде всего разорвать нужно одежду, носимую тобою, это одеяние неведения, начало всякой злобы, оковы порока, облачение мрака, живую смерть, чувствующий

труп, могилу, что ты носишь с собою, домашнего татя, враждебного в любви, рьяного в ненависти. Таково враждебное одеянье, облекающее тебя; оно влечет тебя вниз к себе, опасаясь, да не заставит тебя зрелище правды и блага возненавидеть злобу его, открыть построенные тебе ковы, помрачая пред тобою все, что нам кажется светлым, удушая тебя в веществе, опьяняя нечестивыми усладами, да не услышишь ты того, что должен слышать, и не увидишь того, что должен видеть.

НИЧТО НЕ ИСЧЕЗАЕТ, ЛИШЬ ПО ЗАБЛУЖДЕНИЮ, ПЕРЕМЕНЫ ЗОВУТСЯ СМЕРТЬЮ И УНИЧТОЖЕНИЕМ

Побеседуем теперь, о сыне, о душе и о теле, о бессмертии души, о составе тела и его разложении. Ибо смерти не существует; слово *смертное* бессмысленно, либо есть нечто иное, как слово *бессмертное*, утратившее первый слог. Смерть была бы уничтожением, в мире же ничто не гибнет. Если мир — второй Бог, душа бессмертная, то ни одна часть естества живого и бессмертного не может умереть. Частью же мира является все, особливо человек, душа разумная. В бытии первый — вечный, несотворенный всесоздатель Бог. Второй сотворен по образу Его; это мир, Им порожденный, содержимый и питаемый; он воспринял от Отца бессмертие и, значит, навеки жив. Бессмертие отличается от вечности: вечное не рождено никем

иным; оно произошло само собою, или, вернее, созидается вечно. Кто говорит — вечное, говорит — всемирное. Отец вечен сам по Себе, мир воспринял от Отца непрестанную жизнь и бессмертие.

Из всего вещества, подвластного Ему, сотворил Отец тело вселенной, дал ему округлый облик, назначил ему присущности и сделал его бессмертным и вечно вещественным. Обладая полнотою обликов, Отец рассеял присущности в сфере и заключил их там, как в вертепе, желая украсить всячески создание свое. Он облек бессмертием тело вселенной, да не войдет вещество, стремясь к растворению, в свойственное ему нестроение. Ибо, в пору своей бестелесности, беспорядочным было вещество. Оно хранит и поныне от этого слабый след в свойстве возрастанья и убыли, то, что люди зовут смертью. Это нестроение происходит лишь в жизни земной: тела небесные хранят единый строй, изначала воспринятый от Отца, сохраняемый нерушимо восстановлением каждого из них. Восстановление хранит тела земные, распадение же таковых претворяет их в тела бессмертные, и таким образом является лишение ощутимости, а не уничтожение тела.

Третье живущее — человек, созданный по образу мира; волею Отца, он обладает разумом больше прочих земных животных; через ощущенье он в соотношении со вторым Богом, мыслью — с Первым; одного постигает как телесное. Другого — как бесплотное естество, разум и благо.

Т. Итак, это живущее не умирает?

Г. Скажи лучше, о сын, и уразумей Бога, мир, жизнь бессмертную, жизнь, подверженную растворенью. Пойми,

что мир исходит от Бога и пребывает в Боге, что человек исходит от мира и пребывает в мире. Начало, совершенство и постоянное пребывание всего — Бог.

О МЫСЛИ И ОЩУЩЕНИИ. КРАСОТА И БЛАГО В ОДНОМ ЛИШЬ БОГЕ И НИГДЕ КРОМЕ НЕГО

Вчера, о Асклепий, преподал я слово посвящения. Ныне считаю необходимым сопроводить его другим и говорить об ощущении. Между ощущением и мыслью та разница, что одно (принадлежит) веществу, другая — сущности. У прочих животных ощущение, у человека же мысль — прирожденны. Мысль отличается от разума, как божественность от Бога; божественность рождается от Бога, мысль — от разума; она сродна слову, и оно служит ей. Всякое слово выражает мысль, и всякая мысль проявляется в слове. Ощущение и мысль в человеке имеют взаимное влияние и связаны нерасторжимо. Невозможна мысль без ощущения, ни ощущение без мысли. Можно, однако, предположить мысль без ощущения, как прихотливые образы сновидений, но мнится мне, что оба действия происходят во сне и что возбужденное ощущение от сна переходит в явность. Человек состоит из тела и души. Когда обе стороны ощущенья согласованы — выражается мысль, зачатая разумом. Ибо разум зачинает все мысли, благие, если они зарождены Богом, иные — под влиянием бесовским. Ни одна часть мира не свободна от демонов — я говорю о демонах, отпавших от Бога; вселяющийся в нас (демон) засевает там зерно свойственной ему силы, и разум, приняв это зерно, зачинает блуд, убийства, отцеубийства, кощунства, нечестие, насилия, свержения в бездны и все другие деяния злых демонов[1].

Семена Бога, немногочисленные, но великие, прекрасные и благие, — добродетель, воздержание и благочестие. Благочестие — познание Бога; обладающий им исполнен всех благ: он зачинает божественные мысли, отличные от мыслей толпы. Вот почему пребывающие в Знании не любы толпе и не люба им толпа. Их считают безумными, их осмеивают, они ненавидимы и презираемы; по возможности их предают даже смерти: ибо, как сказано, зло обитает здесь, это его вместилище. Земля его область, но не мир, как скажут иные хулители. Но праведный человек все превышает обладанием Ведения. Все благо для него, даже то, что оказалось бы дурным для других. Его размышления все применяют к Ведению, и, о чудо, он один претворяет зло в добро.

Возвращаюсь к моей речи об ощущении. Тесная связь ощущения и мысли свойственны человеку. Не все люди, как сказано мною, располагают разумом: одни принадлежат веществу, другие — сущности. Злые вещественны и воспринимают от демонов семя их мысли; единосущные с благом — спасаются Богом. Бог — создатель всего и все свои созданья творит подобными Себе, но эти благие творенья неплодны в действии. Движенье мира рождает разно-

[1] Убеждение о вселении демонов наиболее всего свойственно зороастрийству, разработавшему сложнейшие ритуалы очищения.

образные произведения, одни оскверненные злом, другие очищенные благом. Мир, о Асклепий, обладает ощущением и мыслью, не сходными с человеческими, ни такими многообразными, но высшими и более простыми. У мира одно лишь чувство, одна лишь мысль — творить все вещи и возвращать их в себя. Он — орудие Божией воли, и его удел — воспринимать божественные семена, хранить их, производить все вещи, растворять их и возобновлять. Подобно доброму оратаю жизни, он возобновляет свои произведенья, преображая их; он порождает всякую жизнь, вносит все живые естества, он одновременно и вместилище, и строитель жизни.

Тела различны по веществу: одни образованы землею, другие водою, иные воздухом, иные огнем. Все сложны, но одни в большей степени, другие же проще; первые тяжелее, вторые легче. Быстрота мирового движения производит многообразие видов; его многократное дыхание навевает телам многообразные свойства, при полном единообразии жизни. Бог — отец мира, мир — отец сущего в нем; мир — сын Божий, сущее в мире подвластно ему. Справедливо называют мир κόςμος, от κοςμέω — украшать, ибо он краса всего и все устроят многообразием видов, (в нем) жизнь неиссякаемая, деятельность постоянная, необходимость движения, сочетание стихии и строй творения. Да наречется же он κόςμος, это имя ему подобает.

У всех животных ощущение, мысль приходят извне, из среды окружающей; мир воспринял их раз и навсегда при рождении — от Бога. Бог не лишен ни чувства, ни мысли, как думают иные: это хула суеверия. Все бытие, о Асклепий, пребывает в Боге, произведенное и зависимое от Него; все, что действует телами, что движет душевной сущностью, что оживляет духом, что служит вместилищем мертвым тварям, все это в Боге. И не только говорю, что Он вседержитель, но что воистину Он есть Все. Он не извлекает ничего извне, но все из Себя производит. Чувство, мысль Божия — это вечное движение вселенной; никогда, ни в какое время не погибнет ни одно существо, т. е. частица Бога, ибо Бог — вседержитель, нет ничего вне Его, и Он не пребывает вне чего бы то ни было.

Все это истинно, о Асклепий, для того, кто уразумеет; невежда не верит этому, ибо разум — вера; не верить — значит не разуметь. Слово мое достигает истины, разум велик и может, если указать ему путь, прийти к истине. Когда размышляет он над вещами, находя их согласными с толкованьями слова, он верит и покоится в этой блаженной вере. Разумеющие божественные слова имеют веру, не разумеющие — не веруют. Вот что имел я сказать об ощущении и мысли.

* * *

Превосходный пример очищенного и просветленного разума являет мудрейший из живших на земле — царь Соломон.

Соломон (от еврейского Шеломо — «мирный», «благодатный») правил Иудейским царством в 965–928 гг. до н. э. О Соломоне написано в книгах Царств и Паралипоменон довольно подробно. Он был младшим сыном Вирсавии и царя Давида. После того как Соломон подавил выступление своего старшего брата Адония, стремившегося узурпировать власть, умирающий Давид помазал его на царство. Женитьба

на дочери фараона помогла Соломону заключить союз с Египтом. Затем Господь явился Соломону во сне и сказал: «Проси, что дать тебе», и он попросил разумное сердце, чтобы уметь судить людей и различать добро и зло. «*И дал Бог Соломону мудрость, и весьма великий разум, и обширный ум, как песок на берегу моря. И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов востока и всей мудрости египтян...*» (3 Цар 4: 29)

Прославился он также строительством храма в Иерусалиме. С помощью Хирама, Тирского царя, были собраны строительные материалы и средства, а также и рабочие; после семи лет упорного труда строительство завершилось, и в Храм внесли ковчег завета Господня. Когда церемония освящения закончилась, Бог вновь явился Соломону и обновил свой завет, пообещав ему и его народу славное будущее, но предупредив при этом о наказаниях за поклонение другим богам.

Однако Соломон не внял увещеванию, и Господь прогневался на него из-за его отступления от веры.

Эта история могущественного правителя, который в конце жизни стал жертвой идолопоклонства и до самой смерти был в немилости у Бога, дает богатую пищу для размышлений.

Пожалуй, найдется совсем немного персонажей столь же легендарных, как царь Соломон, которые неизменно оставались бы главными героями множества легенд — как на Западе, так и на Востоке. Только для того, чтобы составить каталог всех литературных источников, в которых содержатся рассказы о Соломоне, потребовалась бы, наверное, целая жизнь.

Память о нем сохранили Библия, Талмуд, Коран, сказки «Тысячи и одной ночи», персидская и турецкая поэзия, греческие и римские тексты — «Завет Соломона», «Gesta Romanorum», старинные французские, немецкие и английские легенды; средневековая книга по магии «Claviculae Solomonis» («Ключики Соломона»), переведенная на все европейские языки и до сих пор используемая на практике.

Соломон считается автором таких ветхозаветных книг, как «Притчи Соломона», «Экклезиаст», «Песнь песней», «Книга премудрости Соломона», и еще некоторых других, не входящих в канонический текст Ветхого Завета: «Завещание Соломона», «Псалмы Соломона» и «Пророчество Соломона о Иисусе Христе», написанное на чаше царя и свидетельствовавшее о том, сколько лет пройдет от Соломона до Христа. Соломону также приписывается авторство двух библейских псалмов (71 и 126).

Некоторые отрывки из «Книги Царств», «Притчей Соломона» и «Книги премудрости Соломона» лишь подтверждают предположение, что он обладал знанием, недоступным прочим смертным.

Соответствует библейскому Соломону и Сулайман сын Дауда, о котором в Коране говорится, что он превосходил мудростью своего отца. Наследовав Дауду, Сулайман стал великим правителем. Ему подчинялись ветры и птицы, а перстень Сулаймана с печатью, имевшей форму шестиконечной звезды, считался у мусульман могущественнейшим талисманом.

Во многих легендах утверждается, что Соломон получил в дар от Господа не только мудрость, богатство и славу, а еще и волшебный перстень, дававший ему власть над ветрами и силами природы, зверями и птицами, над людьми и всеми духами, небесными, земными или подземными. Таким образом, за одну ночь он превратился в самого могущественного мага в истории земли. И это породило неравный конфликт между мудростью и силой. С волшебным кольцом все было необычайно легко, оказалось, что с ним легко потерять голову даже мудрейшему человеку на земле.

Здесь мы приводим один из вариантов апокрифа, известного под названием «Завещание Соломона». Полностью заголовок,

переведенный с греческого образца, звучит следующим образом: «*Завещание Соломона, сына Давида, который был царем в Иерусалиме, подчинил себе и управлял всеми духами воздуха на земле и под землей. С их помощью он также совершал все божественные работы в Храме. Здесь же говорится о той власти, которой они обладают по отношению к людям, и о том, какие ангелы могут противостоять этим демонам*».

О СОЛОМОНЕ[1]

Соломон, сын Давидов, родился от жены Урия; произошло же это таким образом. Увидел царь Давид жену Урия в бане обнаженной, и вселил сатана в сердце его любовное желание соблазнить ее, и Давид не только совершил прелюбодеяние, но и побудил убить Урию, мужа соблазненной. Возлюбленный Богом великий пророк, избранный Богом, величайший из всех, псалмопевцев украшение, прославленный божественный отец, составитель Ветхого и Нового Завета претерпел от Велиара и великозлобной вражды, претерпел, как и прежде созданный Адам. Урия был убит, посланный Давидом в сражение и назначенный по желанию его и воле на передний край сражения, чтобы таким образом захваченный один и не имея помощи был бы убит; так и произошло. Прежде чем все это случилось, пришел ангел Господень к Нафану пророку и сказал ему: «Отправляйся к царю Давиду пророку и научи его не делать беззаконных

[1] Перевод выполнен с греческого оригинала, хранящегося в Афонском монастыре под № 132 и опубликованного В. М. Истриным в книге «Греческие списки Завещания Соломона» (Одесса, 1898).

дел сатаны». Выйдя же, Нафан отправился к Давиду и натнулся на препятствие от Белиара. Нашел ибо дьявол человека непогребенного и проклятый положил его на пути Нафана. Увидя мертвого человека, Нафан пожелал похоронить его, и во время этих похорон и исполнил Давид беззаконные дела сатаны. Узнав это, пророк Нафан горько сетовал и говорил: «Через меня произошел этот грех». И вновь пришел к нему ангел, говоря: «Через тебя произошло падение, через тебя будет и исправление. Отправляйся теперь к царю и изобличи его беззаконие». И говорит Нафан ангелу: «Как я, бедняк, изобличу царя?» Ангел же сказал ему: «Я буду с тобой, ты оповестишь, я же наведу на него страх». И отправился Нафан к Давиду, пал перед ним ниц и рек: «Господин царь, был я некими людьми привлечен к суду и пришел рассказать тебе о нем». Царь же ему говорит: «Что это за суд такой?» Нафан же сказал притчей: «Есть у меня господин, владеющий мной, и имел он сотню ягнят и радовался на них, я же имел одного ягненочка, и взял он его у меня, сотню имея, и съел его». Узнал в том Давид свое собственное дело и, встав с ложа своего, горько стеная, со слезами сказал: «Я есть подобное совершивший». И начал печально говорить пятидесятый псалом[1]. А Нафан ему: «Да отпустит наконец Господь Бог грех твой»[2].

Родил Давид Соломона от жены Урия, и тот взял царство отца своего Давида и был прославлен высочайшей мудростью и разумностью, и линия рода его поднялась до

[1] 50-й псалом Давида.

[2] См. 2 Цар 11, 12.

божественной плоти Господа нашего Иисуса Христа, так как и Он сам из сынов божественного отца Давида, чтобы и пророческая речь исполнилась, говорящая: «...не отойдет главенство от Иуды, ни же начальствующий от чресл его, пока не приидет, Который назначен»[1]. Мудрость же Соломона была подобна мудрости первого человека Адама. Воспитана эта мудрость мудростью удивительного Сираха[2], по предусмотрению свыше. Ту же мудрость являя, Господь в Евангелиях сказал, что мудрость Соломона Он полагает наивысшей из всех[3], так судил, так действительно и было. Благодаря этой мудрости набрался смелости дивный Соломон и решил возвести дом Господу Богу наипрекраснейший, наивеличайший и самый прославленный на земле. Получился же и был возведен дом Господа Бога согласно желанию, и мудрости, и искусству Бога через мудрость и усердие Соломона. Итак, возвел он таковой храм после великих приготовлений сам и дети его[4].

Имел Соломон из всех детей своих одного наиболее желанного; ибо хлеб, и пищу, и одежду вдвое давал ему.

---

[1] «Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет Примиритель, и Ему покорность народов» (Быт 49: 10).

[2] Сир 47: 15—18.

[3] Подобное высказывание в канонических текстах есть только в Ветхом Завете: «И дал Бог Соломону мудрость и весьма великий разум, и обширный ум, как песок на берегу моря. И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов востока и всей мудрости египтян. Он был мудрее всех людей...» (3 Цар 4: 29—31).

[4] Его отцу Давиду, постоянно ведшему кровопролитные войны, не было дано построить храм, Соломону же, как величайшему миротворцу, Бог повелел возвести храм в Иерусалиме (3 Цар 5, 3).

Было же это дитя неприятно видом и обликом некрасивое[1]. И печалился, видя его таковым, Соломон. И в один из дней сказал ему: «Почему ты так плохо выглядишь? Что из существующих вещей печалит тебя? Или не получаешь всего вдвое от меня?» И дитя говорит царю: «Тот хлеб, господин царь, каковой мне даешь, весь потребляю, но не выгляжу от этого лучше ничуть. Нападает на меня ночью дух дурной и нечистый, подловляет и выжимает оконечность пальца моего, и делает вид мой таким неприятным и неприглядным».

Услышав это, Соломон обратился с увещеваниями к Господу Богу. И прислал к нему архангел Михаил медный перстень с печатью и дал эту печать Соломону, и говорит: «Отдай отроку эту печать и пусть будет с ней на ложе его, и когда придет к нему дьявол, пусть стукнет его печатью в грудь и, связав, пусть приведет его к тебе. Должно ибо тебе подчинить всех духов с помощью его и печати Бога и построить дом Бога при посредстве множества дурных духов, работающих вместе с людьми». Взяв печать, Соломон поблагодарил святого Бога за присланного от него ангела. И, призвав отрока, дал ему печать, возвестив сказанное ангелом. Отрок, взяв перстень Бога, с наступлением вечера улегся в свою кровать. И к

---

[1] В другом списке написано: «При постройке храма был один юноша, проявлявший особенное усердие в работе и своим примером делавший других мастеров более усердными. Слышавшие о юноше все радовались его усердию, и Соломон сильно возлюбил его и давал ему ежедневно двойную против других порцию пищи и питья. Демон же позавидовал усердию юноши и стал приходить каждый день и отнимать у него половину порций».

тому привыкший явился к нему дьявол, и сразу отрок ударил врага по сердцу печатью Бога. Сатана же жалостным голосом закричал: «Ах! Увы! Как поработился я царю Соломону?» И повязав его так, привел к царю Соломону. Рассматривая его, царь рек: «Скажи нам, дух дурной и нечистый, как кличут тебя и каково твое ремесло?» И дьявол сказал царю: «Зовут меня Орний, ремесло же мое ко всему способно». И говорит царь: «Какой ангел лишает тебя сил?» И дьявол: «Великим архангелом Михаилом обуздываюсь, он же и моя сила». И царь рек: «Сможешь сделать что-либо для храма Господа и для завершения его строительства полезное?» А дьявол: «Смогу с помощью печати этой созвать всех духов к тебе, и подчинить твоей воле, и закончить строительство, и возвести, подчинив всех духов рабам, храм Господа Вседержителя». Услышав это, Соломон возблагодарил Господа Бога и попросил Орния отправиться с печатью и отроком и собрать духов. И они пошли, и собрали всех, и привели к царю Соломону. Все они приблизились к царю и пали ниц перед ним. И спросил царь у каждого духа отдельно имя и ремесло и кто каким из святых ангелов обуздывается. И соответственно ремеслу каждого, прозванию и обуздывающему ангелу поручил им трудиться для завершения храма. И содействовал каждый по отдельности рабу, к которому был приставлен по мудрости Соломона; и таким образом, было чрезвычайно удивительно видеть множество мужей и духов, которые по воле Господа мирно возводили и вели к завершению храм Господа со всей

заботой и усердием, без дерзаний духов, ни же случая соблазнить или обидеть людей[1].

Из мужей же, имеющих особое старание к завершению строительства храма, [некто] пришел к соревнованию и спору с сыном своим, и сражались друг с другом, пылая гневом, желая растерзать друг друга. Преисполненный гневом отец однажды подошел к царю Соломону и со слезами сказал ему: «Господин царь, или осуди смерти моего сына, поступающего так оскорбительно противозаконно со мной, отцом, или, так и знай, что более не двину я рукой моей к завершению строительства храма». Пока царь размышлял по поводу услышанного, пришел и сын старика к царю, также обвиняя и то же говоря про отца. Царь, думая об этом и не зная, что выбрать, обратил внимание на то, что работающий Орний смеется, и сказал судящимся: «Отойдите-ка ненадолго от меня». И когда они отошли, подозвал Орния и спросил его: «Что смеешься, Орний? Меня, царя, осмеиваешь или суд мой? Или храм Господа?» И Орний говорит царю: «Господин царь, мудрейший и справедливейший Соломон. Не над тобой, царем, смеюсь и не над судом твоим, ни над храмом Господа, ни над этими несчастными судящимися; но несчастны, говорю я, старик и сын его. Ибо не пройдет и трех дней, и конец придет юноше». И царь Орнию гово-

[1] Есть и другое объяснение. Храм возводили десятки тысяч людей в течение семи лет, при этом работы велись совершенно бесшумно, что объяснялось тем, что для обтесывания камней Соломон использовал волшебного червя шамир, проедающего скалы, которого принес ему гриф из Эдемского сада.

рит: «Иди и трудись с усердием, миром и послушанием для храма Господа Бога Вседержителя». И отошел от того места Орний и трудился. Подозвал царь двух тяжущихся и сказал им: «Идите и делайте дело ваше до пяти дней, и после этого примем решение и закончим суд над вами». И приказал царь назначить день соответственно сказанному. По прошествии же пяти дней пришел старик к царю унылый и угрюмый и, слезы из глаз пуская, сказал: «Царь, умер мой сын, умер, и не видно больше его, меня же оставил в наитяжелейшей бедности, и боли сердца, и невыносимом стенании. Ибо уже не увижу его, не узрю лица его. Скрылся в место бессветлое, в землю мрачную, в землю темную». Пораженный всем этим царь спросил: «В который день умер?» И сказал старик: «Спустя три дня умер после того, как мы к твоей власти приходили». И говорит царь: «Ступай с миром, старик. Господь Бог, Отец утешения и успокоения обиженных, утешит твое сердце, чтобы оно больше не печалилось. Помни, что твой сын человеком был. Всякий же человек смертен. Поэтому не печалься, ибо ничего не достигнешь здесь, жалуясь». Услышав это от царя, старик ушел, успокоив сердце. И, пригласив Орния, царь спросил: «Скажи нам, как определяешь ты смерть человека, дух ты нечистый?» Орний же ответил: «Мы, господин, с неба изгнаны вниз, и теперь ангелы Бога и свет окружены демонами, и нечистыми духами, и мраком, как ты и видишь. И мы рождены как работники Бога, попавшие ныне тебе в услужение, и призваны в помощь Богом. Но, низвергнутые с неба, и падшие, и брошенные в ужасный ад, мы снова поднимаемся к основанию неба, и сообщество ангелов слушаем, и от них узнаем о смерти человека за сорок дней. И, услышав о таковых, соревнуемся и стараемся погубить такого человека или огнем, или водой, или скалой и тем самым получить что-либо от его доли. И в этом нет нам ни грана отдохновения под небом, и мы падаем, словно листва с деревьев, и кажемся людям как звезды сыплющиеся, чтобы превозноситься людьми»[1]. А царь: «Так падающие звезды и блуждающие звезды[2] не есть на самом деле звезды?» И Орний: «Нет, царь. Ибо звезды небесные бессмертны, крепки и неподвижны». И, услышав все это, царь отпустил Орния заниматься его делом.

Закончен был храм, и все цари земли и начальники из знатных, и царица Юга, или мудрая Сивилла, также сама

[1] В другом варианте «Завещания» Орний отвечает следующее: «На небесах есть все то, что есть и на земле. Ибо там есть княжества, администрация, мировые правители, и мы, демоны, там летаем в воздухе; и мы слышим голоса небесных сущностей, и обозреваем все силы. И, поскольку не имеем никакой поверхности [основания], где можно остановиться и отдохнуть, мы теряем силу и опадаем, словно листья с дерева. И люди, видя нас, воображают, что это звезды падают с небес. Но на самом деле это не так, о царь; но мы падаем из-за нашей слабости, потому что нам негде прилечь и не за что удержаться; так что мы внезапно падаем, подобно молнии во мраке ночи. И мы поджигаем города и поля. Ибо звезды [в отличие от нас] имеют прочное основание на небесах, подобно солнцу и луне».

[2] Здесь уместно вспомнить замечание, имеющееся в древнем трактате герметического корпуса «Из диалогов Гермеса с Татом»: «Одни звезды отличаются от других звезд; в самом деле, звездами называются и те, которые парят в небе, и другие — которые располагаются в теле неба и движутся вместе с небом; из них образуется то, чему мы даем название „двенадцать знаков зодиака"» (Высокий герметизм. С. 299). Соломон, естественно, был поражен ответом, поскольку он противоречил наивысшей по тем временам мудрости, переданной будто бы самим Гермесом Трижды величайшим.

пришла увидеть храм Господа и принесла к завершению храма дерево дорогое и ценное[1].

Царь же аравитян прислал послание царю Соломону, в котором было написано следующее: «Царь Соломон, да радуешься. Да узнает твоя царская власть, что в наших землях обитает тяжелый сильный дух и в течение трех дней наводит ветер крепкий и срывает дома, и деревья, и холмы и людей губит, бросая их на скалы, и в воду, и в огонь. Если только желает твоя власть послать и изгнать, и совершенно истребить его от тех земель, и, если только это сделает царская власть твоя, мы бы пожертвовали тогда к завершению храма 125 талантов золота, серебра и меди». Ознакомившись с посланием, царь приказал отроку, имеющему печать, тотчас захватить ее и в напутствие говорит: «Немедленно отправляйся к царю аравитян и возьми с собой печать и верблюда одного из быстрейших, и мех кожаный, новый, и пусть укажет тебе место, где обитает дух дурной. И, заняв место то самое, набрось мех пастью его, через которую он дышит, вкруг отверстия норы, и наблюдай день, когда исходит дурной дух. И когда увидишь мех наполненным по обыкновению ветром, запечатай перстнем и приторочь его к верблюду, и доставь тотчас нам». И ушел отрок, и сделал все по воле царя Соломона. На обратном пути говорит дух отроку: «Отпусти меня, отрок, и я укажу тебе место, где спрятан ценный

[1] Все цари и мудрецы земли приходили к Соломону с дарами, чтобы послушать его премудрости. Пришла к нему однажды с дарами и легендарная царица Савская, дабы испытать его всякими мудреными загадками (3 Цар 10: 1–13; 4: 34; 10: 24).

камень и золото». Отрок же говорит: «Сходим прежде к царю и это после по его распоряжению сделаем». Когда же путь закончили и достигли места, в котором был царь, мех, повалившись с верблюда, пал наземь, вверх и вниз скача перед Соломоном. Царь же сказал: «Кто ты есть и каково имя твое?» Он же говорит: «Я прозываюсь духом Ефиппой». И говорит ему царь: «Можешь сделать для меня что-нибудь полезное?» И Ефиппа ответил: «Могу поднять камень краеугольный, который отвергли люди и демоны, и положить его во главу угла». И царь поощрил Ефиппу сделать это[1].

И он сделал это на виду у всех, и царя, и стоящих вокруг мужей. Изумленный же происшедшим царь сказал Ефиппе: «Знаешь ли еще какого духа, подобного тебе?» И говорит Ефиппа: «Есть, царь, и другой дух, в Эритрейском море лежащий и имеющий в самом себе пурпурный столб». И говорит царь: «Отправляйся с печатью и приведи мне его сюда». Ефиппа, уйдя с печатью, вытащил его и привел, и оба духа, подняв столб, несли его по воздуху. Увидев это, царь пришел в изумление, велел им поднять

[1] В другом источнике есть следующая преамбула: «И Иерусалим был отстроен, и храм был почти возведен. И лежал камень, последний, краеугольный, камень, огромный, [специально] подобранный, именно такой, как я хотел, чтобы поместить его точно в угол для завершения храма. И все рабочие, и все демоны, которые им помогали, пришли, чтобы поднять камень и установить его во главу угла святого храма, но сил не хватило, чтобы сдвинуть его и положить в нужное место. А этот камень был очень большой, и он был необходим для завершения строительства храма».

столб и повесить его в воздухе вплоть до свершения времен (вечности) и не бросать его на землю никогда, чтобы каким-нибудь образом род людей не осквернили бы[1].

Затем царь спросил Орния: «Есть ли еще какой дух?» И Орний ответил: «Есть многие[2], о царь, управляет же ими один, величайший владетель силы». «И кто же это, — спрашивает царь, — кто величайшую силу имеет, и каково его имя?» И Орний говорит: «Его зовут Самаэль, начальник сонма демонов, он ими управляет и собранными тобой управляет, о царь, оставаясь невидимым». Но Соломон приказал: «Нечего тебе об этом заботиться, дурной и нечистый дух, но, взяв печать, приведи мне его сюда вскорости». И, взяв печать Бога, Орний ушел, исполняя волю царя. Соломон же, опустившись на свой трон, был в своей царской власти украшен венком и диадемой и, Орния с Самаэлем ожидая, держал в руке царский скипетр. Когда же пришли Самаэль и Орний к Соломону, спросил царь Самаэля: «Кто ты есть и как тебе имя?» Тот же говорит: «Самаэлем я назван. Я начальник, я управляю сонмом демонов». А царь: «Можешь сделать что-либо для меня?» Тот же говорит: «Могу сцепиться с тобой и унести тебя на край земли». И вместе с этими словами схватил его и унес на край земли. Разгласилась же слава царя во все концы земли. И пали ниц перед ним

[1] В другом тексте: «И они оба поклялись, сказав: „Твоим живым Господом Богом [клянемся] не отпускать эту колонну до конца света. Но в тот день, когда этот камень упадет, это и будет концом света“».

[2] В других списках «Завещания» называются тридцать шесть духов и каждому дается характеристика.

все цари земли и начальники и организовали хор к завершению строительства храма[1].

В это время слагал он Песнь песней и сказал таким образом: «Я приобрел царство, я приобрел певцов и певиц». И, перечислив все это, признал: «Все это суета сует и всяческая суета». Сказал же и это: «Всем писаниям предшествует X». Благоволением Господа спасен Соломон для его царства и закончил всепочитаемый храм Бога. Закончил же все по подобию верхнему порядку. Во главе херувимы и серафимы шестикрылые, сзади же

[1] В других списках рассказывается, что Соломон воспламенился страстью к одной иевусеянке и принес ради нее жертву идолам, за что Дух Божий отвернулся от него. Согласно другим источникам, сам Соломон, унесенный на край земли, был лишен своей славы и всех почестей, а вместо него десять лет правил под его личиной дух. И только перед самой смертью Соломон вновь был возвращен на свой престол, после чего и написал это «Завещание», чтобы прочитавшие его помолились за него.

Из «Третьей Книги Царств» мы узнаем, что среди семисот жен и трехсот наложниц в гареме Соломона было множество чужестранок, поклонявшихся другим богам и в конечном итоге увлекших его сердце и заставивших забыть о Господе; в результате он начал поклоняться Астарте, богине Сидонской, Милхому (или Молоху), мерзости Аммонитской, и Хамосу, мерзости Моавитской, поставил им капище на горе и совершал в их честь всесожжения и жертвоприношения. За это Господь разгневался на Соломона.

И, согласно Иосифу Флавию, последующее падение Соломона также связано с его любовью к чужестранкам. «Песнь Песней» служит дополнительным штрихом к портрету царя, захваченного неугасимой страстью к женщине. Кроме того, трагический смысл его отчуждения от милости Божьей повторяется в горестных жалобах Экклезиаста, который когда-то «был царем над Израилем в Иерусалиме». Эта фраза намекает на предание о том, что последние годы своей жизни Соломон провел в изгнании.

алтаря многоглазые престолы и господства. Несказанна красота этого храма и неизъяснима и такова, какой не было и не будет.

* * *

История Соломона поучительна; для познания неведомой бесконечности оказывается недостаточно не только самого выдающегося разума, но и всемогущества мага. Необходимо еще третье, и главное, — Божье благословение — *свет, который и во тьме светит*. И Гермес Трижды величайший, обретший все эти составляющие, говорит о *работе Солнца*, благодаря которой *убежит от тебя всякая тьма*.

Ф. А. Йейтс замечает: «*Факт, что и писавший в III веке Лактанций, и писавший в IV веке Августин безоговорочно принимают легенду о Гермесе Трисмегисте, служит примечательным свидетельством известности и значительности герметических текстов...*»[1]. Однако Августин в своем труде «О граде Божием» подвергает суровому осуждению то, что Гермес Египтянин, называемый Трисмегистом, писал об идолах. И потому «*неудивительно, что для ренессансного мага, желавшего остаться христианином, излюбленным отцом церкви стал именно Лактанций*»[2].

В «Божественных установлениях» Лактанция много цитат из Гермеса Трисмегиста и ссылок на него. Святой отец отмечает, что Гермес, подобно христианам, называет Бога Отцом; и действительно, в герметических текстах слово *отец* нередко применяется к верховному существу. Еще примечательней, од-

[1] *Йейтс Ф. А.* Указ соч. С. 13–14.
[2] Там же. С. 15.

нако, то, что Гермес говорит о Сыне Божием. Чтобы продемонстрировать это удивительное подтверждение истины христианства, исходящее от древнейшего автора, Лактанций приводит по-гречески обширную цитату из «Асклепия»: «*Господь и демиург всего сущего, которого мы справедливо называем Богом, поскольку сотворив второго Бога, видимого и чувственно воспринимаемого... стоящего на первом месте среди творений и на втором после самого Бога, решил, что Он прекрасен и преисполнен всех благ; и полюбил Он его как свое собственное дитя*»[1].

Таким образом, в Средние века имя Гермеса Трисмегиста было широко известно и связывалось с алхимией и магией. И хотя Альберт Великий осуждал некоторые книги герметического корпуса за бесовскую магию, а над «Асклепием» тяготело выдвинутое Августином обвинение в идолопоклонстве, средневековые авторы, занимавшиеся естественной философией, говорили о Гермесе с уважением, а Роджер Бэкон и вообще считал его *отцом философов*. Соответственно, Возрождение приняло Гермеса Трисмегиста за реальное лицо и автора герметических текстов, опираясь на безупречные авторитеты.

Отнюдь не отталкивал от занятий магией и божественный Платон. Здесь достаточно лишь привести фрагмент из его «Пира»:

«*Ведь все гении представляют собой нечто среднее между богом и смертным.*

— Каково же их назначение? — спросил я.

— Быть истолкователями и посредниками между людьми и богами, передавая богам молитвы и жертвы людей, а людям наказы богов и вознаграждения за жертвы. Пребывая посредине, они заполняют промежуток между теми

[1] Высокий герметизм. С. 201.

и другими, так что Вселенная связана внутренней связью. Благодаря им возможны всякие прорицания, жреческое искусство и вообще все, что относится к жертвоприношениям, таинствам, заклинаниям, пророчеству и чародейству...»[1]

Фундаментальность этого положения была осознана много позже — главным образом Апулеем, который в своей «Апологии» делает следующий вывод: «*Магия как сознательное общение с демонами-посредниками является достойной формой деятельности для любого, кто стремится к богам, и для философа в первую очередь*»[2]. Все это не могло не пасть на благодатную почву во времена, стремившиеся вознести человека на высшую ступень мироздания, — в эпоху Возрождения.

Еще более способствовало возвышению Трисмегиста учение неоплатоника Плотина.

Согласно Плотину, на пути восхождения к Первоединому, к Богу, есть три составляющих.

Первая — это стремление к красоте, выражающееся в любви и в искусствах. Скульптор, ваяя статуи, руководствуется высшими образцами. Музыкант приходит в волнение от заключенной в голосах красоты. Влюбленный — от красоты тела и черт. Во всем следуя красоте, стремясь к ней всей душой, можно в конце концов достигнуть и самого ее истока — Первоединого.

Однако все мы прекрасно знаем, как часто именно из стремления к прекрасному люди впадают в прямо противоположное — в полнейшее безобразие. Избежать этого помогает вторая составляющая — философия, философствование, а точнее — диалек-

[1] *Платон*. Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 112–113.

[2] *Петров А. В.* Магия (в ее отношении к платонизму) // Универсум платоновской мысли. Материалы VI Платоновской конференции. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1998. С. 14.

тика. Именно она позволяет понять, что, с одной стороны, сама по себе красота — это не тело, потому что тела прекрасны благодаря приобщению к чему-то другому; а с другой стороны, что невозможно достичь прекрасного, не становясь при этом прекрасным и самому, то есть не избрав добродетельный образ жизни. Ведь невозможно увидеть прекрасное там, где его попросту нет. А искать надо в своей душе.

«*Все, что мы созерцаем как видимое, мы рассматриваем как внешний объект. Между тем, нужно перенести объект внутрь субъекта и созерцать его как нечто единое. Процесс созерцания должен быть аналогичен процессу самосозерцания*»[1]. Аромат яблока не существует отдельно от яблока, и никакая сила не отделена от своей субстанции. А значит, и мы не отрезаны и не отделены от источника бытия и истины, и имеем его начало в самих себе. А значит, и искать начало всегда нужно в самих себе, в каждое мгновение, здесь и сейчас.

Тем не менее опыт показывает, что может оказаться недостаточно и диалектики. Поэтому Плотин предлагает третью составляющую пути — созерцание и молитву:

«*Охватим же теперь — поскольку это для нас возможно — этот мир, в котором каждая часть существует без смешения с другими, нашим умственным оком и охватим его как единое целое. Пусть в пестрой смене явлений, которые извне ограничены будто бы поверхностью шара, за образом солнца и всех звезд последуют образы суши и моря и всех живых существ, при этом как бы расположенные на видимой со всех сторон шаровой поверхности. Тогда действительно перед нами предстанет вся совокупность вселенной. Пусть затем наша душа представит себе ярко светящийся шар, охватывающий собою все и отчасти движущийся, отчасти же оста-*

[1] *Плотин*. Сочинения. СПб.: Алетейя, 1995. С. 350.

ющийся неподвижным. Фиксируя этот образ, нужно вызвать в себе другое представление, свободное от всякой телесности. Удали затем из своей души всякое представление о пространстве и материи и стремись не к тому, чтобы в тебе зародился образ той же материи, только меньший по массе и занимаемому им пространству, а обратись с мольбой к Богу, создавшему твое представление, и проси его снизойти к тебе. Он спустится во всем своем великолепии...»[1]

Соответственно, знание истины невозможно без Божьего откровения. Откровение же обретается лишь после того, как всякая душа сумеет с помощью размышления и неуклонного стремления к красоте подготовить себя к его восприятию. И вот тогда, пишет Плотин чуть далее, «*душам, способным к созерцанию, этот мир раскрывается во всем своем богатстве*»[2].

Все это побудило мыслителей в конце Средних веков выйти за пределы известного, за грани доступного лишь рассудочному пониманию. А это, в свою очередь, привлекло их внимание к тайным наукам вообще и к магии в частности.

---

[1] *Плотин*. Сочинения. С. 348.
[2] Там же. С. 349.

МАРСИЛИО ФИЧИНО И ДЖОВАННИ ПИКО ДЕЛЛА МИРАНДОЛА

В связи с культом тайнознания в эпоху Возрождения прежде всего следует упомянуть Марсилио Фичино, являющегося своеобразным символом философа-гуманиста. Став в сорокалетнем возрасте священником, Фичино продолжал свои занятия античной философией и даже посвящал некоторые проповеди *божественному Платону*. Дома он ставил свечу перед его бюстом и не чурался настоящей магии. И все это вполне органично в нем уживалось.

Марсилио Фичино родился в местечке Фильине-Вальдарно близ Флоренции 19 октября 1433 г. в семье придворного врача. Мальчик был замечен главой Флорентийской республики еще в шестилетнем возрасте; герцог не сомневался, что из ребенка может вырасти настоящий философ. Козимо Медичи взял на себя расходы по обучению, и Марсилио в шестнадцать лет приступил к изучению философии и медицины во Флорентийском уни-

верситете. Одним из его учителей был известный врач и философ Николо Тиньози, автор комментариев к сочинениям Аристотеля. Греческий язык Фичино изучал под руководством известного гуманиста Бартоломео Платины.

Молодой человек увлекся перипатетической традицией, а затем сочинениями Платона. Уже в начале пятидесятых годов Фичино написал свои первые самостоятельные работы, отмеченные влиянием идей античных философов. Затем он принялся переводить на латинский язык произведения высокой философии древности и делал на этом пути такие успехи, что в 1462 г. Козимо Медичи подарил ему виллу Кареджи. Так возникла новая Платоновская академия.

Благодаря покровительству Медичи и его преемников Фичино полностью посвятил себя научным занятиям и собирался перевести на латинский язык всего Платона. Но в 1463 г. один из множества агентов Козимо, занимавшийся поиском старинных рукописей, привез из Македонии во Флоренцию греческий манускрипт, содержащий сочинения Гермеса Трисмегиста. Козимо велел Фичино отложить Платона и сначала перевести на латынь трактаты Гермеса.

Медичи из трудов отцов церкви знал, что Гермес Трисмегист гораздо древнее Платона. А процитированный Лактанцием фрагмент из «Асклепия», вероятно, еще сильнее распалил его жажду испить древней египетской мудрости. Египет старше Греции; Гермес старше Платона. Все древнее и исконное чтилось в эпоху Возрождения как стоявшее бли-

же к божественной истине; следовательно, трактаты Гермеса надлежало перевести как можно скорее, а творения божественного Платона могли и подождать.

Приобщившись к герметической традиции, Марсилио Фичино пришел к выводу, что разработка новых гуманистических идеалов возможна только в том случае, если христианское вероучение будет заново обосновано с помощью философии Платона, а также благодаря древним мистическим и магическим учениям. Платона он признавал как бы продолжателем Гермеса Трисмегиста, Орфея и Зороастра. Кстати говоря, Фичино в предисловии к «Поймандру» сходно с приведенным объяснением трактует эпитет *Трисмегист*: по его мнению, здесь имеются в виду три облика Гермеса — жрец, философ и царь (или законодатель).

Следуя своему новому пониманию любви к мудрости, Марсилио Фичино перевел на латинский язык еще и «Гимны Орфея», а также «Комментарии к Зороастру». Затем в последующие пятнадцать лет он сделал переводы почти всех диалогов Платона, а в восьмидесятые—девяностые годы — сочинений Плотина и других поздних античных философов, в том числе и «Ареопагитик». Благодаря Фичино впервые в Европе были опубликованы полные собрания сочинений Платона и Плотина.

Опираясь на труды Гермеса Трисмегиста, Фичино утверждал, что философия рождается как *озарение* и потому смысл ее заключается в том, чтобы подготовить душу к *восприятию Божественного откровения*. Флорентийский мыслитель не разделял более религию и фило-

3 № 2685

софию, ибо считал, что и та, и другая берут свое начало в древних мистических учениях. Гермесу Трисмегисту, Орфею и Зороастру был дарован Божественный Логос именно как откровение Бога. Затем эстафета тайного знания перешла к Пифагору и Платону. Иисус Христос своим явлением на землю воплотил Логос-Слово в жизнь и даровал Божественное откровение всем людям.

Следовательно, и античная мысль, и христианское вероучение проистекают из одного Божественного источника. Поэтому для самого Фичино священническая деятельность и занятия философией представлялись в абсолютно неразрывном единстве. Более того, он считал, что необходимо разработать единую религиозно-философскую концепцию, совместив древнюю мистику и учение Платона со Священным Писанием.

И неслучайно главная философская работа Фичино — «Платоновская теология о бессмертии души» (первое издание — 1482 г.) — нечто иное, как попытка привести платонизм и неоплатонизм в согласие с христианской теологией. Главной темой, занимающей Фичино, остается бессмертие души. Задача человеческой жизни заключается в созерцании, завершающемся непосредственным видением Бога, но, поскольку эта конечная цель редко достигается на земле, должна быть постулирована будущая жизнь души, когда та выполняет свое истинное предназначение.

Душа, по мнению Фичино, — единственное связующее звено между высшими и низшими ступенями бытия. Она триедина, потому что выступает в трех ипостасях — душа мира, душа небесных сфер и душа живых тварей. Проис-

текая от Бога, она оживляет материальный мир. Чувственные образы соединяются с первообразами *души мира*, и человек постигает внутренние связи и отношения между вещами. И здесь особую роль играет воображение, которое Фичино называет «*внутренней силой души человека, ее опытом*». Но в комментариях к Платону он отмечает, что познание Бога доступно далеко не всем. «*Душе для слияния с Богом необходимо очиститься от нечистоты тела, направить внимание к божественному. Тот философ, который способен созерцать вне тела, достигает знания...*»[1]

Любопытен также фрагмент из письма Марсилио Фичино: «*Платон утверждает, подобно Пифагору, Эмпедоклу и Гераклиту, доказывавшим это ранее, что наша душа перед своим вхождением в тело обитала в небесном чертоге, где, как сказал в „Федре“ Сократ, она питалась и наслаждалась созерцанием истины.*

Те философы, на которых я только что сослался, научились у Меркурия Трисмегиста, мудрейшего из всех египтян, что Бог есть высший источник и свет...»[2]

А следующий пассаж из «Платоновской теологии» едва ли не прямо свидетельствует о пристрастии автора к магическим штудиям: «*Высшие тела движут низшие, высшие же движутся нетелесной природой...*»[3]

---

[1] Платонополис: философское антиковедение как междисциплинарный синтез историко-философских, исторических и филологических исследований. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. С. 83.

[2] Вестник РХГИ. № 4. С. 267.

[3] Платонополис. С. 86.

Исходя из всего сказанного, вполне ясно, почему Марсилио Фичино уделяет столько внимания душе отдельного человека. В его понимании, примыкая к Божественному, она управляет телом, становится *госпожой тела*. Поэтому познание души есть главное занятие каждого из людей. В соответствии со своими христианско-неоплатоническими представлениями, Фичино пишет о том, что все в мире происходит от Бога и все в мире вернется к Богу. Поэтому необходимо любить Творца во всех вещах, и тогда люди поднимутся до любви всех вещей в Нем.

Кроме «Платоновской теологии» Фичино написал также «Книгу о христианской религии» (1474 г.). Центральное понятие фичиновского учения о *стяжании жизни с небес* — *spiritus*, канал, по которому распространяется влияние звезд. Между душой и телом мира находится *spiritus mundi*, дух мира, — он разлит по всей Вселенной и служит проводником звездных влияний к человеку, который пьет их через собственный дух, и ко всему телу мира — *corpus mundi*. Дух — это очень тонкая и хрупкая субстанция, и именно о ней говорил Вергилий в стихах:

Все питает душа, и дух, по членам разлитый,
Движет весь мир, пронизав его необъятное тело[1].

Для того чтобы привлечь дух определенной планеты, нужно использовать связанные с ней растения, животных, травы, запахи, цветы и пр. Дух возникает из воздуха и ветра, это род тончайших воздуха и жара. Солнце и Юпи-

[1] *Вергилий Марон Публий*. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Эксмо, 2007. Кн. VI. Ст. 726–727.

тер — главенствуют, через их нисхождения наш дух *пьет* дух мира.

Проповедывание *всеобщей религии* и *платоновской любви* стало очень популярным в XV в. и сохранило свою привлекательность для многих последующих мыслителей Западной Европы. Но сам Марсилио Фичино не останавливался на чисто теоретических рассуждениях о сущности Бога, мира и человека. Он пытался постичь таинства мира всеми доступными ему способами, в том числе и с помощью магических обрядов. И с этим связана третья сторона деятельности флорентийского гуманиста.

Фичино считал, что магия — это одна из сторон *всеобщей религии*, которая не противоречит христианству. В своем трактате «О жизни» он, упоминая известный евангельский сюжет о поклонении волхвов только что рожденному Христу, спрашивает: «*Чем, как не магией, занимался тот, кто первый поклонился Христу?*» Сам Фичино, признавая наличие Божественной души во всех вещах, стремился познать, открыть ее и потому совершал магические действия с камнями, травами, ракушками и др. Под влиянием пифагорейства с помощью некой магической музыки и орфических гимнов он пытался услышать тайную *гармонию сфер* и тем самым уловить звучание мировой души. И все это делал для того, чтобы найти способы слияния с душой Божественной.

В деятельности Марсилио Фичино, как в фокусе, нашли свое отражение практически все формы и направления развития гуманистической мысли Европы: философия, религия, магия, литературные занятия. И потому Марсилио

Фичино оказался одной из центральных фигур эпохи Возрождения.

Умер Фичино в Кареджи близ Флоренции 1 октября 1499 г., на самом рубеже нового столетия.

* * *

Немалый вклад в развитие тайной науки внес и другой выдающийся мыслитель эпохи Возрождения, современник Фичино — Пико делла Мирандола.

Джованни Пико родился 24 февраля 1463 г. в Мирандоле, городке в Эмилии-Романье близ Модены. Он происходил из семьи графов Мирандола и сеньоров Конкордия, связанных родственными узами со многими влиятельными домами Италии. В четырнадцать лет Джованни поступил в Болонский университет, где прослушал курс канонического права. В 1479 г. он впервые побывал во Флоренции, где познакомился с Марсилио Фичино и некоторыми членами его кружка. Однако первоначальное формирование философских интересов Пико шло не в русле Платоновской академии. В 1480—1482 гг. он слушал лекции в университете Падуи, где глубоко усвоил средневековую философскую и теологическую традицию. Особенный интерес у него вызвали воззрения толкователей Аверроэса (Ибн Рушда). В 1483 г. юный граф Пико делла Мирандола слушал лекции в Павии, 1484 г. провел во Флоренции, где завязалась его дружба с Марсилио Фичино и другими неоплатониками, длившаяся до конца его недолгой жизни, а 1485—1486 гг. Пико провел в Парижском университете.

Помимо освоения права, древней словесности, философии и богословия Пико изучал новые и древние языки: латинский, греческий, еврейский, арабский, халдейский. Не ограничиваясь традиционными познаниями, он углубился в изучение восточной философии, творений арабских и еврейских философов и астрономов, проявил интерес к мистическим учениям и каббале, стремясь охватить все самое важное и сокровенное из того, что было к этому времени накоплено духовным опытом разных времен и народов. Многообразные духовные влияния, усвоенные им, послужили отправной точкой для разработки собственной философской системы. Причем ключ к познанию мира Пико искал не только в пифагорейской теории чисел, но и в символике каббалы, в мистике и в магии, которую считал практической частью науки о природе.

В декабре 1486 г. Пико делла Мирандола, составив «900 тезисов по диалектике, морали, физике, математике для публичного обсуждения», приехал в Рим. Он выбрал для своих тезисов основные положения всех философских школ и заявил о готовности доказать в публичном диспуте, что ни одно из них не противоречит другому. Диспут, для участия в котором приглашались ученые всей Европы, должен был открыться речью Пико, которая позднее получила название «Речь о достоинстве человека». Напоминающая скорее манифест, чем вступительное слово, она раскрывала две главные темы: особое предназначение человека в мироздании и исходное внутреннее единство всех

представлений. Эта речь отдавалась многократным эхом на протяжении всей эпохи Возрождения, и ее с полным правом можно считать Великой хартией новой, ренессансной магии, основанной Фичино и усовершенствованной Пико.

Кроме того, в тезисах давалась вся программа философии Пико делла Мирандолы, исходящая из убеждения в том, что различные идеи, высказанные философами, выступают теми или иными приближениями к одной общей истине. Только обогащенному знаниями разуму доступны, по мнению Пико, высшие тайны мироздания.

Среди девятисот тезисов Пико двадцать шесть посвящено непосредственно магии. Часть из них относится к магии естественной, часть — к каббалистической.

Первый тезис из этого корпуса таков: «*Вся та магия, которую применяют ныне и которую совершенно заслуженно искореняет Церковь, не имеет ни прочности, ни основания, ни истины, так как исходит от врагов первоистины, от властей тьмы, которые помрачают расстроенный разум тьмою лжи*»[1].

Это выглядит бескомпромиссным обличением магии. Однако его следующий тезис начинается словами: «*Естественная магия дозволена и не запрещена...*»

В третьем он утверждает: «*Магия есть практическая часть естественных наук*»; в пятом: «*Ни на небе, ни на земле нет столь рассеянных и разрозненных начал, чтобы маг не смог привести их в действие и свести воедино*».

[1] Цитируется в переводе Г. Дашевского по изданию: *Йейтс Ф. А.* Указ. соч. С. 103.

И наконец, в тринадцатом: «*Заниматься магией есть не что иное, как сочетать браком мир*».

Из всех этих положений ясно следует, что под *естественной магией* Пико понимает установление *бракосочетания* между землей и небом путем верного использования природных субстанций. Это свидетельствует о знакомстве Пико с «Изумрудной скрижалью» Гермеса Трисмегиста.

То, что естественная магия Пико оперирует не с одними только природными субстанциями, понятно из двадцать четвертого заключения: «*Исходя из начал сокровенной философии, следует признать, что в магических операциях начертания и фигуры гораздо могущественнее, нежели материальные свойства*».

Здесь недвусмысленно утверждается, что главными носителями магического могущества становятся не те материалы, из которых сделан тот или иной объект, употребляемый в магических операциях, а подлинные магические *начертания и фигуры* — они-то и наделены наибольшей силой. Следовательно, его *естественная магия*, включающая специальные магические знаки и символы, есть нечто большее, чем просто упорядочивание природных субстанций.

Среди пятисот тезисов особо выделялись «*парадоксальные*», «*вводящие новые положения в философию*» и «*богословские*», «*весьма отличные от принятого у богословов способа рассуждения*».

Однако убежденность Пико разделяли в те времена далеко не все. В самом обилии использованных им источ-

ников заключался глубоко полемический смысл. Автор отказывался следовать некоей определенной школе и направлению и, приводя суждения самых разных мыслителей, находя в каждом из них нечто достойное изучения и использования, подчеркивал свою личную независимость от любой из существующих традиций.

Папа Иннокентий VIII, смущенный не только смелостью рассуждений Пико о магии, каббале, свободе воли и иных сомнительных предметах, но и юным возрастом философа, назначил для проверки «Тезисов» специальную комиссию, которая осудила 13 выдвинутых положений как еретические. Диспут был запрещен, а богословы настолько активно протестовали по поводу некоторых тезисов, что возникла необходимость в написании «Апологии», или «Защиты». Она была опубликована в 1487 г. вместе с речью «О достоинстве человека».

В «Апологии» Пико повторяет положения об испорченной природе дурной магии и о благой магии естественной, которая есть сведение воедино или сочетание браком небесных начал с началами земными. Это служит основой или предпосылкой всем остальным положениям о магии, в особенности положению о начертаниях и фигурах. Пико подчеркивает, что благая, естественная магия творится сама собой, т. е. естественными силами, и что действие используемых в ней магических начертаний и фигур имеет точно такой же характер. Однако наскоро составленная Пико «Апология» привела к осуждению всех без исключения «тезисов».

Скорее всего, представления Пико делла Мирандолы не отличались от магии Фичино — в том смысле, что он

прибегает не только к принципу естественного сродства, но и к магическим знакам и символам, привлекая для познания тайные силы творения, а не разрушения. Вполне возможно, что отголоски апологии естественной магии Пико есть в опубликованной Фичино двумя годами позже книге «О жизни». Еще одним связующим звеном между системами двух гуманистов можно считать обращение Пико к орфическим заклинаниям, причисляемым им к естественной магии. Так, во втором орфическом тезисе он утверждает: «*В естественной магии нет ничего действеннее, чем гимны Орфея, если их сопровождает соответствующая музыка, душевное расположение и прочие обстоятельства, известные мудрым*».

В третьем орфическом тезисе он заверяет, что орфическая магия не несет в себе демонического начала: «*Имена богов, воспеваемых Орфеем, не суть имена лукавых демонов, от которых исходит одно лишь зло и никакого добра. Это имена естественных и божественных сил, рассеянных истинным Богом по всему миру, дабы нести великое благо человеку — если человек знает, как с ними обращаться*».

Перед угрозой преследования со стороны инквизиции Пико в 1488 г. бежал во Францию, но там был схвачен и заточен в одну из башен Венсенского замка. Его спасло заступничество высоких покровителей и прежде всего Лоренцо Медичи. По просьбе Медичи папские власти разрешили графу поселиться близ Флоренции. Дух и среда флорентийской Платоновской академии оказались весьма благотворными для творческих планов и религиозно-

философских устремлений Пико. Однако на вилле Кареджи он выступал не столько в роли ученика, сколько в качестве полноправного собеседника. Еще в 1486 г. Пико написал свой комментарий к «*Канцоне о любви*» ученика Фичино Джироламо Бенивьени, содержащий изложение философии Платона, гораздо более свободное от христианской ортодоксии, чем это было принято среди флорентийских неоплатоников.

В 1489 г. Пико закончил трактат «Гептапл, или О семи подходах к толкованию шести дней творения», в 1492-м — небольшой трактат «О сущем и едином» (издан в 1496 г.), в котором пытался согласовать учения Платона и Аристотеля. В «Гептапле» Пико, раскрывая *подлинный* смысл библейского рассказа о сотворении мира, дает ему не теологическое, а философское, в духе неоплатонизма, толкование. При этом он руководствуется воспринятым из каббалы иносказательным толкованием Библии, представляя мироздание в качестве иерархии *трех миров* — ангельского, небесного и элементарного.

Незадолго до смерти Пико завершил «Рассуждения против прорицающей астрологии» (издано в 1496 г.), отвергнув представление о звездном (астрологическом) предопределении в пользу идеи о свободе человеческой воли. Этот труд имел скорее моральный и религиозный, нежели научный смысл, оказав влияние на И. Кеплера. Главный пафос сочинения — призыв не искать общие причины явлений природы и человеческой жизни в движении небесных светил, поскольку они ничего не объясняют, и обратиться к изучению того, что следует из *собственной природы самих вещей и ближайших и связанных с ними явлений.*

В качестве завершающей части науки о природе Пико вновь указывал на магию, которую противопоставлял как чудесам религии, так и *суевериям*. Благодаря ей «*познаются силы и действия природы, их соотношения и приложения друг к другу*». В качестве практической части *науки о природе* она учит «*совершать удивительные вещи с помощью природных сил*».

Ф. А. Йейтс пишет: «Переоценка магии в эпоху Возрождения связана с присвоением магу статуса божественного человека. Тут снова приходит на ум параллель с людьми творческих профессий — ведь именно этого эпитета удостоили современники своих гениев, называя их: божественный Рафаэль, божественный Леонардо или божественный Микеланджело»[1].

Умер Пико делла Мирандола во Флоренции 17 ноября 1494 г., по некоторым сведениям — в результате отравления. Он похоронен в доминиканском монастыре Св. Марка, настоятелем которого был набожный и аскетичный Джироламо Савонарола, общавшийся с философом-гуманистом в конце его жизни.

Пико делла Мирандола не завершил большинства замыслов и не свел в единую систему вдохновлявшие его крайне разнородные философские мотивы, хотя и стремился к всеобщему «примирению» древних мудростей, полагая, что они соединятся в универсально понятом христианстве.

[1] *Йейтс Ф. А.* Указ. соч. С. 107.

Кроме того, Пико обосновал достоинства и свободу человека как полновластного творца собственного «я». Вбирая в себя все, можно и достичь всего. Человек, сохраняя возможность нового выбора, не исчерпывается никакой формой своего наличного бытия в мире. Ссылаясь в «Речи о достоинстве человека» на изречения Гермеса Трисмегиста, Пико пишет, что все Божьи творения онтологически определены по сущности быть тем, что они есть, а не иным. Человек, напротив, единственное из творений, которое помещено на границе двух миров. Свойства его не предрешены, но заданы таким образом, что он *сам лепит себя* согласно заранее выбранной форме. И, таким образом, способен возвышаться посредством чистого разума и стать ангелом или подняться еще выше.

Величие человека, следовательно, заключается в искусстве быть творцом своей новой жизни. Можно ведь подняться до звезд и ангелов либо, наоборот, опуститься до звериного состояния. Именно в этом Пико делла Мирандола видит прославляемое им «*высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, чем хочет*».

Развивая идеи Фичино, Пико оставался во многом самобытен, оригинален. Благодаря ему к традициям магии и герметизма начали также относить каббалу, оказавшую самое значительное воздействие на умонастроения той эпохи. Он также активно использовал в новых философских программах как ряд положений Аристотеля, так и многие элементы схоластики.

Вклад Пико делла Мирандолы в развитие тайных наук невозможно переоценить. Именно он первым открыто сформулировал новый для Европы статус человека-мага, влияющего на мир и на свою судьбу с помощью сокровенного знания. Таким образом, возникла философская магия Возрождения.

С точки зрения мистика, посвященного в суть еврейского языка и тайн каббалы, магические формулы, существовавшие до эпохи Ренессанса, представлялись не только нечистыми, но и невежественно-варварскими. Именно такого рода сочинения и имел в виду Пико, говоря, что практическая каббала не имеет ничего общего с нечистыми магиями, выступающими под именами Соломона, Моисея, Еноха или Адама, — в них дурные маги вызывали демонов. Он предлагал заместить их практической каббалой — стоящей, по его мнению, в одном ряду с неоплатонической. Эти две дисциплины и составили арсенал возрожденческого мага.

Каббала и герметическая наука подтверждали друг друга в ключевом для обоих учений вопросе — о творении Словом. Тайны Гермеса Трисмегиста суть символы Слова, или Логоса. В трактате «Поймандр» акт творения осуществляет именно *исходящий из Ума Сын Божий*. Как повествует «Книга Бытия», Бог, чтобы создать тварный мир, *сказал*. А поскольку Ветхий Завет сохранен на древнееврейском языке, то для каббалиста слова и буквы этого языка превратились в объект бесконечных мистических медитаций; для адепта же практической каббалы они обладали подлинным могуществом творения.

Возможно, Лактанций еще более помог закрепить союз между герметизмом, каббалой и христианством, когда, процитировав из псалма: «*Словом Божиим были сотворены небеса*» (Пс 135: 5) и из евангелиста Иоанна: «*В начале было Слово*», — добавил, что то же утверждают и язычники: «*Ведь Трисмегист, который тем или иным образом доискался почти до всякой истины, часто говорил о превосходстве и величии Слова*». Он признавал, что «*существует невыразимая и священная речь, выходящая за границы человеческого разумения*» (Лактанций. «Божественные установления». Кн. IV, 9).

«ЕСТЕСТВЕННАЯ МАГИЯ» АГРИППЫ НЕТТЕСГЕЙМСКОГО

Марсилио Фичино и Пико делла Мирандола не только «оправдали» оккультные науки и магию, но еще и предложили считать их необходимой составляющей всякого истинного познания. Однако Пико, да и сам Фичино, несмотря на явную причастность последнего к магическим действиям, разрабатывали эти вопросы по преимуществу с чисто теоретической стороны. Но был в эпоху Возрождения и еще один известный ученый, который внес свой немалый вклад в практику оккультных наук, — Генрих Корнелий Агриппа из Неттесгейма.

Генрих Агриппа, немецкий мистик, неоплатоник, врач и философ, крупнейший теоретик оккультизма, родился 14 сентября 1486 г. в Неттесгейме, деревне к северу от Кёльна.

Двадцатилетним юношей он отправился в Париж, где основал Общество для изучения тайных наук. Затем читал лекции в городе Доле, но вскоре был изгнан по обвинению в ереси и эмигрировал в Англию. Уже в эти годы он занялся каббалой и увлекся магией. Будучи человеком решительным и склонным к авантюрам, возвратившись в Германию, Агриппа поступил в войско императора Максимилиана I. Ему пришлось служить в Италии, но он

и там не прекращал научной деятельности. Следует отметить, что во время пребывания на военной службе Агриппа за храбрость был посвящен в рыцари прямо на поле битвы.

В 1510 г. он написал трехтомное сочинение «О тайной философии», в 1524-м стал лейб-медиком матери Франциска I в Лионе, а в 1527-м опубликовал в Кёльне памфлет «О тщете наук», за что подвергся преследованиям, бежал во Францию, где попал в тюрьму. Освободившись с помощью друзей, некоторое время состоял личным врачом короля Франциска I.

В 1528 г. Агриппа стал историографом Маргариты Австрийской, наместницы Нидерландов, читал лекции в разных городах Европы, высмеивал церковных схоластов и всюду подвергался преследованиям церкви. Его сочинения были внесены в индекс запрещенных книг, а трактат «О тщете наук» приговорен к публичному сожжению.

В 1533 г. он, наконец, издал свое самое знаменитое сочинение — «О тайной (сокровенной) философии».

Умер ученый 18 февраля 1535 г. в Гренобле.

Валерий Брюсов

ОКЛЕВЕТАННЫЙ УЧЕНЫЙ[1]

Потомство оклеветало Агриппу. Из всех его сочинений оно запомнило лишь одно — трактат «О сокровенной философии», которому он сам не придавал большого значения. Народная молва сделала из Агриппы чернокнижника, мага, и связала с его именем множество фантастических легенд, одна другой нелепей. Ученые, изучая знаменательную эпоху немецкого Возрождения, как-то сторонятся Агриппы, так как он не принадлежал непосредственно ни к одному из кружков гуманистов. Его образ до сих пор не получил надлежащей оценки, и до сих пор он не занял в истории просвещения того места, на какое имеет право.

Надо сознаться, что сам Агриппа не совсем неповинен в таком к себе отношении. Конец XV и начало XVI века разделили людей, особенно население Германии, резко на два круга: проповедников нового, сторонников Эразма и Рейхлина, «гуманистов», и защитников старого, «темных людей», «обскурантов». Агриппа не сумел или не захотел определенно выбрать свое место в одном из двух лагерей. Многими чертами своего характера и своей деятельности он примыкал к гуманистам. Свои профессорские чтения он начал с толкования одного сочинения Рейхлина. С Эразмом он был в переписке и отзывался о нем с величайшим почтением. Всю жизнь он боролся с монахами, естественными защитниками всякого обскурантизма, и не раз подвергался преследованиям с их стороны. При всем том Агриппа был хорошо и разносторонне образован, прекрасно знал древних, легко и правильно писал по-латыни. Но много было в Агриппе и «от старого». Он никогда не мог освободиться от чисто схоластической манеры излагать свои мысли. Он как-то чуждался тех тем, которые привлекали особое внимание гуманистов. Предметом его первого большого сочинения была магия. Само по себе это еще не могло восстановить против Агриппы сторонников нового; в силу магии верили

[1] Печатается по изданию: Агриппа Неттесгеймский: Знаменитый авантюрист XVI в. М., 1913. С. 7–15.

многие образованнейшие умы того времени: Пико делла Мирандола написал сочинение, доказывающее существование ведьм, Гемистос Плето изъяснял природу демонов и т. д. Но трактат Агриппы был весь основан на старых сочинениях такого рода, не был свободным исследованием магических явлений, но был переполнен изложением традиционных мнений. Второе большое сочинение Агриппы трактовало о недостоверности познания, тогда как гуманисты выше всего ставили именно просвещение и науку. В жизни Агриппа, замкнутый и суровый, держался особняком и не хотел признавать над собой никаких авторитетов. Он писал к Эразму как равный равному и требовал к себе отношения как к учителю (magister), а гуманисты не считали его притязания обоснованными. Все это отделяло, обособляло его от «новых людей».

В жизни Агриппа был типический представитель людей Возрождения. Как все выдающиеся люди той эпохи, он обладал познаниями энциклопедическими, брался за все, от военного дела до магии, от должности инженера до места историографа, был то юристом, то медиком, то теологом, и, не имея на то никаких официальных прав, писал на заглавии своих книг, после своего имени, «доктор обоих прав и медицины». Непоседливый, тоже как все люди Возрождения, он не мог ужиться подолгу ни в одном городе, исколесил всю Европу в поисках счастья, поочередно избирал местами своей деятельности то Италию, то Францию, то Англию, то Швейцарию, то разные города Германии. Родившись в сентябре 1486 года, в Кёльне, он рано вступил на военную службу, в австрийскую армию, совершил походы в Испанию, Италию и Голландию. Потом слушал лекции в Париже, вновь участвовал в испанском походе, а в 1509 году уже сам выступил как профессор в университете в Доле. В эпоху, когда Меланхтон читал лекции 17 лет от роду, это вовсе не было рано. Вскоре Агриппе, по обвинению в ереси, пришлось укрываться в Англии; затем он был профессором теологии в Кёльне, придворным в свите императора Максимилиана в Италии, участником церковного собора в Пизе, вновь профессором в Павии и в Турине. Несколько спокойных лет провел он в Меце, на службе у города, как синдик, адвокат и оратор. От преследований монахов ему пришлось укрыться в Женеве; после того он с успехом практиковал как врач в Фрейбурге, перешел на службу к французскому двору и был лейб-медиком королевы-матери в Лионе, в то же время занимаясь изобретением каких-то военных машин; оставив государственную службу, вновь практиковал как частный врач в Антверпене, но был принужден отказаться от медицинской практики за неимением диплома. Получив звание придворного историографа императора Карла V, он поселился в Милане, но должен был вскоре бежать из этого города. Потеряв почти всех своих покровителей, он вел после того довольно несчастное существование, дважды был брошен в тюрьму кредиторами, в Брюсселе и в Лионе, и умер, почти одиноким, в Гренобле, в 1535 году. За все время этой тревожной, походной жизни он не переставал учиться и писать, издавал и маленькие памфлеты, и большие ученые трактаты, вел огромную переписку со всеми видными людьми своего времени и был постоянно окружен группой учеников, которым расточал свои многообразные познания.

Остается добавить, что не бедна была и личная жизнь Агриппы: он был трижды женат, имел несколько человек детей, испытал и в семейной жизни немало тяжелых огорчений.

Сочинения Агриппы столь же разнообразны, как и его жизнь. В собрании его сочинений, вышедшем после его смерти, в Лионе, в двух больших томах очень убористой печати, мы находим трактаты по магии, демонологии, каббале, рассуждения теологические (о таинстве брака, о первородном грехе и т. п.), историческое исследование о коронации Карла V, книгу о пиромахии (огнестрельном оружии), маленький парадоксальный «опыт» о превосходстве женского пола над мужским, комментарии к сочинениям Раймонда Люллия, комментарии к сочинениям Плиния Младшего, немало других «маленьких трактатов» (так их озаглавил сам Агриппа) и, наконец, сочинение «О недостоверности и тщете наук и искусств», в котором разбираются и критикуются положительно все отрасли знания того времени. В сущности говоря, большинство из них не что иное, как остроумно развитые парадоксы. Бесспорный парадокс — сочинение о превосходстве женского пола (между прочим, имевшее наибольший успех среди всех сочинений Агриппы и много раз переведенное на разные языки в течение XVI–XVII веков), парадоксы и многие «маленькие трактаты»; но также парадоксальны и два основных сочинения Агриппы: «О сокровенной философии» и «О недостоверности наук». Дело в том, что в обоих этих сочинениях Агриппа защищал тезисы, которые сам не разделял. Он, как это видно по его поздним письмам, не верил в силы «оперативной магии», считал веру в возможность вызывать демонов и овладевать их силами — предрассудком, а магические церемонии — шарлатанством[1]. Это не помешало ему написать подроб-

[1] Одним из благороднейших эпизодов в жизни Агриппы является, между прочим, его защита одной бедной женщины из деревни Войпи, обвиняемой в 1519 году в колдовстве. Агриппа взял на себя вести ее процесс, выиграл его и в полном смысле слова спас несчастную из рук инквизитора, может быть, от костра. — *Примеч. В. Брюсова.*

Этим самым Агриппа поддерживает не только первый тезис о магии Пико делла Мирандолы, но и отношение к такого рода магии другого своего современника Парацельса. Следующий отрывок из письма Агриппы, который приводит Жозеф Орсье в примечаниях, яснее свидетельствует о его отношении к «оперативной магии»: «О, как часто приходится читать, — восклицает Агриппа, — о неодолимом могуществе магии, о чудодейственных астрономических таблицах, о невероятных превращениях, достигаемых алхимиками, о знаменитом и благословенном философском камне, одним прикосновением которого можно будто бы, подобно Мидасу, все в одно мгновение превращать в золото и серебро! Но все это оказывается пустым, выдуманным и лживым, если принимать сказанное буквально. А ведь все это передается и пишется великими и прославленнейшими философами и святыми мужами, свидетельства которых не всякий посмеет назвать лживыми! Даже кажется нечестивым верить в то, что они в указанных сочинениях писали ложь. Но дело в том, что в писаниях их есть иной смысл, чем тот, который мы видим, принимая их слова буквально: смысл, закрытый различными тайнами и до сих пор не раскрытый вполне никем из учителей. Я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь был в силах проникнуть в этот смысл, без помощи знающего и добросовестного учителя, через одно чтение книг, если только, конечно, он не просветлен свыше Божеством, что дается лишь очень немногим. Поэтому большинство работает тщетно, стараясь проникнуть в эти сокровеннейшие тайны Природы, довольствуясь одним голым чтением книг... (Но, в конце концов) то, что осмеливались обещать нам наиболее смелые из математиков, наиболее значительные из магов, изучающие природу алхимисты и некроманты, имеющие дело с низшими алхимическими силами, — все это мы можем исследовать

ное изложение всех знаний, связанных с магией, и постараться привести их в стройную систему, строго по методам науки своего времени. Изложению предпослан род философского вступления, излагающего предпосылки оккультного знания (те самые, на которые, с малыми изменениями, опираются и современные оккультисты): учение о всемирном соответствии, связывающем между собой все явления вселенной и позволяющем через самое малое влиять на самое великое. С другой стороны, Агриппа был убежден, как сам говорит в письме к Эразму, в пользе и высоком значении науки. Однако он постарался добросовестно выискать все доводы, какие только мог найти, против знания вообще и против каждой науки в частности. Его занимала в этом деле борьба с очевидностью, как бы некоторый tour de force[1] ума и остроумия. И надо сознаться, что иные доводы Агриппы (к сожалению, далеко не все) берут вопрос глубоко и подготовляют почву для будущего критицизма.

Бесспорно, личность Агриппы, его сочинения, его взгляды заслуживают внимания историков культуры и историков философии. Но долгое время личность Агриппы оставалась не освещенной наукой: историки, как

и совершить, и притом безо всякого греха, без оскорбления Божества, без преступления против религии. В нас самих, говорю я, скрыт тот таинственный делатель чудес:

В нас, а не в Тартаре он живет; не небесные звезды, —
Дух, обитающий в нас, сильный, он чудотворит».

(*Орсье Ж.* Знаменитый авантюрист XVI века Агриппа Неттесгеймский // Агриппа Неттесгеймский. С. 93—94.)

[1] Ловкая проделка (*фр.*).

бы унаследовав вражду гуманистов к «чернокнижнику», проходили мимо его характерной и далеко не заурядной личности. <...>

Валерий Брюсов

ЛЕГЕНДА О АГРИППЕ[1]

Современники знали Агриппу преимущественно как чародея. С ранней юности за ним утвердилось имя «мага», и надо сказать, что он и сам не старался разрушить такого представления. Хотя в своих серьезных сочинениях он решительно восставал против «оперативной магии», но эти его книги были мало кому доступны. Большинство продолжало считать его чародеем, и даже короли обращались к нему с просьбами о предсказаниях. Изданием «Сокровенной философии», в истинный смысл которой не легко было проникнуть, окончательно было утверждено такое мнение.

Это обстоятельство, в связи с особенностями жизни Агриппы, замкнутой, непоседливой, исполненной самыми разнообразными приключениями, повело к тому, что личность Агриппы оказалась окруженной целым роем самых фантастических легенд. Об нем рассказывали удивительные вещи, к нему относили басни, сложенные про всех других чернокнижников, и не было такой нелепой истории, которой не дали бы веры, если она была применена к Агриппе. Агриппа, в народном представлении, долгое время оставался

---

[1] Печатается по изданию: Агриппа Неттесгеймский. С. 95—102.

олицетворением чародея, и только слава Фауста (бывшего, кстати сказать, младшим современником Агриппы) несколько поколебала авторитет Агриппы как мага.

Старые биографы Агриппы заполняли свои сочинения преимущественно этими фантастическими легендами, приурочивая их, с большей или меньшей возможностью, к различным эпохам жизни философа.

Вот некоторые из этих рассказов:

Генрих Говард, граф Шерри, даровитый поэт, придворный Генриха VIII, короля английского, оплакивал смерть своей горячо любимой жены, прекрасной Жиральдины, дочери лорда Кильдара. Говард обратился к Агриппе с просьбой вызвать ему дух умершей. Чародей не отказался и показал Говарду лик его жены в магическом зеркале[1].

Во время испанского похода Антонио де Лейва Агриппа, участвуя в его войске, чародейством способствовал, будто бы, успеху всех предприятий имперской армии. Антонио де Лейва после того представил Агриппу Карлу V, и чародей осмелился предложить императору снабдить его большими средствами с помощью магических операций. Конечно, Карл V с негодованием отверг это предложение, и Агриппа должен был спастись бегством от справедливого гнева императора.

Часто, во время своих переездов, Агриппа расплачивался в гостиницах деньгами, которые имели все признаки подлинных. Конечно, по отъезде философа монеты превращались в навоз. Одной женщине Агриппа подарил корзину золотых монет; на другой день с этими монетами

[1] Вальтер Скотт воспользовался этой легендой в своей балладе «The lay of the last ministrel». — *Примеч. В. Брюсова.*

произошло то же самое: корзина оказалась наполненной лошадиным навозом[1].

Во время пребывания Агриппы в Лувене один из учеников философа проник, с помощью его жены, в его кабинет. Там, пользуясь книгой магических заклинаний, он вызвал демона. Но ученик не имел никакой власти над демоном, и тот в ярости бросился на юношу и задушил его. В эту самую минуту Агриппа вернулся. Поняв, что ему грозит обвинение в убийстве юноши, Агриппа немедленно приказал демону войти в тело убитого и, выйдя из дому, отправиться на людную площадь. Там демон покинул тело ученика, и оно пало на землю бездыханным. Многочисленные же свидетели этого явления могли подтвердить, с полным убеждением, что бедный юноша умер скоропостижно и что Агриппа в его смерти не повинен[2].

Рассказывали, что однажды Агриппа читал лекцию во Фрейбурге в 10 час. утра, и в тот же самый час он же начал чтение другой лекции в Понт-а-Муссоне (Pont-a-Mousson, в латинизированной форме Pontimussi), на расстоянии многих миль[3].

Агриппе приписывали способность вычитывать на диске Луны о событиях, совершавшихся на всех концах света, или получать об них сведения через своих домашних

[1] Все эти истории передает Del Rio «Disquisitionum magicarum libri sex», lib. II, sec. I, quaestio XXIX. (Цитируем по изд. 1640 г., Venetiis; первое изд. книги появилось в 1599 г.). — *Примеч. В. Брюсова.*

[2] Поводом к этой легенде послужил случай с Жаном Виром. — *Примеч. В. Брюсова.*

[3] Это сообщает Thévet в книге «Les Vrais Portraits»; он же повторяет многие рассказы Дель-Рио. — *Примеч. В. Брюсова.*

демонов. Жан Вир, ученик Агриппы, объясняет эту осведомленность гораздо проще: обширной перепиской, которую вел Агриппа с учеными всех стран.

Смерть Агриппы также окружена легендой.

Павел Иовий рассказывал, что у Агриппы была собака с кличкой Monsieur, которая была не что иное, как демон, обращенный чародеем в образ собаки. Чувствуя приближение смерти, Агриппа подозвал собаку к своей постели, снял с нее ошейник, на котором были каббалистические знаки, и сказал: «Поди прочь, проклятое животное, из-за тебя я погиб!» Собака тотчас выбежала из дома, бросилась в реку и утонула. Вир объясняет, что Monsieur был самым обыкновенным псом, так же как и другая любимая собака Агриппы с кличкой Madame.

О смерти Агриппы исторические известия современников расходятся. Есть, напр., совершенно недостоверное известие (Thévet), будто он умер в Лионе. Оно опровергается категорическим свидетельством Вира. Другие биографы Агриппы (Jovius) говорят, что он умер в Гренобле, в гостинице. Согласно исследованиям Ги Аллара (Guy Allard, р. 1645 г., ум. 1716 г.) Агриппа умер (с чем согласен и Орсье) в Гренобле, в доме Франсуа де Вашона. По исследованиям же некоего Шорье, жившего одновременно с Алларом, Агриппа скончался в Гренобле, но в другом доме, на улице des Clercs, принадлежавшем тогда члену парламента Феррану, где в 1457 г. умер известный юрист Ги Пап (Aug. Prost. «Corneille Agrippa», II, 404–6).

Легенда об Агриппе с течением лет все разрасталась. Рабле изобразил своего современника в злой карикатуре,

в лице шарлатана Her Trippa. Сирано де Бержерак, в одном из своих писем, заставлял даже дух Агриппы творить чудеса[1]. Отголоски этих сказаний доходят до начала XIX века.

Благодаря трудам новых историков, личность Агриппы начинает выходить из тумана долго окружавшей его легенды. Прочтя хотя бы биографический очерк Орсье, уже нельзя видеть в Агриппе ни чародея, всю жизнь проведшего в общении с нечистой силой, ни только шарлатана, тридцать лет морочившего и простой народ и королей хитрыми проделками и искусными фокусами. Мы знаем теперь не того Агриппу, которым пугали детей в XVI веке, не чернокнижника, водящего на привязи дьявола в виде собаки, но Агриппу, неутомимого трудолюбца, энциклопедически образованного ученого, бесстрашного и честного мыслителя, прекрасного стилиста и язвительного памфлетиста.

Агриппа не был чужд предрассудков своего времени, — но кто же в силах вполне от них освободиться? — Агриппа вел жизнь искателя приключений, был неуживчив, надменен, любил споры и не уступал своим противникам ни в чем, — но таков был дух эпохи, той славной эпохи, когда конквистадоры завоевывали Новый Свет, когда создавались новые империи, когда жили Кортец и Бенвенуто Челлини. Желчность Агриппы, непримиримость его ненависти искупались его нежной любовью к жене, к «ангелоподобной» Жанне-Луизе, и к семье; некоторое лицемерие, которое случалось проявлять Агриппе, его некоторая неразбор-

[1] Приведено у Colin de Plancy — «Dictionnaire Infernal». № 1. P. 41–46.

чивость в выборе покровителей, оправдывается тяжелыми условиями его жизни, постоянной нуждой, доходившей порой до нищеты, гонениями со стороны сильных врагов, черной неблагодарностью, какой ему платили люди, пользовавшиеся его услугами. А все «чародейства» Агриппы, право, искуплены его беспощадной критикой шарлатанства современных ему магов и тем благородством, с каким он, рискуя собственным благополучием, — а может быть, и жизнью, — бросился на защиту бедной крестьянки из деревни Войпи, обвиненной в колдовстве.

* * *

В своем трехтомном труде «О тайной философии» Агриппа впервые объединил все оккультные науки в единую систему. В этом сочинении он изложил учение о магии, основанное на представлении о взаимосвязи всех вещей, объединив в целостную систему тайные знания — герметику, магию и астрологию — и связав с ними неоплатоническое и каббалистическое учения. Прежде всего он опирался на непререкаемые авторитеты — Платона, Аристотеля, Цицерона и других философов, на которых он сам постоянно ссылается. Большой фактический материал позаимствован им из огромного фундаментального труда Плиния Старшего «Естественная история». Не пренебрегал мыслитель и художественной литературой.

Цель Агриппы состояла в том, чтобы превратить магию из сверхъестественной науки в естественную. Магические операции, считал он, должны быть включены в состав физики, математики и теологии. Учение о взаимной симпатии и антипатии Агриппа возвел в степень всеобщего закона природы. Такую систему с более или менее заметными вариациями мы обнаруживаем у всех теоретиков позднейшего времени.

Несмотря на то что именно Агриппа Неттесгеймский во многом явился прообразом знаменитого гётевского Фауста, он отнюдь не самый значительный из магов Ренессанса, а его труд вовсе не учебник по магии, как его иногда называют. Трактат не дает подробного описания технических процедур и, вопреки своему названию, не представляет собой основательный философский труд. Действительно серьезные маги — например, Джироламо Кардано — относились к нему с презрением. Тем не менее трактат Агриппы «О тайной философии» — первый пригодный к употреблению и, насколько это позволяет предмет, ясно изложенный универсальный свод магии Ренессанса.

Сочинение состоит из трех книг. Первая посвящена магии мира элементов; вторая — небесной магии (астрологии) и третья — ритуальной магии (теологии). В этом издании приводится его первая книга — «Естественная магия», наиболее полно представляющая собой дальнейшее развитие идей Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандолы.

Агриппа Неттесгеймский
О ТАЙНОЙ ФИЛОСОФИИ

Книга первая
ЕСТЕСТВЕННАЯ МАГИЯ

К словам природы будь не глух —
И ты узнаешь ход светил.
И дух твой будет полон сил,
Когда ответит духу дух!

И. В. Гёте. «Фауст»
(В переводе Н. Холодковского)

Глава первая
О том, как в трех книгах раскрываются три стороны магии[1]

Мир состоит из трех уровней: элементарного, небесного и интеллектуального[2]. В каждом низшем все управляется

[1] При подготовке перевода текста использованы издания: *Agrippa Henri Corneille.* La philosophie occulte, ou La Magie. T I. Paris, Chacornac, 1910. *Агриппа Неттесгеймский.* Оккультная философия. М.: Золотой век, 1993. Перевод сверен с критическим английским изданием: *Heinrich Cornelius Agrippa von Nettesheim.* Three Books of Occult Philosophy: A Complete Edition. Worldwide, 1993. А также сверен с латинским: *Heinrich Cornelius Agrippa von Nettesheim.* De occulta philosophia libri tres. BRILL, 1992. Понятия и наименования, которые не удалось идентифицировать, приводятся в оригинальном латинском написании. — Здесь и далее примеч. сост.

[2] *Elementary, Celestial* and *Intellectual.* В герметической философии *Все* делится на три сферы: земное, небесное и сверхнебесное.

высшим и получает его влияние, изливаемое Архетипом и Создателем всего через ангелов, небеса, звезды, элементы, животных, растения, металлы, камни, перенося в нас таким образом всемогущую силу. Вот почему мудрые не без основания верят в то, что мы можем естественно восходить по тем же ступеням через каждый из этих миров до мира самого Архетипа — Творца всех вещей, первопричины и управителя всего. И мы можем располагать не только теми свойствами, которые уже присущи наиблагороднейшим вещам, но сверх того еще и извлекать новые свыше. Мы это делаем, когда пытаемся открыть свойства мира элементарного посредством медицины и естественной философии, используя различные смешения видимого. Небесные свойства познают посредством лучей и благодаря влиянию вышнего мира, следуя правилам и дисциплине астрологов и математиков, и, наконец, укрепляют и утверждают некоторыми святыми религиозными церемониями и могуществом различных духов.

Я постараюсь в трех книгах объяснить как порядок, так и способ, которые нужно использовать для этого. Первая книга содержит естественную магию; вторая — небесную, третья — церемониальную. Но я не знаю, простят ли ум,

В античных мистериях триада была несколько иной: *ад* (подземный мир), *наземный мир и небесный.* Смешанное членение Агриппы свидетельствует о привнесении в герметическую традицию неоплатонического (или гностического) элемента — интеллектуального (ума) на место сверхнебесного, а также и собственно оккультного — земного как царства элементарной (составной, значит — разрушаемой) природы. Более того, далее по тексту становится ясно, что ад Агриппа фактически отождествил с земным уровнем, называя его «низшим».

4 № 2685

столь ограниченный, как мой, и человека, который почти не имел книг, за то, что он предпринял с такой смелостью работу столь трудную и столь темную. А также не утверждаю, что вера не добавит ничего к тому, что я говорил и скажу впоследствии, и что все это будет одобрено католической Церковью или собранием верующих.

Глава вторая

О том, что такое магия, из чего она состоит и каким должен быть тот, кто ей занимается

Магия есть удивительного свойства полная высочайших тайн способность, заключающая в себе глубочайшее созерцание наиболее скрытых вещей совместно с их природой, мощью, качеством, субстанцией и свойствами, а также знание всей природы, что наставляет нас относительно различия и согласия вещей друг с другом, благодаря чему она производит удивительные действия, соединяя свойства вещей посредством наложения одного на другое с их низшими, подчиненными субъектами и в конце концов связывая и соединяя их силами и свойствами высших тел. Это наиболее совершенная и главная наука, скрытый и тонкий вид философии, имеющей наивысший сорт совершенства из всех наиблистательнейших философий. Она делится на физику (physicam), математику (mathematicam) и теологию (theologiam). Физика изучает природу вещей, которые существуют в мире, изыскивая и исследуя их причины (causas), действия (effectas), времена (tempora), различия

мест (loca), способ существования (modos), возможности (eventus) и их полноту (integritates) и части (partes), как в стихах:

...для чего, свой круг разделив соразмерно на части,
Солнце сроки вершит, проходя сквозь двенадцать созвездий.
. . . .
Мы не напрасно следим, как заходят и всходят созвездья,
Как изменяются, в чем, четыре времени года.
. . . .
А чтоб узнать мы могли заранее по признакам верным,
Будет ли зной, или дождь, или ветры, несущие холод,
Сам повелел нам Отец доверять луны предсказаньям,
Знать наперед, под созвездьем каким обрушатся Австры...

Физика, которая является спекулятивной наукой о естественных вещах, включает в себя и все то, что говорит *Вергилий* помимо этого далее:

...пути мне покажут небесных созвездий,
Муку луны изъяснят и всякие солнца затменья.
Землетрясенья отколь; отчего вздымается море,
После ж, плотины прорвав и назад отступив, опадает;
И в океан почему погрузиться торопится солнце
Зимнее, что для ночей замедленных стало препоной[1].

Математика же изучает количественную часть естественных тел как протяженных в трех измерениях и дает понимание движения и хода небесных тел, согласно стихам:

[1] *Вергилий Марон Публий*. Георгики. Кн. 1. Ст. 231–232, 257–258, 351–354.

...о блужданьях луны, о трудных подвигах солнца,
Люди откуда взялись и животные, дождь и светила,
Влажных созвездье Гиад, Арктур и двойные Трионы,
Зимнее солнце спешит отчего в Океан окунуться,
Летняя ночь отчего спуститься медлит на землю[1].

Наконец, теологическая философия, или богословие, учит нас, что такое Бог, Разум, Ум, Ангел, Демон, Душа, Религия, Таинства, Ритуалы, Храмы, Наблюдения и тайные Мистерии; она толкует о вере, о чудесах, о свойствах слов и фигур, о секретных операциях и таинственных знаках и, как говорит Апулей, учит нас правилам и искусству церемониальных законов, истинности святых вещей и правилам религий. Говоря в немногих словах, магия охватывает, соединяет и приводит в действие эти три главные способности. В этом смысле древние чтили ее как наиболее возвышенную и тайную философию.

Ее применяли авторы самые знаменитые, главные среди которых — Замолксис и Зороастр — так сильно выделяются, что многие из изобретателей этой науки: Аббарис, Гиперборей, Дамжерон, Евдокс, Гермипп — следовали по их стопам, а другие прославленные авторы, как Меркурий Трисмегист, Порфирий, Ямвлих, Плотин, Прокл, Дардан, Орфей Фракийский, Гог Греческий, Герма Вавилонский, Аполлоний Тианский и Осфаней, также замечательно писали об этой науке. Те книги, что были утеряны, восстановлены Демокритом Абдерским[2] и сопровождены его комментарием. Кроме того, Пифагор, Эмпедокл, Демокрит, Платон и многие из наиболее значительных философов совершали целые путешествия, чтобы изучить магию, и, возвратившись, подчеркивали свое уважение к ней и держали ее в большом секрете. Известно, что Пифагор и Платон ездили в святилища Мемфиса, чтобы ее изучать и что они проехали почти всю Сирию, весь Египет, Иудею, заходили в школы халдеев, стремясь не оказаться в неведении относительно великих и таинственных принципов магии и овладеть этой божественной наукой.

[1] *Вергилий Марон Публий*. Энеида. Кн. 1. Ст. 742–746.

[2] Здесь, скорее всего, имеется в виду не сам Демокрит Абдерский (460–370 гг. до н. э.), но алхимик VI в. н. э., известный как псевдо-Демокрит; алхимики часто подписывали свои работы именами известных философов и ученых.

Итак, нужно, чтобы те, кто собирается изучить эту науку, в совершенстве владели физикой, раскрывающей качества вещей и тайные свойства любого существа; чтобы они хорошо знали математику, познающую фигуры и виды звезд, так как от них зависят свойство и способность любой вещи, и чтобы они хорошо изучили теологию, благодаря которой познаются нематериальные субстанции, распределяющие и управляющие вещами. Только так можно обрести возможность понимать магию, поскольку нет никакой совершенной работы в магии, ни даже настоящей магии, которая не заключала бы в себе эти три способности.

Глава третья

О четырех элементах, их качествах и их смешениях

Существуют четыре элемента, составляющие главные основы всего телесного: Огонь, Вода, Земля и Воздух[1]. Из них образовались все вещи, но не посредством простого соединения, а благодаря трансмутации и объединению; и в них же после разложения они возвращаются. Итак, нет никаких чувственных элементов, которые были бы чистыми, но они более или менее смешаны и способны к взаимной трансформации. Так, земля, обращаясь в грязь и растворяясь, изменяется в воду, которая, огрубевая и сгущаясь, вновь становится землей и затем, испаряясь, благодаря жару превращается в воздух, а тот, сильно нагретый, переходит в огонь, который, будучи погашенным, вновь оборачивается воздухом. Последний охлажденным переходит в землю, или в камень, или в серу; и все это сопровождается свечением.

Платон также считал, что земля совершенно подвержена трансмутации и остальные элементы тоже — как в ней, так и взаимно друг в друге. Но есть мнение иных философов, согласно которому земля всего лишь смягчае-

[1] Ср. у Аристотеля: «Эмпедокл... первый назвал четыре материальных элемента, однако он толкует их не как четыре, а словно их только два: с одной стороны, отдельно огонь, а с другой — противоположные ему земля, воздух и вода как естество одного рода» («Метафизика», гл. 4, 985а30—985b2; *Аристотель.* Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 74—75).

ма и смешиваема с другими элементами, которыми она растворяется, а затем вновь возвращается в свою первоначальную форму.

Итак, каждый элемент имеет два специфических качества, из которых первое присуще ему и неотделимо от него, а другое, как среднее между двумя, подходит к следующему элементу. Огонь тепл и сух, земля суха и холодна, вода холодна и влажна, воздух влажен и тепл; и благодаря двум различающим качествам элементы противоположны друг другу, как огонь и вода, земля и воздух.

Элементы имеют еще и другой вид взаимной противоположности. Так, некоторые из них весомы (земля и вода), другие — легки (воздух и огонь); вот почему стоики называют первые пассивными, а последние активными. Кроме того, Платон различает в каждом элементе три качества, признавая у огня яркость, тонкость и подвижность, у земли — темноту, плотность и неподвижность. Но другие элементы занимают эти качества: воздух берет два у огня — тонкость и подвижность — и одно у земли — темноту; в противоположность этому, вода берет два качества у земли — темноту и плотность — и одно у огня — подвижность; но огонь в два раза разреженнее, чем воздух, в три раза более подвижен и в четыре раза более активен; воздух в два раза активнее воды, в три раза более разрежен и в четыре раза более подвижен. Вода в два раза активнее земли, в три раза разреженнее и в четыре раза подвижнее ее.

Таким образом, огонь пребывает в том же соотношении с воздухом, в каком воздух с водой, а вода с землей,

и так же земля с водой, вода с воздухом и, наконец, воздух с огнем. Это суть принципы и начало всех тел, их природы, их свойств и их чудесных действий. И едва только кто-либо познает эти свойства элементов и их смешений, он сможет легко оперировать чудесными и удивительными вещами и в совершенстве заниматься естественной магией.

Глава четвертая

О трех способах рассмотрения элементов

Итак, существует четыре элемента, о которых необходимо иметь совершенное знание, чтобы оперировать каким-либо из них в магии. Каждый из этих элементов имеет по три разных качества. Составляя с числом четыре число двенадцать и проходя через число семь к числу десять, они достигают высшего Единения, от которого зависят все чудесные качества и действия.

Элементы первого порядка есть те, которые чисты, не сложны, не меняются и не подвергаются никакому смешению, порче, благодаря которым все качества естественных вещей обращаются к действиям. Их нельзя объяснить, так как они могут делать все во всем; но тот, кто их не знает, не сможет совершать никаких чудесных свершений.

Элементы второго порядка составные, изменчивые и нечистые, но посредством искусства доводимые до чистой простоты, которая есть способность, дающая совершенство всему даже при операциях с природой вещей наиболее тайных; и это фундамент естественной магии.

Элементы третьего порядка сами по себе не являются элементами, оказываясь вдвойне составными, имеющими много видов качеств и взаимно изменяющимися один в другой. Они — истинный *медиум* и поэтому называются *средней природой*, или *душой средней природы*. Очень мало кто понимал их глубокие тайны. А ведь именно от них, посредством известных чисел, степеней и порядков, зависит совершенство любого действия в вещи — равно естественной, небесной или сверхнебесной. Они полны тайн и чудес и важны как в естественной, так и в божественной магии. Посредством их производя связывания, разделения и трансмутации всех вещей, достигают знания и предсказания будущего, а также отгоняют злых и привлекают добрых духов.

Никто, однако, не должен думать, что он сможет что-либо сделать в тайных науках магии и природы без знания этих трех видов элементов. Но всякий, кто узнает, как сводить их в единый порядок, из одного в другое, из нечистого в чистое, из сложного в простое, а также поймет, как различать их природу, качество и мощь в числе, степени и порядке без разделения сущности, достигнет без труда совершенного знания и естественных вещей, и небесных секретов.

Глава пятая

О чудесной природе огня и земли

Гермес говорит, что для операций со всякого рода чудесами достаточно огня и земли: первый активен, другая пассивна.

Огонь, утверждает Дионисий, — во всех вещах и, сквозь все вещи проходя, остается ясным; но, будучи таковым, он потаен и незнаем. Когда он существует сам по себе, без смеси с материей, в которой проявляет свое действие, он безграничен и невидим, располагает сам собой в своих действиях, подвижен, сообщаясь некоторым образом со всем тем, что приближается к нему; он обновляется, сохраняя природу, просвещает, не охватываясь покрывающим его светом; он светел, делим, отскакивает, взвивается, скор в движении, высок, всегда рвется вверх, схватывает иное, не будучи схватываем сам, ненасытен, скрытно растет из себя, являя свое величие доставшимся ему вещам; он активен, могуч и, наконец, незримо присутствует во всем; он не желает быть отбит или отвергнут, но, словно силясь взять реванш, хочет внезапно покорить вещь себе; он непостижим, неуловим, неукротим и щедро разрастается из самого себя.

Огонь, по словам Плиния, есть бесконечная и губительная часть естественных вещей, о которой трудно сказать, в чем она более проявляется — в созидании или в разрушении. Огонь, говорят пифагорейцы[1], это особый вид, проникающий сквозь все, простирающийся за пределы небес, сверкающий, но в аду прямой, темный и мучительный, и равно участвует и в том, и в этом. Огонь, как согласно Цицерону сказал Клеанф[1], сам в себе один, но в попавших в него субъектах становится множественным, распределяясь поразному. Таким образом, огонь, которым мы пользуемся, возникает из других вещей. Он есть в камнях и извлекается из них ударом стали; он есть в земле и при раскапывании дымится; он есть в воде и нагревает источники и колодцы; он есть на дне моря, которое делает, несмотря на охлаждение ветром, теплым; он есть в воздухе, который, как мы часто видим, согревает. Наконец, все звери и растения живут теплом, и все живущее таково только благодаря теплу, которое в себе заключает.

Свойства льющегося сверху огня — это тепло, делающее все плодоносящим, и свет, всему дающий жизнь.

---

[1] Ср. у Диогена Лаэртского о Пифагоре: «Живет все, что причастно теплу, поэтому живыми являются и растения...» (VIII, 26; *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. С. 314). А также у Аристотеля в «Физике»: «Ведь и Парменид делает началами теплое и холодное, называя их огнем и землей» (188а21). И далее: «Никто из физиологов не считал единым и бесконечным огонь или землю, а только воду, или воздух, или среднее между ними, потому что место каждого из первых точно определено, вторые же склоняются в обе стороны — вверх и вниз» (205а27—29; *Аристотель.* Сочинения: Т. 3. С. 70, 115).

[1] Ср.: «Клеанф <...> говорит <...>, что истинный бог — это небесный огонь, самый удаленный и выше всего находящийся, со всех сторон окружающий, все обвивающий и все охватывающий, огонь, который называется эфиром...» (*Цицерон Марк Туллий.* О природе богов // Цицерон Марк Туллий. Философские трактаты. М.: Наука, 1985. Кн. I. С. 72). «А сколь велико количество тепла во всяком теле, Клеанф доказывал следующими доводами: он утверждал, что нет вещи настолько тяжелой, что она не переварилась бы [в желудке] в течение дня и ночи. И даже в остатках ее, естественно извергаемых, содержится тепло. Далее, непрекращающееся биение вен и артерий как бы следует колебанию огня, и часто замечали, что только что исторгнутое сердце какого-нибудь живого существа трепещет и бьется с частотой, подражающей частоте биения пламени. Следовательно, все, что живет, будь то животное или растение, живет благодаря заключающемуся в нем теплу...» (*Цицерон Марк Туллий.* О природе богов // Цицерон Марк Туллий. Философские трактаты. М.: Наука, 1985. Кн. II. С. 108).

Свойства адского огня — иссушающее, все поедающее тепло, и тьма, все делающая бесплодным. Небесный, светлый огонь гонит прочь духов тьмы, как наш огонь изводит дерево, действуя по аналогии с ним и являясь *проводником* Высшего света, а также Того, Который сказал: *Я есмь Свет мира*, подлинный огонь, Отец света, от которого всякое благо исходит, посланное от Его огня и сообщенное сначала Солнцу, затем и телам небесным, и от них, словно от посредствующих орудий, свет передается в наш огонь. И подобно тому как духи тьмы более сильны во тьме, духи добра — ангелы света — становятся более сильными не только благодаря божественному, солнечному и небесному свету, но и благодаря нашему общему огню[1]. По этим соображениям первые мудрые основатели религий и церемоний действовали только после того, как будут зажжены свечи (вот почему Пифагор сказал, что не следует говорить о Боге, не имея света); и вот почему они велели держать свечи и огонь около мертвых тел, чтобы прогнать злых духов; и они утверждали, что их можно удалить и заставить отступить в землю только благодаря таинственным церемониям и их огням. И сам великий *Иегова* повелел в Ветхом Завете, чтобы все жертвы, кото-

[1] Вот что Цицерон приписывает тому же Клеанфу: «Но этот наш огонь, в котором мы нуждаемся для житейских надобностей, — губитель и пожиратель всего; куда бы он ни ворвался, он все разрушает и рассеивает. Напротив, тот, что в телах, животворен и спасителен, он все сохраняет, питает, растит, поддерживает, придает способность чувствовать. Стало быть, можно не сомневаться, которому из этих огней подобно Солнце, раз и оно тоже делает так, что все расцветает и каждое в своем роде созревает...» (*Цицерон Марк Туллий*. Указ. соч. Кн. II. С. 113).

рые Ему посвящают, передавались через огонь, который бы все время горел на алтаре; подобный обычай соблюдался священниками у всех жертвенников и поддерживался даже у римлян.

Но фундамент и основание всех элементов — земля, она есть объект, субъект и восприемник всех лучей и всех небесных влияний. Она заключает в себе семена всех вещей и содержит все семенные свойства, поэтому ее называют животной, растительной и минеральной. Оплодотворяясь благодаря другим элементам и небесам, она способна сама рождать все вещи. Она восприимчива и плодородна силами плодородия, словно первоисточник, из которого все видимое происходит, она суть центр, основание и мать всего. Даже если вы по собственной воле отделите, промоете, очистите и утончите ее, а потом оставите на некоторое время на открытом воздухе, она вновь наполнится и станет плодородной благодаря свойствам небесных тел и сама собой произведет растения, червей, другую живность, а также камни и проблески металлов. Если через некоторое время ее очистить при помощи огня и свести к собственной простоте подобающей стиркой[1], в ней найдутся великие секреты. Она первая материя нашего творения и подлинное лекарство, способное восстанавливать и сохранять нас.

[1] Слово *стирка* употреблено здесь не случайно, оно — так же как и появившиеся в третьей главе слова *трансмутация* и *сульфур*, сера, — свидетельствует о близкой связи данного трактата с алхимической практикой. Это слово можно встретить в трактате Фомы, и даже существует сочинение известного адепта Николя Фламеля, написанное в начале XV в., название которого буквально переводится как «Книга стирок». Образ женщины-прачки весьма символичен в алхимии.

Глава шестая

Об удивительной природе воды, воздуха, а также ветров

Не менее могущественны и два других элемента: вода и воздух; в обоих природа нуждается для производства чудес. Вода абсолютно необходима, поскольку ничто без нее не может жить; ни трава, ни растение и ничто другое не могут развиваться без увлажнения. В ней заключены семенные свойства любого явления, особенно животных, чье семя, и это очевидно, влажное. Также семена деревьев и растений, хотя они и землисты, для того чтобы прорасти, необходимо нуждаются в смачивании, пусть это совершается от впитывания влаги земли, росы или дождя или от специального поливания. Поэтому Моисей говорит, что только земля и вода способны принести оживление душе. Творящей силе воды он приписывал двойную продукцию, а именно — плавающих в воде и летающих в воздухе над землей. Однако оба эти создания частично связаны с настоящей водой; ибо Писание свидетельствует, что деревья и растения не произрастали, пока Бог еще не изливал дождь на землю. Могущество этого элемента столь велико, что невозможно и духовно возродиться без воды, и сам Христос свидетельствовал это Никодиму[1]. В религиозной практике ее действие также очень сильно в искуплении и очищении, и она не менее необходима, чем

[1] «Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин 3: 5).

огонь. Бесконечно благодетельно разнообразие ее использования; благодаря ей живет все, что есть в природе, порождается, питается и взращивается. Поэтому Фалес Милетский и Гесиод пришли к заключению, что вода — начало всех вещей, и назвали ее первым и наиболее важным из элементов, потому что она господствует над остальными. Как говорит Плиний, вода поглощает землю, погашает огонь, поднимается в воздух и, достигнув облаков, становится хозяйкой неба, а падая оттуда, питает все, что производит земля. Плиний и многие другие историки описывают бесконечное количество чудес, творимых водой. Овидий также упоминает о ее могуществе и чудесных свойствах, когда говорит:

...А разве вода не меняет
Наново свойства свои? Средь дня, о Аммон рогоносный,
Струи студены твои, на заре и закате — горячи.
Передают, что древесный кусок от воды Атаманта
Вдруг загорается в дни, когда лунный ущерб на исходе.
Есть у киконов река, — коль испить из нее, каменеют
Сразу кишки; от нее покрываются мрамором вещи.
Кратид-река и Сибара, полям пограничная нашим, —
Те придают волосам с янтарем и золотом сходство.
Но удивительно то, что такие встречаются воды,
Свойство которых — менять не только тела, но и души.
Кто не слыхал про родник Салмакиды с водой любострастной?
Или про свойство озер эфиопских? Кто выпьет глоток их,
Бесится или же в сон удивительно тяжкий впадает.
Если же кто утолит из криницы Клитория жажду,
Недругом станет вина и к чистой воде пристрастится, —
То ли противная в ней вину горячащему сила,
То ль Амитаона сын, по преданиям жителей местных,

После того, как унял он неистовство Претид безумных
Помощью трав и заклятий, потом очищения средства
В воду криницы метнул, — с тех пор ей вино ненавистно.
Свойство иное совсем у воды из Линкестия. Если
Кто-нибудь станет ее пропускать неумеренно в горло,
То закачается так, будто цельным вином опьянился.
Есть в аркадской земле водоем — Фенеон у древнейших —
С двойственной странно водой, которой ночами страшитесь!
Ночью вредна для питья; днем пить ее можно безвредно[1].

Помимо того Иосиф сообщает о замечательной природе одного потока между Аркеей и Рафанеей, городами Сирии, который буквально переполняет русло в субботний день, а затем высыхает, пропадая на шесть остальных дней недели, видимо потому, что ключи закрываются; а потом на седьмой день поток возвращается к прежнему изобилию вод по неизвестным причинам. Местные жители дали ему имя — «река Субботы», потому что иудеи празднуют ее как седьмой день недели. Также Евангелие свидетельствует о некоем овечьем пруде; в который кто бы ни вступил, после того как Ангел замутит в нем воду, излечится от любой болезни[2].

Есть еще описание, что в Ионии, на территории городка Эллис, у селения Гераклея, на берегу реки Киферон был источник, посвященный нимфам, из которого каждый больной, окунувшийся в него, выходил совершенно здоровым. Павсаний рассказывает, что на горе Ликей, в Аркадии,

[1] Цитируется по изданию: *Публий Овидий Назон*. Метаморфозы / Пер. С. В. Шервинского. М.: Худ. лит., 1977. Кн. 15. Ст. 308–334.
[2] Ср. Ин 5: 2–4.

есть источник, названный Агрий[1], куда шел жрец Юпитера после жертвоприношения, держа в руке дубовую ветвь, которую он окунал в воду источника во время сильной засухи, и в то время, когда он набалтывал воду, оттуда выходили испарения, поднимаясь в воздух, образуя облака, которые покрывали все небо и превращались затем в обильный дождь, поящий всю землю. Среди многих других авторов Руф, врач из Эфеса, замечательно описывает захватывающие вещи о чудесах воды, и, насколько мне известно, они не списаны у других авторов.

Теперь остается сказать о воздухе. Это жизненный дух, пронизывающий все существа, дающий им жизнь и существование, связывающий, приводящий в движение и наполняющий их[2]. Вот почему еврейские ученые не помещают его среди элементов, но рассматривают его как *медиум*, или клей, связующий все вещи, и как звучащий дух мирового орудия. Он получает влияние непосредственно от небесных тел и сообщает его остальным элементам, а также составам тел. Также он получает от них и удерживает, будто в божественном зеркале, отпечатки (species) всех вещей, как естественных, так и искусствен-

[1] Полевой (древнегреч.).
[2] Ср. у Гиппократа: «...Ветер есть течение и излитие воздуха. Поэтому когда обильный воздух произведет сильное течение, тогда силою его дуновения и деревья вырываются из земли с корнем, море вздымается волнами и огромные нагруженные корабли бросаются вверх туда и сюда... В самом деле, что в конце концов обходится без него? или в чем его нет? или чему он не присущ? Действительно, что лежит между небом и землею, все это полно духом...» (*Гиппократ*. О ветрах // Гиппократ. Избранные книги. М.: Изд-во биолог. и медиц. лит., 1936. С. 264–265).

ных, и любые виды высказываний и сохраняет их. И неся их с собой, и входя в тела людей и прочих живых существ через поры, вызывает впечатления о таковых, и когда они спят, и когда бодрствуют, и доставляет материал для всевозможных странных снов и предвидений.

Поэтому и говорят, что человек, проходя в том месте, где было совершено убийство или находится недавно захороненное тело, испытывает страх и испуг, поскольку воздух в таком месте полон ужасными картинами этого злодейства и наполняет ими же прохожего, чем и вызывает беспокойство и страх. Ибо все, что производит неожиданное впечатление, удивительно. Вот почему многие философы считали, что воздух есть причина снов и иных впечатлений разума. Он делает это, сообщая образы, или подобия, или виды, исходящие от предметов и высказываний и множащиеся в воздухе, сначала чувствам, затем воображению, и душа того, кто получает их, будучи свободной от забот и не творя помех, сталкивается с таковыми видами и узнает о них. И несмотря на то, что они сообщают чувствам людей и других живых существ прежде всего о своей собственной природе, они все же могут доставлять и некоторые впечатления с небес. В то время пока они находятся в воздухе, благодаря ему, а также способности и предрасположению того, кто их получает, одно может передаваться чувствам более, чем другое. И, таким образом, человек может естественно и без какого-либо суеверия, без помощи какого-либо духа, сообщаться мыслью с другим человеком на любом расстоянии, хотя и не в состоянии точно определить время, когда это происхо-

дит. Но обязательно в течение двадцати четырех часов. И я лично знаю, как это делается, и делал это сам. А прежде делал и знал, как это должно быть, аббат Тритемий. Плотин нам доказывает и учит способу, которым вещи духовные и телесные производят некоторые картины (виды) благодаря влиянию тел на тела; они укрепляются в воздухе, проявляются и являются нашему зрению и прочим чувствам с помощью света. Так мы видим движение, когда дует полуденный ветер, а воздух конденсируется в маленькие облака, в которых отражаются, словно в зеркале, удаленные замки, горы, лошади, люди и иное, что, стоит облакам проплыть дальше, развеивается; и, как показал Аристотель в работе «О метеорах», радуга формируется в воздушном облаке точно в зеркальном отображении. И Альберт говорит, что виды тел могут легко формироваться в воздухе, который влажен, тем же способом, как изображения вещей в зеркалах. Аристотель рассказывает, что с одним человеком из-за слабого зрения бывало так: воздух рядом с ним служил зеркалом и обозреваемое отражалось таким образом, что он не мог разобраться и полагал, будто его тень забегает вперед, а свою голову видел перед собой — в том направлении, куда шел. Тем же способом получаются все виды очень удаленных картин в воздухе, чего хотят добиться с помощью некоторых зеркал, чтобы невежды, стоящие в стороне от них, верили, будто видят фигуры демонов и духов, хотя последние всего лишь похожая картина, лишенная всякой жизни. Известно, что в темноте, когда остается лишь маленькое отверстие для лучей солнца на подставленной к нему белой

бумаге или зеркале, видят все, что солнце освещает и что совершается снаружи.

Существует еще более примечательное чудо, когда кто-либо, написав портреты или несколько слов, выставляет их ночью определенным способом в хорошую погоду при полнолунии, а кто-либо другой, поставленный об этом в известность, может видеть и читать в окружности или в круге луны картины, поднявшиеся и размножающиеся в воздухе. Это помогает сообщать новости из осажденных городов и мест. Таков секрет, которым прежде владел Пифагор и который сегодня знают лишь некоторые, насколько мне это известно.

Итак, все эти вещи и большое количество других, более значительных, основаны на природе воздуха, и выводят их принципы и причины из математики и оптики. И подобно тому, как отражается видимое, может отражаться слышимое, что и подтверждается *эхом*. Но существуют еще более тайные искусства, благодаря которым, например, некто может слышать и понимать на весьма удаленном расстоянии то, что говорит или даже шепчет другой человек.

Из воздуха еще происходят ветры, которые есть не что иное, как взволнованный и возбужденный воздух. Существует четыре главных ветра, которые дуют с четырех сторон света; а именно: Нот — с юга, Борей — с севера, Зефир — с запада, и Аполеот, или Эвр, — с востока; о них говорится в стихах Понтануса[1]:

[1] *Понтанус* — Джованни Понтано (1426–1503), итальянский историк и поэт, писавший по-латыни; пользовался славой самого плодовитого и самого изящного латинского писателя своего века.

С юга Борей, а с севера Нот Олимп овевают,
С запада веет Зефир, и Эвр с востока стремится.

Нот — южный ветер, туманный, более теплый, болезненный. Иероним называет его дворецким дождя. Овидий описывает его так:

...И Нот на влажных выносится крыльях, —
Лик устрашающий скрыт под смольно-черным туманом,
Влагой брада тяжела, по сединам потоки струятся,
И облака на челе; и крылья и грудь его в каплях.

Но Борей, в противоположность Ноту, — ветер севера, сильный и шумный, он гонит облака, возвращая воздуху покой, и морозит воду. Овидий так говорит о нем:

Вторгся ужасный Борей; ему супротивные земли
Влажны всегда от туманов сырых и дождливого Австра.

И в другом месте:

Сам он трезубцем своим о землю ударил. Она же
Дрогнула вся и воде на свободу открыла дорогу.
И по широким полям, разливаясь, несутся потоки;
Вместе с хлебами несут деревья, людей и животных,
Тащат дома и все, что в домах, со святынями вместе.
Ежель остался дом, устоял пред такою бедою
Неповрежденный, то все ж он затоплен водою высокой.
И уже скрыты от глаз погруженные доверху башни.

Зефир, который также называется Фавониус, — ветер очень легкий, дует с запада; он нежен, прохладен

и влажен, смягчает суровость зим, производя все травы и цветы.

Эвр — противоположный ему восточный ветер, называющийся еще Субсолер и Аполеот; он влажный, туманный и хищный. Об одном из них Овидий говорит следующее:

Вечно стояла весна; приятный, прохладным дыханьем
Ласково нежил Зефир цветы, не знавшие сева.
Боле того: урожай без распашки земля приносила;
Не отдыхая, поля золотились в тяжелых колосьях,
Реки текли молока, струились и нектара реки,
Капал и мед золотой, сочась из зеленого дуба[1].

Глава седьмая

О родах смешений, о том, как они соотносятся с элементами, а также об отношениях самих элементов к душе, чувствам и настроению людей

За четырьмя простыми элементами следуют четыре рода совершенных составных тел: камни, металлы, растения и животные. И хотя для их составления служат все элементы, каждый состав тем не менее следует одному особому доминирующему элементу и больше придерживается его свойств. Так, все камни земляные, ибо они тяжелы и стремятся вниз, и сухость столь сильно доминирует в них, что невозможно сделать их жидкими. Металлы же водные и плавятся, как это признают физики; соглас-

[1] *Публий Овидий Назон.* Метаморфозы. Кн. 1. Ст. 65–66, 107–133, 264–267, 283–290.

ны с ними и химики, поскольку им удавалось получать из металлов вязкую воду или жидкое живое серебро. А растения настолько близки воздуху, что в его отсутствие не могут произвести ни одной почки, ни вырасти. Так же все животные:

Душ семена рождены в небесах и огненной силой...[1]

Огонь для них столь естествен, что без него они не могут жить.

Наконец, каждый из этих родов отличается степенями элементарности. Так, среди камней темные и наиболее тяжелые называются земляными, а прозрачные — водными и составленными из воды, например горный хрусталь, берилл и жемчуга в раковинах, а те, которые плавают в воде, — воздушными, они губчаты, как камень пемзы и тура. Огненными называются камни, из которых огонь извлекается, или которые разлагаются на него, или производят огонь, — это громкамень, огненный камень и асбест. Среди металлов также свинец и серебро — земляные, ртуть — водная; медь и олово — воздушные; а золото и железо — огненные.

Например, в растениях корни содержат землю благодаря их плотности, а ростки — воду, потому что в них сок; цветы — воздух, благодаря их нежности; семена — огонь, благодаря их духу размножения. Помимо этого есть такие, которые теплы, другие холодны, третьи — влажны, а четвертые — сухи, и получают свои имена от свойств элементов.

[1] *Вергилий Марон Публий.* Энеида. Кн. 6. Ст. 730.

Среди животных существуют такие, в которых также доминирует земля и которые находятся внутри земли, как черви, кроты и прочие грызуны; другие сформированы водой, подобно рыбам; в третьих доминирует воздух, и они не могут жить вне его; в четвертых — огонь, как в саламандрах и кузнечиках, или жар огня (в голубях, страусах и львах), а также есть и такие, о которых говорится в книге «Премудрости Соломона»: «лютых зверей... дышащих огненным дыханием»[1]. Кроме того, в животных кости имеют отношение к земле, плоть — к воздуху, жизненный дух — к огню, а humors[2] — к воде. Эти жидкости также подразделяются на элементы; желтые представляют огонь, красные — воздух, флегма — воду, а черные, или меланхоличные, — землю.

Наконец, в душе, следуя Блаженному Августину, понимание представляет огонь, рассудок — воздух, воображение — воду, чувство — землю[3]. Чувства также подразделяются на элементы; так, зрение есть огонь, поскольку невозможно без огня и света; слух — воздух, так как звук есть только колебание воздуха; а обоняние и вкус считаются водой, без влажности которой нет ни вкуса, ни запаха; наконец, осязание полностью землисто и касается тел наиболее плотных[4]. Также управляются элементами действия

[1] Прем 11: 19.

[2] Влага (*лат.*). Далее тем же словом обозначаются жидкости в организме.

[3] Здесь — псевдо-Августин.

[4] Ср.: «Есть и такие (философы. — *В. Р.*), которые пять известных телесных чувств связывают с четырьмя элементами следующим образом: глаза, говорят, имеют отношение к огню, а уши — к воздуху;

и операции человека. Земля означает медленное и твердое движение; страх и медлительность с ленью имеют отношение к воде; нрав веселый и приятный — к воздуху, а натура безжалостная и гневная подобна огню. Таким образом, элементы первенствуют во всех вещах, и все вещи согласуются с ними, и элементы, присутствуя во всех вещах, распространяют на них свои свойства.

Глава восьмая

О том, каким образом существуют элементы в небесах, звездах, духах, ангелах и, наконец, в самом Боге

Согласно мнению платоников, как в оригинальном, образцовом мире, все есть во всем, точно так же и в мире телесном все есть во всем. Таким образом, и элементы присутствуют не только в здешних, низших, телах, но и в небесных, в звездах, демонах, ангелах и самом Боге, который есть творец и создатель оригиналов всех вещей. В низшем мире элементам сопутствует более грубая материя, в то время как в небесах они существуют в своей

обоняние и вкус они приписывают влажной стихии, причем обоняние относят к влажным испарениям, которыми насыщено то пространство, где летают птицы, а вкус — к текучим и плотным жидкостям, ибо все, что только мы ощущаем во рту, чтобы получилось вкусовое ощущение, должно соединиться с влагою рта, хотя бы изначально и было сухим. Впрочем, огонь проникает повсюду...» (*Августин Аврелий*. О книге Бытия // Августин Аврелий. Творения. Киев, 1912. Ч. 7. Кн. 3. Гл. 4).

естественной, т. е. более совершенной форме. Например, прочность небесной земли не содержит грубости воды; подвижность воздуха — стремления выйти из своих границ, жар огня — жгучести, он только дает свет и все оживляет своим теплом. Среди звезд также одни являются огненными, как Марс и Солнце; другие — воздушными, подобно Юпитеру и Венере; третьи — водными, вроде Сатурна и Меркурия; наконец — земляными, это те, что расположены в восьмой сфере, и Луна, несмотря на то, что многие считают ее водной, поскольку она притягивает небесные воды, которыми она связана с нами, будучи ими наполнена благодаря своей близости.

Среди созвездий есть такие, в которых доминирует огонь, в иных — воздух; в прочих — вода; в остальных — земля; элементы управляют Небесами, распределяя в них все четыре тройных соображения каждого элемента, т. е. начало, середину и конец. Так, *Овен* получил от огня начало, *Лев* — свое развитие и рост, а *Стрелец* — цель. *Телец* берет начало от земли, *Дева* от нее же — развитие, а *Козерог* — цель. У воздуха берут начало *Близнецы*, развитие — *Весы*, цель — *Водолей*. *Рак* обретает начало у воды, как *Скорпион* — развитие, а *Рыбы* — цель. Элементы же формируют и составляют, благодаря их смеси, все тела с планетами и знаками Зодиака, также и демонов, ибо одни похожи на огонь, другие — на землю, третьи — на воздух, четвертые — на воду. Вот почему говорят, что четыре потока преисподней принадлежат: Флеготон — огню, Коцит — воздуху, Стикс — воде и Ахеронт — земле.

В Евангелии сказано и об огне, который терпят осужденные, об огне вечном, мучающем тех, кто проклят. «Апокалипсис» упоминает об огненном озере, а Исаак говорит о грешниках, которых Бог поразил испорченным воздухом; по словам Иова, «они перейдут от снежных вод к чрезвычайному жару» и «есть земля мрака и несчастий, покрытая темнотой смерти».

Более того, элементы находятся также в Ангелах небесных и благословенных умах, ибо в них есть постоянство сущности, являющейся земным свойством, в котором заключается неколебимость трона Господня. Также благодаря им и набожность есть очищающее водное свойство. Поэтому псалмопевец назвал их водами, когда он, говоря о небесах, сказал о Том, Кто правит *водами, которые превыше небес* (Пс 148: 4), ибо в них тонкое дыхание воздуха и любовь сияющего огня. Поэтому они названы в Писании «крыльями ветра», и псалмопевец делает на них указание в другом месте, говоря: «Ты творишь ангелами Твоими духов, служителями Твоими — огонь пылающий» (Пс 103: 4).

В чине Ангелов есть также те, которые берут свойства и силу у огня, каковы Серафимы; у земли — Херувимы; у воды — Престолы и Архангелы; у воздуха — Господства и Начала. Не касается ли также Создателя мира то, что земля открылась и родила Спасителя? И не называют ли Его в том же Святом Писании источником живой воды, очищающей и перерождающей? Не дышит ли тот же Дух дыханием жизни, а также, согласно свидетельству Моисея и Павла, огнем пожирающим?

Итак, то, что элементы есть основание всего и находятся повсюду и во всем, хотя и различным образом, никто отрицать не может. Прежде всего они есть во всех телах низшего мира, но нечисты и грубы, а в телах небесных они чище и яснее; живущие же в сверхнебесных — превосходны, благословенны и совершенны во всех отношениях. Следовательно, элементы в образце мира суть *Идеи* вещей для их продуцирования; в *Умах* размещены силы, в *Небесах* — свойства, а в низших телах — грубые формы.

Глава девятая

О свойствах естественных вещей, зависящих непосредственно от элементов

Некоторые из естественных свойств вещей действительно элементарны, как то: нагревать, охлаждать, увлажнять, сушить. Их называют операциями, или первичными качествами и вторичным действием, поскольку лишь они производят полную смену всей субстанции, чего никакие другие качества сделать не могут. Таковые находятся в вещах, составленных из элементов; их больше, чем качеств первичных: созревание, усвоение, разложение, смягчение, отвердение, ограничение, впитывание, разъедание, горение, открывание, испарение, отчуждение, облегчение, склеивание, загораживание, исключение, удержание, притяжение, отдавание, оглушение, присвоение, смазывание и многие другие. Элементарные качества в составных телах делают много такого, чего не могут сделать в самих

элементах. Эти операции называются вторичными качествами, ибо они следуют природе и пропорции смеси первых свойств, что широко трактуется в книгах по медицине. Так, созревание, будучи действием естественного тепла, согласуется с определенной пропорцией в субстанции материи. Продление — действие холода, таковы же замораживание и все, что останавливает. Порой подобное совершается в определенном органе, эти действия вызывают мочу, молоко или менструации; качества такого рода называются третичными, проистекающими из вторичных, как и вторичные — из первичных. И есть много болезней, которые следуют из этих первичных, вторичных и третичных качеств и которые посредством их лечатся.

Есть, помимо прочего, удивительные вещи, созданные искусственно, например огонь, жгущий воду, который называется греческим. Его разные составы нам сообщает Аристотель в специальном трактате, посвященном этому предмету. Еще делают огонь, который гасится маслом и разжигается так, что на него прыскают холодной водой; возникает и огонь, который разжигается дождем, ветром или солнцем; а также существует искусственный огонь, называемый пылающей водой, изготовление которого хорошо известно и который не потребляет ничего, кроме себя самого. Делают еще огни, которые не могут быть погашены, и невозгораемые масла, и вечные лампы, которые нельзя погасить ни ветром, ни водой, что кажется совершенно невероятным. Однако существовала одна знаменитая лампа, освещавшая прежде храм Венеры, в которой горел камень асбест — будучи однажды зажжен, он никогда не мог быть

погашен. Или, напротив, приготовляли дрова или другие горючие вещи таким образом, что огонь с ними ничего не мог сделать; а еще изготовляли предметы, благодаря которым можно было нести в руках горячее железо, или поместить руку в расплавленный металл, или самому целиком войти в огонь, не чувствуя никакой боли, и многие другие подобные вещи. Существует также некий сорт льна, который Плиний называл асбестом, греки — ἄσβεστον[1], который никакой огонь не может сжечь; о нем Анаксилай сказал, что дерево, обернутое им, можно срезать легким дуновением и совершенно бесшумно.

Глава десятая

О тайных свойствах вещей

Кроме этого есть в вещах и другие свойства, которые не принадлежат ни одному из элементов, как, например, препятствовать действию яда, отводить прочь вредный пар из минералов, притягивать железо или что-либо подобное; и эти свойства есть следствие видов и формы того или иного тела, и достигают малым количеством отнюдь не малого эффекта, что не присуще качеству элемента. Поскольку они имеют больше формы и меньше материи, то способны на многое, в то время как элементарное свойство, оставаясь главным образом материальным, чтобы действовать, требует соответственно множества материи.

[1] Греческое слово ἄσβεστον означает «неугасимое».

Эти свойства называются тайными, потому что их причины лежат глубоко и человеческий ум не в силах дотянуться и извлечь их.

Вот почему философы достигли наибольшей части из них скорее посредством опыта, нежели с помощью рассудка. Например, мясо в нашем желудке переваривается благодаря теплоте, которую мы знаем, однако изменяется оно из-за некоторого тайного свойства, которое нам неизвестно, а вовсе не из-за тепла; иначе оно гораздо вернее, чем в желудке, изменялось бы просто огнем. Таким образом, в вещах, кроме известных нам элементарных качеств, есть еще и некие свойства, созданные природой, которой мы любуемся и которой дивимся, поскольку пребываем в неведении, и какую редко опознаем, а то и вовсе никогда не видим. Например, все мы читали у Овидия о Фениксе, птице, которая возрождает сама себя:

Только одна возрождает себя своим семенем птица:
«Феникс» ее ассирийцы зовут; не травою, не хлебом, —
Но фимиама слезой существует и соком амома[1].

И где-то далее:

Все египтяне приходят взглянуть на чудесную птицу
И с величайшим почетом ее принимают[2].

Матреас чрезвычайно удивил греков и римлян, заявив, что вырастил дикое животное, которое пожирало само

[1] *Публий Овидий Назон*. Метаморфозы. Кн. 15. Ст. 392–394.
[2] Эти строки взяты из приписываемой Лактанцию «Поэмы о Фениксе».

себя, и люди стараются даже сейчас узнать, что же это за зверь. Кто не удивится, услышав, что были рыбы, погружающиеся в землю, о которых упоминают Аристотель, Теофраст и историк Полибий, и о том, что Павсаний нам оставил упоминание о некоторых камнях, которые пели? И все это действия тайных свойств. Также и страус, питающийся и поддерживающий свое тело холодным и наиболее тяжелым железом; говорят, что его желудок не страдает даже и от раскаленного докрасна металла. Такова же и маленькая рыбка, называемая прилипалой, что укрощает ярость ветра и успокаивает гнев моря, не позволяет бурям властвовать и бушевать беспредельно и останавливает суда, делая их совершенно неподвижными, даже если они идут под полными парусами в шторм. Вот и саламандрам и другим животным, живущим в огне, хотя они и кажутся горящими, огонь не причиняет вреда. Рассказывают также о некоем сорте битума, которым амазонки натирали свое оружие, предохраняя его тем самым от порчи и повреждения мечом и огнем, и которым, говорят, еще Александр Великий натирал Каспийские ворота. Еще есть описание, что Ноев ковчег, построенный столько тысячелетий назад и сохраняющийся еще в горах Армении, был обмазан этим битумом. Существует много других чудес того же сорта, которые почти вовсе невероятны, но тем не менее известны из опыта. Так, древние историки упоминают сатиров — животных, фигура которых была наполовину человеческая, наполовину звериная, но разумных. Св. Иероним даже говорит, что один из них, обратившись однажды к св. Антонию Еремиту, осудил ошибку язычников, поклоняющихся таким

несчастным тварям, как они, и просил его, чтобы он молился истинному Богу за них. Также он утверждает, что одного из них всем показывали живого и даже впоследствии послали к Константину Великому.

Глава одиннадцатая

О том, как тайные свойства вливаются в некоторые вещи посредством идей, при помощи Души Мира и лучей звезд, и о вещах, которым более всего присущи эти свойства

Платоники говорят, что все низшие тела имеют образцами высшие идеи. Идею же они определяют как форму, которая выше тел, душ и разумов; она едина, проста, чиста, неизменна, неделима, бестелесна, вечна; природа же всякой идеи всегда тождественна самой себе. Далее, они помещают идею на первое место в само Благо, т. е. в Бога, через причину, и говорят, что они различаются между собой лишь некоторыми относительными соображениями, полагая при этом не какую-либо существующую в мире вещь, но и не единое нечто без всякого различия, дабы не представить Бога составной субстанцией. Во вторую очередь они помещают их в само умопостигаемое, т. е. в Душу Мира, отличая одну форму от другой посредством абсолютной формы, так что все идеи действительно существуют в Боге, но являются одной формой; в Душе же Мира они многочисленны. Они помещаются в разумах всех других вещей, соединены ли они с телом или отделены от него

и причастны ему каким-либо определенным образом, и, наконец, все более и более различны по степени. Они помещают их в природу как некое малое семя форм, вливаемых идеями, и в конце концов помещают их в материю — как тени.

К этому можно добавить, что в Душе Мира существует столько же семян форм вещей, сколько идей в Божественном разуме, благодаря чему создаются в верхних небесах звездные каркасы подобных идеям очертаний, соответственно которым все и штампуется. Стало быть, эти звезды, очертания и то, что им свойственно, делают зависимыми все свойства низших видов, а также соответствующие им вещи, и тем самым все низшие виды имеют свои небесные очертания, или соответствующие им формы, откуда и проистекает их замечательная сила действовать; и такой дар дается им от их собственных идей через семена форм Мировой Души. Поэтому идеи есть не только сущностные причины всех видов. И именно это имеют в виду многие философы, когда говорят, что все существующее (а свойства на самом деле представляют собой действия идей) приводится в движение определенными свойствами, т. е. совершается на некоем твердом основании, не случайно и не по недосмотру, но действительно, полновластно, достаточно и никогда не напрасно. И эти свойства ошибаются не в своих действиях, но нечаянно, т. е. вследствие нечистоты или несовершенства материи. В этом смысле находятся вещи тех же видов более или менее полновластные, согласно их чистоте и распределению материи. Соответственно, небесные влияния могут наталкиваться на по-

мехи из-за неверного распределения и недостаточности материи. На этот счет у платоников даже была поговорка: *небесные свойства вливаются в материю по заслугам.* Также Вергилий заметил:

Душ семена рождены в небесах и огненной силой
Наделены — но их отягчает косное тело...[1]

Вот почему вещи, в которых меньше материальной идеи, — те, что более всего кажутся отдельными, имеют более мощные свойства в операциях, будучи подобны действиям отдельных идей. И тогда мы видим, что причина всех блистательных свойств, находящихся в низших видах, — небесные положения и фигуры.

Глава двенадцатая

О том, каким образом отдельные свойства вливаются в отдельные индивидуумы одного и того же вида

Фигуры и положения небесных звезд даруют многим индивидуумам или отдельным телам особые свойства, такие же чудесные, как и видам. Поэтому каждый индивидуум, начиная существовать под определенным гороскопом и небесным созвездием, принимает вместе с их сущностью особое замечательное свойство, данное двояко, претерпевать или воспринимать сверх того, что он имеет от своего вида, и того, что дано отчасти вследствие влия-

[1] *Вергилий.* Энеида. Кн. 6. Ст. 730—731.

ния небес, а отчасти благодаря повиновению материи сущего, порожденного Мировой Душой, также повинующегося ей, как наши тела нашим душам. И мы чувствуем в себе то, что согласуется с пониманием вещей, и это движет нашими телами, особенно сильно, когда мы напуганы и убегаем от чего-либо. И каждый раз, когда небесные души задумывают нечто, материя подчиняется этому.

Также и в природе есть много различных чудес, за которыми скрываются высшие движения, поскольку они зачинают и представляют различные свойства, не только естественные, но даже порой и искусственные, а особенно если душа оператора склонна к этому. Поэтому Авиценна сказал: все, что делается здесь, прежде находится в движениях и представлениях звезд и сфер. Так, в вещах различные действия, склонности и ситуации совершаются не только благодаря, как многие полагают, различным вариациям материи, но еще и посредством разных влияний и форм; не по видовому отличию, но по особой, индивидуальной свойственности. И степенями ее служат варианты распределения первой причины всего; сам Бог, пребывая неизменным, распределяет все по собственному произволению, несмотря на вторичные причины, ангелические и небесные, сотрудничающие с ним, располагает телесную материю и другие вещи, которые им подчинены. Таким образом, все свойства исходят от Бога, посредством Мировой Души, а также благодаря отдельной силе сходства, и понимания его все-управления, и стечения лучей и положений звезд в известное особое гармоничное согласие.

Глава тринадцатая

О том, откуда происходят тайные свойства вещей

Всем прекрасно известно, что магнит имеет особое свойство притягивать железо, но стоит только к нему поднести алмаз, как это свойство у него исчезает; также янтарь и гагат, натертые и нагретые, поднимают солому; а асбест, будучи зажжен, никогда или очень редко гасится. Карбункул[1] светится в темноте. Аэтит[2], будучи положен на плод женщины или растения, усиливает их, а будучи положен под — приводит к выкидышу. Яшма останавливает кровь. Маленькая рыбка-прилипала мешает движению судна и унимает бурю. Ревень изгоняет желчь. Сжигание печени хамелеона вызывает дождь и гром. Камень гелиотроп суживает зрение окружающих и делает

[1] Карбункул (от лат. «уголек») — старое название густо-красных прозрачных минералов (рубин, пироп, альмандин). Плиний Старший называл «карбункулом» ярко-красный гранат, полагая, что минерал раскален: в солнечном свете он теряет свой темный оттенок и действительно нередко похож на горячий уголек. (Карбункулом называют также рубин.) На Руси гранаты называли «вениса», «бечет», «червец» или «чёрвчатый яхонт».

[2] Орлиный камень — полая кремнистая или глинисто-железняковая секреция размером с грецкий орех (Петрографический словарь. М.: Недра, 1981). Этим именем в древности называли глинистый бурый железняк эллипсоидальной или шарообразной формы с пустотою внутри. Греки такие камни называли ἀετίτ — от ἀετος, «орел», — и предполагали, что они особенно нравятся орлам, которые заносят их в свои гнезда. Камням этим приписывали также симпатические свойства (*Вальх И. Э. И.* Каменное царство / Пер. Андрея Нартова. СПб., 1784).

того, кто его носит, невидимым. Камень линкур[1] отгоняет зрительные иллюзии. Липпар влечет животных. Синохитид заставляет объявиться чертей преисподней. Анахит делает зримым облик Бога. Ансит, положенный на спящих и видящих сны людей, заставляет их угадывать будущее. Говорят также, что в Эфиопии есть трава, которая высушивает пруды и открывает все, что закрыто. В истории видим обычай царей Персии давать своим послам траву латакс, чтобы не пропустили ничего, где бы они ни прошли. Есть еще трава из Спарты или из Тартарии[2], о которой говорят, что, попробовав ее или положив в рот, можно затем спокойно существовать двенадцать дней без пищи и воды; и Апулей говорит, что он узнал от Бога, что есть много видов трав и камней, с помощью которых люди могут постоянно сохранять себе жизнь, но что он не разрешил людям узнать их, поскольку даже когда они живут мало, они не прекращают стремиться ко злу и совершать все виды преступлений, и если они станут жить дольше, то нападут на самого Бога. Но ни один из авторов, которые писали толстые тома о свойствах вещей, не объяснил, откуда происходят эти свойства — ни Гермес, ни Бохус, ни Аарон, ни Орфей, ни Теофраст, ни Тебит[3], ни Зенофем, ни Зороастр, ни Эвакс, ни Диоскориды, ни Исаак Еврей, ни Захария Вавилонянин, ни Альберт, ни Арнольд; и тем не менее они все говорили то же, что писал Захария Митридату, — великая мощь и человеческое предназначение заключены в свойствах камней и трав. Но чтобы знать, откуда они исходят, необходимо глубокое умозрение.

Александр Перипатетик, не следуя далее своих чувств, а также качеств, придерживается мнения, что они происходят из элементов и их качеств; это могло бы оказаться истинным, если бы таковые были бы того же вида, однако многочисленные действия камней не согласуются ни с родом, ни с видом. Вот почему академики, следуя мнению Платона, присваивали эти свойства идеям, которые формируют вещи. Но Авиценна сводит эти виды действий к Интеллигенциям[1], Гермес — к звездам, а Альберт — к специфическим формам вещей. И хотя находят разницу во мнении этих авторов — если правильно их понять, ее не существует и все речи относятся к одному и тому же действию во многих вещах. Так, Бог, который есть начало и конец всех свойств, придавая печать своих идей подвластным ему Интеллигенциям, которые, будучи полны знаками всех вещей, утвержденных идеальным свойством, небесами и звездами, как инструментами, располагает материю по мере ее получения от тех форм, каковые исходят от Боже-

[1] Лигуриус, согласно средневековому бестиарию, — драгоценный камень, образовавшийся из мочи рыси (lynx urius — моча рыси). Средневековый бестиарий. М.: Искусство, 1984. С. 120.

[2] В Средние века Тартарией в Европе называли область Центральной Азии.

[3] Тебит бен Корат — средневековый арабский энциклопедист, философ и астроном. Оказал заметное влияние на европейскую науку. Его часто цитировали знаменитости тринадцатого столетия — Альберт Великий, Роджер Бэкон, Чекко д'Асколи, Пьетро д'Абано; его перу принадлежит трактат о символах. Тебит был одним из самых плодовитых переводчиков древности: благодаря ему арабы, а затем и европейцы смогли прочесть труды Архимеда, Аполлония, Аристотеля, Евклида, Гиппократа и Галена.

[1] Божественные Интеллигенции теологи именуют Ангелами.

ственного Господина (как говорил Платон в «Тимее») и передаются звездами. И Дающий формы распределяет их через министров Интеллигенции, назначив их правителями и контролерами над своим Творением; им Он дал власть в вещах, так что все свойства камней, трав, металлов и всего иного могут быть сообщены Интеллигенциями, правительством. Таким образом, формы и свойства вещей исходят сначала от идеи, затем от правящей Интеллигенции, потом от расположения небес и, наконец, от состава отдельных элементов, отвечающих за небесное влияние, каковым сами эти элементы распределяются в установленном порядке. Соответственно, виды действий представлены в этих низших вещах точными формами, в небесах — положением свойств, в Интеллигенциях — правлением, в первой причине — идеями и образцами форм, и все должно быть необходимо согласно в совершении действия и свойстве каждой вещи.

Таким образом, есть замечательное свойство и действие у любой травы и каждого камня, но оно значительно сильнее в звездах; сверх того, каждая вещь берет или получает много от правящей Интеллигенции, и особенно от Первопричины, которой все законченные вещи взаимно соответствуют; и те и другие, сливаясь в гармоничном согласии, словно в гимнах, воздают должное Верховному Творцу всех вещей, наподобие тому, как из пылающей печи тремя отроками были призваны все вещи славить Господа песнопениями. Благословите Господа, Творца всех вещей, что произведены на земле, и всего, что движется в водах, всех птиц небесных, зверей и животных вместе с сынами

человеческими. Ибо нет другой причины, необходимой для действий, чем связь всех вещей с первой причиной и их соответствие Божественным образцам и вечным идеям, каковыми каждая вещь определяется и получает свое отдельное место в мире, благодаря чему живет и получает свое личное бытие. И любое свойство трав, камней, металлов, животных, слов, высказываний — все, что размещено здесь, — от Бога.

Итак, первая причина, являющаяся Богом, хотя и создает все вещи через Интеллигенции и небеса, не прекращает, однако, совершать временами операции самостоятельно, не пользуясь средствами своих слуг, — эти *Медиумы* отстраняются или подвешиваются, и такие операции называются чудесами. Но и вторые причины, которые Платон и другие авторы называли рукотворными, действуют по команде и назначению первой причины, действуют с необходимостью, вынужденные производить неизбежные следствия; и тогда, если Бог пожелает отставить их и подвесить, прекратив назначенное необходимое действие, происходят самые великие чудеса Бога. Именно таким образом огонь халдейской печи не сжег отроков[1]. Также возвратилось вспять солнце и остановилось однажды, прекратив свой бег по команде Иисуса Навина; оно потом ушло вспять на десять кордонов или десять часов по молитве Езекии[2]. А во время страстей Христовых солнце затмилось, полностью закрытое луной. И все эти действия невозможно объяснить никакой рациональной

[1] См. Дан 3.
[2] См. 4 Цар 20.

причиной, ни магией, ни тайной, никакой самой глубокой наукой, ни понять; но только принять как урок, как данный Божественный оракул.

Глава четырнадцатая

О том, что такое Душа Мира и каким образом медиум объединяет тайные свойства в своих субъектах

Демокрит, Орфей и многие пифагорейцы, с большой тщательностью изучавшие свойства небесных тел и природу низших вещей, говорили, что все наполнено Богом, и не без причины. Ибо нет такой вещи, какими бы великими свойствами она ни обладала, которая без содействия Бога могла бы быть удовлетворена своей природой. И они называли это Божественными силами, разлитыми в телах. Эти свойства Зороастр называл Божественной прелестью, Синезий — символическим притяжением, другие авторы — жизнью, а некоторые — душами, утверждая, что от них зависят свойства вещей; ибо душе свойственно распространять единую материю на все тела, в которых она действует. Так, человек распространяет свой ум на умопостигаемую вещь, а свое представление — на представляемую вещь, именно это и называют они пониманием. Иными словами, душа одной вещи, выходя наружу, входит в другую, изменяя ее и препятствуя ее действиям. Например, алмаз препятствует действию магнита, и он не может притягивать железо.

Итак, полагая душу первым двигателем, они говорят, что она движет сама себя, но тело или материя к этому не способны. Лишенная души материя перерождается и теряет свои божественные свойства. Поэтому они говорят, что материя нуждается в более совершенном *Медиуме*. Иными словами, ей необходимо нечто такое, что было бы как будто и не тело, а душа, или как будто не душа, но тело, — такое, чем душа связывалась бы с телом. И они полагают этот *Медиум* Душой Мира, или тем, что мы называем квинтэссенцией, потому что она состоит не из четырех элементов, но служит первой вещью, существующей поверх и вне их. Таким образом, появляется некий вид духа, как бы *Медиум*, посредством которого небесные души связываются с грубыми телами и наделяют их чудесными дарами. Этот дух находится в теле мира так же, как и дух человека в нашем теле. И точно так же, как силы сообщаются всем членам тела человека посредством духа, свойство Мировой Души разливается в каждой вещи посредством квинтэссенции. Поэтому нет ничего во Вселенной, что не содержало бы искры совершенства Мирового Духа. Не существует ничего такого, что было бы влито в эти вещи, кроме исходящего от этого Духа. Он вливается в тела посредством звездных лучей настолько глубоко, насколько вещи способны впитать в себя. Таким образом, им все тайные качества доставляются в травы, камни, металлы и животных посредством Солнца, Луны, планет и более высоких, чем планеты, звезд. Наконец, этот Дух может быть нам более полезен, если мы знаем, как отделять его от элементов или хотя бы использовать вещи, в которых он при-

сутствует наиболее обильно. Ибо те из них, в которых он наименее погружен телесно и менее удержан материей, действуют мощнее и совершеннее и более способны производить себе подобные, поскольку он содержит все производительные и семенные свойства. Вот почему алхимики стараются отделить этот дух от золота и серебра; отделенный и извлеченный, а затем приложенный к некой материи того же типа, т. е. к металлам, он тотчас обращает их в золото или серебро. И мы знаем, как это сделать, и видели это исполненным. Но мы не можем получить золота больше, чем было его по весу в том благородном металле, из которого мы извлекли дух, так как тот, будучи протяженным, а не сжатым по форме, не может вопреки своей пропорции и мере сделать совершенным несовершенное тело, хотя я вовсе не отрицаю, что он делает это благодаря иному искусству.

Глава пятнадцатая

О том, как следует искать и испытывать свойства вещей

Итак, тайные свойства вещей не происходят из природы элементов, но, данные свыше, скрыты от наших чувств и к тому же недостаточно известны рассудку. Исходят они из сущеcтвующего и из Мирового Духа посредством звездных лучей; и мы можем узнать о них не иначе, как только из опыта и согласно нашим предположениям. Вот почему тем, кто желает заняться их изучением, следует рассматривать, что все вещи движутся и превращаются в себе подобные и склонны к этому всеми своими силами как в присущем им, а именно в тайном свойстве, так и в качестве, а именно по свойствам элементов. А порой также и в собственной субстанции, как это видно на примере соли; ведь все, что долго находится в соли, само становится солью; ибо каждый деятель, как только начнет действовать, пытается создать не низшее по отношению к себе тело, но, насколько возможно, себе подобное и себе соответствующее. Это явно видно в чувствующих животных, в которых питательное свойство не меняет мясо в траву или растение — наоборот, их превращает в чувствующую плоть. Поэтому когда в вещах есть избыток какого-либо качества или свойства, будь то — жар, холод, смелость, страх, грусть, гнев, любовь, ненависть или какие-либо другие страсти — или какого-либо свойства, находится ли оно в них естественно или придано искусственно, либо благодаря случайности, как отчаянность у шлюхи, то вещи эти делают очень сильное движение, провоцируя таковое качество, страсть или свойство в других. Огонь движется к огню, вода — к воде, а смелая личность — к смелому. И врачам хорошо известно, что мозг помогает мозгу, а легкое — легкому. Вот почему они говорят, что правый глаз лягушки помогает снять боль с правого глаза человека, а ее левый глаз помогает снять боль с его левого глаза, если они будут подвешены около его шеи, завернутыми в ткань его естественного цвета. То же сообщают и о глазах краба. Ноги черепахи помогают от подагры, будучи приложены: задняя — к ноге, передняя — к руке, правая — к правой, левая — к левой.

Говорят также, что некоторые бесплодные животные приводят и других к бесплодию, а особенно — яички, матка и моча этих животных. Например, сообщают, что женщина не забеременеет, если будет пить каждый месяц мочу мула или что-либо с ней смешанное. Когда хотят работать над приданием какого-либо свойства или качества, нужно искать тех животных или те вещи, в которых это качество является наиболее совершенным, и от них нужно взять часть в том месте, где это качество в наибольшей силе. Так, когда хотят заставить себя полюбить, ищут какое-либо животное из тех, которые более всего склонны к любви; например, голубя, горлицу, воробья, ласточку и трясогузку. Нужно взять орган или части тела, в которых более всего доминирует аппетит Венеры, — в сердце, яичках, матке, мужском члене, сперме, менструальных выделениях, и нужно это сделать, когда эти животные наиболее разгорячены или наиболее расположены к соитию, поскольку в этом случае они возбуждают и дают преимущество в любви. Для того чтобы придать себе больше смелости, нужно взять глаза, сердце или лоб льва или петуха. Именно таким образом должны мы понимать и то, что говорили Платон и Пселл; собаки, вороны и петухи имеют особенную способность к бдительности, а также соловьи, летучие мыши и рогатые совы — прежде всего их сердце, голова и глаза. Поэтому говорят, что если кто-либо будет носить при себе сердце ворона или летучей мыши, то не будет спать вовсе, пока не освободится от них. То же самое делает голова летучей мыши, будучи вы-

сушенной и привязанной к правой руке того, кто хочет бодрствовать. А если ее приложить к тому, кто уже заснул, он не проснется до тех пор, пока ее не уберут прочь. Подобным же образом лягушка и сова делают человека болтливым, особенно их язык и сердце; поместив язык водяной лягушки под голову спящего человека, заставляют его говорить во сне. Говорят, что сердце пронзительно кричащей совы, положенное на левую грудь женщины, когда она спит, заставляет ее раскрыть все секреты. Сердце рогатой совы и сало зайца обладают тем же самым, если положить их на грудь спящего. Также животные, которые долго живут, способствуют долгой жизни, и все вещи, которые имеют свойство обновляться, способствуют омоложению наших тел, что медики делали многократно; это очевидно относительно гадюк и змей. Известно, что олени омолаживают себя в старости, поедая змей. Вот и Феникс возрождается огнем, возбуждаемым из самого себя. Пеликан имеет то же свойство, он помещает свою ногу в теплый навоз, и через три месяца рождается новое существо. Посредством этого врачи, готовя гадюк с чемерицей и некоторые составы из мяса и тел определенных животных этого вида, дают возможность омолодиться. Так и в самом деле возвращали иногда молодость, как это сделала Медея со старым Пелием. Говорят, что высасывая кровь из раны медведя, можно восстановить силу тела, поскольку это очень сильное животное.

Глава шестнадцатая

О том, каким образом действия различных свойств передаются от одной вещи к другой

Мощь естественных предметов так велика, что они могут влиять своими свойствами не только на близкие им вещи, но и на внешние, передавая им свою силу, благодаря которой те же свойства совершают в других вещах то же действие; мы это видим у магнита, который не только притягивает железные кольца и цепи, но и передает им свое свойство, благодаря которому они обладают теми же эффектами, что можно наблюдать и о чем сообщают Августин и Альберт. Вот почему говорят, что распутница или проститутка, которая имеет определенную и безграничную дерзость и нахальство, заражает этой особенностью или качеством всех, кто близок с ней, а они затем сообщают его другим. Поэтому же и говорят, что, надев платье или рубашку подобной женщины или пользуясь зеркалом, в которое она ежедневно смотрелась, становятся дерзкими, неустрашимыми, развратными и распутными. Так же и полотно, служившее на похоронах, принимает некие свойства грусти и меланхолии, и веревка повешенного имеет чудесные свойства. Подобную историю сообщает Плиний. Если же кто-либо поместит ослепшую зеленую ящерицу вместе с железным или золотым кольцом в стеклянный сосуд, присыплет это небольшим количеством земли, а затем избавится от сосуда, а потом, когда окажется, что ящерице вернулось зрение, возьмет кольцо, то оно поможет унять боль глаз. Подобное проделывают с кольцом

и лаской; если после того как ее глаза будут удалены посредством какой-нибудь острой палочки, у нее вновь полностью восстановится зрение. Также помещенные в определенное время в гнезда воробьев или ласточек кольца можно впоследствии использовать для привлечения любви и благорасположения.

Глава семнадцатая

О том, каким образом исследуются и испытываются свойства вещей по их противоречию и их согласию

Теперь остается рассмотреть то, что все вещи бывают дружественны и враждебны друг другу и что у каждой из них есть нечто, составляющее ее страх и ужас, т. е. враждебное и разрушающее ее или, напротив, — вызывающее радость и удовольствие и укрепляющее. Так, в элементах: огонь враждебен воде, воздух — земле, но они все же согласуются друг с другом. Опять же в телах небесных: Меркурий, Юпитер, Солнце и Луна — дружественны Сатурну, а Марс и Венера — враждебны ему. Все планеты, за исключением Марса, — дружественны Юпитеру; все, за исключением Венеры, ненавидят Марс. Юпитер и Венера любят Солнце, а Марс, Меркурий и Луна враждебны ему; все, за исключением Сатурна, любят Венеру. Юпитер, Венера и Сатурн дружественны Меркурию, а Солнце, Луна и Марс враждебны ему. Юпитер, Венера и Сатурн дружественны Луне, а Марс и Меркурий ей

враждебны. Есть еще среди звезд и другой вид враждебности, а именно — их нахождение в оппозиции, как Сатурн — к Солнцу и Луне, Юпитер — к Меркурию, Марсу и Венере. И у тех, кто встает в оппозиции, враждебность сильнее, например, у Сатурна и Солнца, Юпитера и Марса, Венеры и Меркурия. Но чем более они согласуются в природе, качестве, субстанции и мощи, тем крепче их дружественность, как у Марса с Солнцем, у Венеры с Луной, у Юпитера с Венерой. Дружественны и те, которые возвеличиваются в доме другого, — Сатурн и Венера, Юпитер и Луна, Марс и Сатурн, Солнце и Марс, Венера и Юпитер, Луна и Венера.

И каков вид дружественности и враждебности у тел высших, таковы и наклонности у подчиненных им вещей низших. Таким образом, дружественное или враждебное расположение есть не что иное, как определенная склонность вещей друг к другу; желание вещи, если она отсутствует, движение к ней и, при отсутствии препятствий, примирение в ней по ее обретении; либо бегство от противоположного, боязнь приблизиться к нему, стремление не остаться в нем или сражаться с ним.

Именно поэтому Гераклит утверждал, что все вещи находятся во вражде и дружбе[1]. Итак, склонности тел растительных и минеральных подобны тем, которые имеют магнит к притягиваемому им железу, изумруд — к богатству и благорасположению; яшма — к зарождению вещей; агат — к красноречию; подобным же образом битумная глина притягивает огонь, прыгает в него, где бы его ни увидела; также притягивает огонь издали и корень травы aproxis[1]. Подобная же склонность есть между пальмой мужской и пальмой женской, которые сначала прикасаются ветками друг к другу, затем сгибаются и обнимаются, и женская пальма не приносит плодов без мужской. Одинокое миндальное дерево ничего не производит. Виноград любит вяз, а оливковое дерево и мирт — друг друга; также олива и смоква. А у птиц находят дружбу между черным дроздом и дроздом, между вороной и цаплей, между павлинами и голубями; между горлицами и попугаями. Вот что говорит Сафо в своих стихах о павлинах:

Порой и сам павлин к голубке белой льнет,
А попугай зеленый все черных горлиц любит...[2]

Друзьями являются кит и мелкая рыба. Помимо того, что у животных существует дружба между собой, она возникает у них и с другими вещами — металлами, камнями, а также растениями. Кошки любят траву нипу; говорят,

[1] О том, что *все вещи находятся во вражде и дружбе*, говорил Эмпедокл. См. у Аристотеля: «Часто у него дружба разделяет, а вражда соединяет. Ведь когда мировое целое через вражду распадается на элементы, огонь соединяется в одно, и так же каждый из остальных элементов. Когда же элементы снова через дружбу соединяются в одно, частицы каждого элемента с необходимостью опять распадаются» (*Аристотель*. Метафизика. Гл. 4; 985а24—28. См. *Аристотель*. Указ. соч. С. 74). По словам Гераклита, *война — царь всего*.

[1] Плиний (Естественная история. 24, 17, 101, § 158), ссылаясь на Пифагора, утверждает, что корень травы апроксис воспламеняется от прикосновения.

[2] *Публий Овидий Назон*. Героиды. Песнь 15. Ст. 37—38 (перевод мой. — *Сост.*).

когда они трутся об нее, то оплодотворяются без самца. А в Каппадокии есть кобылы, которые подставляют себя порывам ветра и зачинают от этого. Также лягушки, жабы, змеи и все подобные им ядовитые пресмыкающиеся любят растение, которое называется пчелиный рис; врачи говорят, что, поев его, умирают с хохотом. Черепаха, когда на нее охотится гадюка, ест душицу и этим укрепляется; и аист, съев змею, ищет для излечения душицу. И ласка, сразившись с василиском, ест руту, благодаря чему мы и знаем, что душица и рута эффективны против яда. Вот почему у некоторых животных находят способность или силу устранять болезни. Например, жаба, почувствовав укус какого-либо другого животного или отравление, идет искать руту или шалфей, чтобы ими натереть рану и подобным образом уберечься от яда. Так, люди узнали от зверей многие лекарства и свойства вещей; ласточки дали им знание того, что трава чистотел хороша при болезнях глаз, ибо они пользуются ею для лечения глаз у своих малышей; а когда сорока чувствует себя больной, она несет в свое гнездо лавровый лист и выстилает его им. Журавли, галки, куропатки, черные дрозды очищают желудок тем же самым, чем вороны смягчают действие яда хамелеона; а когда у льва лихорадка, он укрепляется, съедая обезьяну. Чибис, объевшись виноградных ягод, чистится кустарниковой полынью. Самцы оленей показали нам, что трава ясенец (дикий бадьян) очень хорошо выводит стрелы, ибо, будучи ранеными, они едят эту траву; то же самое делают и козы в Кандии. А самки оленей незадолго до родов чистят себя специальной травкой, которая называется жабрица. Те, кого укусила фаланга, лечатся, поедая крабов; и свиньи, будучи укушены змеей, очищаются ими. А вороны, отравленные неким родом французского яда, ищут спасения в дубах. Слоны, проглотив хамелеона, очищаются дикой оливой; медведи, когда они ранены мандрагорой, спасаются, поедая муравьев; гуси, утки и другие водоплавающие птицы очищаются диким шалфеем; голуби, горлицы и куры — травой, называемой постенница раскидистая. Журавли пользуются камышом. Леопарды лечатся травой, называемой волчья напасть, калом человека; кабаны — плющом, самки оленей — артишоками.

Глава восемнадцатая

О склонности к вражде

Существует, кроме того, склонность к вражде, и она есть как бы ненависть и гнев, возмущение, и своего рода упорное физическое отторжение, заставляющее одну вещь стремиться прочь от другой. Подобную склонность имеет ревень по отношению к гневу; патока — к яду; сапфир — к нарыву, сильному возбуждению и болезни глаз; аметист — к пьянству; яшма — к воспалению крови; изумруд — к дурным фантазиям; [Agnus Castus][1] — к похоти; агат — к яду; пион — к началу заболевания; коралл — к вспышке меланхолии и боли живота; топаз — к духовному жару, представляющему собой алчность, похоть и все

[1] Непорочный агнец (*лат.*) — витекс священный (Авраамово дерево), прутняк обыкновенный.

виды любовных излишеств. Подобная склонность есть также у муравьев к душице, а летучие мыши и чибисы улетают от нее. Душица противна также и особым ядовитым мухам, которые не могут выносить Солнце, и сопротивляется саламандрам, и смертельно ненавидит капусту, до того, что они разрушают друг друга. Огурцы ненавидят масло, и они готовы бегать друг от друга по кругу в случае соприкосновения. Говорят также, что желчь вороны делает людей пугливыми и повсюду бросает их в дрожь.

Несомненны и другие вещи. Например, то, что алмаз, будучи положен рядом с магнитом, лишает его свойства притягивать железо. А овца мчится от петрушки, как от смертельной опасности, но что еще более удивительно, природа запечатлела знак этой смерти в печени овцы, где отчетливо проявляется форма петрушки. Так, козы ненавидят садовый базилик настолько, словно на земле нет ничего более пагубного для них. Опять же среди животных противны друг другу мыши и ласки, поэтому говорят, что, если мозг ласки положить в сычужину, мышь не тронет сыр, а сам сыр не будет портиться. Ящерица настолько противна скорпионам, что пугает одним своим видом, бросая их в холодный пот; соответственно, ее масло их убивает, так же как лечит раны, нанесенные скорпионом. Подобная же враждебность существует и между мышью и скорпионом; соответственно, если мышь будет приложена к нанесенной скорпионом ране, говорят, что та затянется. Кроме того, враждебны скорпионам stalabores, аспиды и осы.

Сообщают также, будто нет ничего более враждебного змеям, чем крабы, и что свиньи, укушенные змеями, лечат-

ся, съедая краба; и когда солнце находится в знаке *Рака*, змеи мучаются; скорпион и крокодил убивают друг друга; и если птица ибис коснется крокодила одним из своих перьев, он становится обездвиженным; птица, называемая дрофой, улетает при виде лошади; олень-самец тотчас убегает прочь, как увидит барана или гадюку; слон испытывает страх, заслышав хрюканье свиньи, так же как и львы, когда они видят петуха. Пантеры совсем не тронут того, кто полностью натрется куриным бульоном, особенно если он был сварен с чесноком. Также существует антипатия между лисами и лебедями, быками и галками. Подобно этому существует вечная война между собой среди птиц и среди зверей, как, например, между галками и совами, коршунами и воронами, горлицами и витютнями, грифами и орлами, оленями и драконами.

То же самое и среди водных животных — враждуют между собой дельфины и киты, мурены, кефаль и щуки, миноги и морские угри. А осьминог так пугает лобстеров, что те, едва увидев их рядом с собой, тотчас умирают. Боятся друг друга лобстер и морской угорь. Говорят, что виверра застывает перед пантерой в священном ужасе и не может сопротивляться ей или даже коснуться кожи; более того, если они соприкоснутся, то пантера вмиг лишается своего волосяного покрова. Гор-Аполлон также утверждает в «Иероглифике», что если предварительно надеть на себя шкуру виверры, то можно, ничего не опасаясь, пройти среди вооруженных врагов.

Ягненок же очень боится волка и убегает от него. И говорят, что пока хвост, голова или шкура волка находятся

в кошаре, овцы ведут себя беспокойно и даже не могут есть. А Плиний упоминает о некой птице кречет, которая разбивает яйца вороны; на птенцов этой птицы часто охотятся лисы, и она в отместку тоже нападает на лисят, утаскивая их, и если ворона это видит, то помогает лисе, атакуя птицу как общего врага. А коноплянка, живущая в чертополохе, ненавидит ослов, потому что они едят цветы чертополоха. Также существует страшная вражда между ослом и маленьким соколом дербником, они на дух не переносят друг друга, от рева осла разрушаются яйца и гибнут птенцы этой птички. Существует такая антипатия между деревом оливой и распутной женщиной, что говорят, если она посадит оливу, та останется бесплодной или совершенно засохнет. Лев ничего так не боится, как зажженного факела, и считается, что его можно укротить только с его помощью, а волк не боится ни меча, ни копья, но страшится камня, поскольку камень причиняет ему рану, в которой образуются черви. Лошадь до того боится верблюда, что не может смотреть даже на его изображение. Слон, будучи в ярости, успокаивается при виде петуха. Змея боится обнаженного человека, но преследует одетого. Быка, находящегося в ярости, укрощают, привязывая его к смоковнице. Янтарь притягивает все, за исключением садового базилика и тех вещей, которые намазаны маслом, с которым он находится в состоянии естественного отторжения.

Глава девятнадцатая

О видовых и индивидуальных свойствах вещей

Далее следует рассмотреть, какие свойства в вещах существуют согласно виду: отчаянность и храбрость у льва и петуха, боязливость у зайца или ягненка, хищность у волка, коварство и лживость у лисы, льстивость у собаки, жадность у вороны и галки, гордость у лошади, гнев у тигра и кабана, грусть и меланхолия у кошки, похоть у воробья и так далее. Большая часть свойств общевидовые. Но существуют и особые свойства; так, есть люди, которые боятся кошек настолько, что не могут на них смотреть без дрожи, это присуще им отнюдь не как видовое человеческое свойство. А Авиценна сообщает о жившем в его время человеке, которого не брал яд; все, кто случайно кусал его, умирали сами, а он оставался невредимым. Альберт говорит, что видел в городке Агриппине[1] девку, которая ловила пауков и ела их с большим удовольствием, полагая очень питательным их мясо. Таковы отчаянность в шлюхе и пугливость в воре. Вот почему философы утверждают, что некое отдельное тело, которое никогда не было больным, способствует лечению от любого недуга; и по этим соображениям судят, что кость мертвого человека, который не страдал от лихорадки, будучи положенной на больного, излечит его от quartane[2]. Суще-

---

[1] Город в Германии, ныне Кёльн.

[2] Перемежающаяся лихорадка четырехдневного типа (*лат.*). См. у Гиппократа: «Лихорадки большею частью происходят от желчи, и их четыре вида, кроме тех, которые сопровождают особые болезни; имена их таковы: постоянная, ежедневная, трехдневная и четырехдневная...» (О природе человека, 15; *Гиппократ.* Указ. соч. С. 209).

ствует также множество других единичных свойств, влитых небесными телами в отдельные вещи, мы их рассмотрим далее.

Глава двадцатая

О естественных свойствах, занимающих в одних вещах всю субстанцию, в других — отдельные части или члены

Теперь следует рассмотреть то, что в некоторых вещах свойства существуют полностью (во всей субстанции) или в их частях, как в рыбке-прилипале, мешающей ходу судов. Всей субстанцией виверры является следующее свойство: собаки, приближаясь к ее тени, умолкают. И чистотел лечит болезни глаз не какой-либо одной из своих частей, но всем тем, что составляет его существо, — и корнем не менее, чем листьями и семенами.

Однако есть некоторые свойства, которые существуют только в каких-либо частях вещей, а именно: только в языке или глазах, или каких-либо членах. Так, в глазах василиска заключено сильное свойство умерщвлять людей, стоит только их увидеть. Подобное же свойство присуще глазам виверры: едва она взглянет на какое-либо животное, оно застывает, пораженное, и более не может двигаться. Аналогичное характерно и для глаз некоторых волков, которые лишают дара речи тех, на кого они первыми посмотрели, и люди застывают, пораженные. Об этом говорит Вергилий:

Сколько я песен забыл! Сам голос Мериса ныне
Уж покидает его. Онемел я от волчьего взгляда[1].

Говорят также, что в Скифии, в Иллирии и у Трибаллов есть женщины, которые умерщвляют всех тех, на кого смотрят в гневе. Кроме того, я читал о неких особых людях, живущих на Родосе, которые взглядом разрушают все вещи, вот отчего их затопил Юпитер. Именно поэтому ведьмы при совершении колдовства пользуются глазами таких животных для достижения соответствующих эффектов. Подобным же образом муравьи убегают от сердца чибиса, но не от головы, ног или глаз. Также говорят, что желчь ящерицы, брошенная в воду, заставляет прийти ласок, но ее хвост или голова этого не делают. А козья желчь, заключенная в бронзовый сосуд в земле, заставляет приходить лягушек, печень же козы враждебна бабочкам и всем личинкам. Собаки бегут от тех, кто носит с собой сердце собаки, а лисы вовсе не трогают тех из домашних птиц, которые ели лисью печень. Так, многие вещи имеют различные свойства, которые распределены в частях тела согласно тому, как они были туда влиты сверху, и согласно содержанию этих частей, такие свойства принимающих. Например, в теле человеческом кости не получают ничего кроме жизни, глаза — зрения, уши — слуха. Есть в человеческом теле одна маленькая кость, которую евреи называют Iuz, величиной с очищенную горошину, которая не ломается, не боится огня и ничем не может быть уничтожена; говорят, она

[1] Цитируется в переводе С. Шервинского по изданию: *Вергилий Марон Публий.* Буколики // Вергилий Марон Публий. Указ. соч. Эклога IX. Ст. 53–54.

возродит наше животное тело при воскрешении мертвых, словно растение из семени[1]. Но эти свойства не обнаружить рассудком, только опытом.

Глава двадцать первая
О свойствах, которые существуют в вещах при жизни, и о тех, что в них остаются после уничтожения

Кроме этого, нам нужно знать, что в вещах есть некоторые свойства, которые сохраняются только в течение их жизни, и те, которые остаются в них даже после смерти. Так, рыбка-прилипала останавливает суда, а василиск и catoblepa[2] убивают взглядом, пока они живы, но после своей смерти не делают этого. Например, говорят, что если при коликах приложить к животу живую утку, то она уймет боль, но сама умрет; нечто подобное этому сообщал Архит. Если также взять только что извлеченное из тела животного сердце и совсем еще теплое поместить на тело человека, у которого четырехдневная лихорадка, он вылечится. Или, если проглотить сердце чибиса, ласточки,

[1] См. в книге «Зогар» об этом. Ср. в каббале: «Составлявшее когда-то одно целое не может совершенно разделиться <...> следовательно, остается и связь. <...> Когда этот наружный материальный преемник исчез, вместе со своими физическими жизненными силами, <...> остается еще нечто духовное, нетленное, которое сходит в могилу в костях, как говорит Зогар. Каббала называет это начало „дыханием костей“ или „духом костей“» (*Папюс*. Каббала. С. 138).

[2] От греч. καταβλέπω — смотреть на. Описание см. в главе 32 книги 8 «Естественной истории» Плиния.

ласки или крота, пока оно еще полно естественного тепла, укрепляются память, воображение и понятливость. Главное правило для всего этого — что бы ни было взято у животного, будь то косточка, какой-либо член, экскременты, волосы, когти, — его следует взять, пока животное живо и, по возможности, продолжало жить и после такого изъятия. Вот почему рекомендуют тому, кто хочет заполучить язык лягушки, отпустить ее после удаления органа снова в воду; а взяв зуб у волка, не убивать его, но оставить в покое. Так пишет Демокрит: взять язык у живой водяной лягушки, не трогая у нее других частей тела, и бросить ее в воду, затем положить этот язык на то место у спящей женщины, где бьется сердце, и она будет говорить правду обо всем, о чем бы ее ни спросили. Говорят, что если до восхода солнца привязать к телу больного глаза лягушки, отпущенной слепой в воду, можно излечить трехдневную лихорадку; и те же самые глаза, связанные с мясом соловья в коже оленя, заставляют бодрствовать и мешают спать. А раздвоенная рыбья кость, будучи привязанной к пупку, облегчает женщине роды, если рыба при этом осталась живой и была вновь отпущена в море. Известно, что наложение правого глаза змеи помогает от водянки глаз, при условии, что змея оставлена живой. Есть также одна рыба, называемая муреной, глаз которой, привязанный ко лбу пациента, лечит воспаление глаз, а у рыбы вырастает заново; но, если она не была отпущена живой, человек ослепнет. Вот и зуб любой змеи, взятый еще при ее жизни, когда привешен к больному, лечит четырехдневную лихорадку, а зуб, взятый у крота, отпу-

щенного живым, — зубную боль. Собаки совсем не лают на тех, кто носит или имеет при себе хвост сбежавшей ласки. Демокрит пишет, что язык хамелеона, взятый у живого животного, очень хорошо помогает в испытаниях, а женщинам — в родах, если его держать вне дома, будьте внимательны — нужно остерегаться вносить его в дом, так как это очень опасно.

Кроме того, существуют свойства вещей, остающиеся после их смерти. О них *платоники* говорят, что в подобном случае *идея* менее всего поглощена материей. И даже после их смерти то, что остается в них бессмертным, не перестает творить чудеса. Так, в собранных и высушенных травах и растениях остается их свойство и действие, вложенное в них изначально, согласно *идее*. Соответственно, поскольку орел на протяжении всей своей жизни побеждает всех птиц, то и после его смерти перья орла будут разрушать перья других птиц. Таким же образом шкура льва одолевает все остальные шкуры, а виверры — разрушает шкуру пантеры; волка же разъедает шкуру ягненка. И есть вещи, которые совершают подобное не только путем телесного контакта, но также посредством звука. Так, барабан, сделанный из кожи волка, подавляет звук барабана, сделанного из кожи ягненка. А барабан, сделанный из кожи рыбы-собаки, заставляет убегать всех пресмыкающихся, оказавшихся в пределах досягаемости звука; струны, сделанные из кишок волка, соединенные в лютне или арфе со струнами, сделанными из кишок овец, не будут содействовать благозвучию.

Глава двадцать вторая

О том, как низшие вещи подчинены высшим и каким образом тела, занятия и состояния людей зависят от звезд и знаков Зодиака

Итак, ясно, что все вещи низшие подчинены высшим и некоторым образом, как говорит Прокл, одно заключается в другом, а именно: в низших вещах есть высшие, а в высших — низшие; в небесах есть вещи земные, но как в своей причине и небесным образом, а на земле есть вещи небесные, но земным образом, т. е. как некий факт. Вот почему мы говорим, что здесь одни вещи солнечные, а другие — лунные, имея в виду те, в которых *Солнце* или *Луна* отчетливо запечатлели свои свойства. Таким образом, вещи получают многие действия и качества, подобные действию звезд и созвездий, которым они подчинены. Мы знаем, что солнечные вещи соотносятся с сердцем и головой, поскольку *Лев* — дом *Солнца*, а *Овен* — экзальтация *Солнца*. Вещи *Марса* хороши для головы и яичек, по причине, соответственно, *Овна* и *Скорпиона*. Вот почему, когда дрожит тело и болит голова у тех, кто кутил, им нужно окунуть яички в холодную воду или помыть их уксусом — это лучшее лекарство. Соответственно необходимо знать, как в человеческом теле распределены планеты и знаки Зодиака.

Согласно традиции арабов, известно, что *Солнце* управляет мозгом, сердцем, бедром, костным мозгом, правым глазом и духом; а также языком, устами и другими

органами чувств, как внешними, так и внутренними; руками, ступнями, ногами, нервами и силой представления. *Меркурий* — селезенкой, желудком, мочевым пузырем, маткой и правым ухом; а также способностью к здравому смыслу. *Сатурн* — печенью и плотской частью желудка. *Юпитер* — животом и пупом; именно поэтому древние авторы писали, что в храме Юпитера Аммона было изображение пупка. Некоторые относили к нему также ребра, грудь, кишки, кровь, руки, правую кисть и левое ухо, а также естественные силы. Другие полагают, что *Марс* управляет кровью, венами, почками, желчным пузырем, ягодицами, спиной, движением спермы, раздражительностью. Они же полагают, что к *Венере* относятся почки, яички, мужской член, матка, семя, способность совокупления; а также плоть, жир, живот, грудь, пупок и все те части, что служат соответствующей работе *Венеры*, а еще *сакральная кость*, позвоночник и поясница, голова и уста в поцелуе любви.

Что же касается *Луны*, то, хотя она и претендует на управление всем телом и каждым его членом по расположению знаков Зодиака, ей отводят особо мозг, легкие, костный мозг, желудок, месячные у женщин, все выделения, левый глаз и силу роста. *Гермес* говорит, что в голове животного есть семь отверстий, распределенных между семью планетами, а именно: правое ухо — *Сатурн*, левое — *Юпитер*, правая ноздря — *Марс*, левая — *Венера*, правый глаз — *Солнце*, левый — *Луна*, а уста — *Меркурий*.

Также каждый знак Зодиака осуществляет заботу о своих членах; *Овен* управляет головой и лицом; *Телец* —

шеей; *Близнецы* — руками и плечами. *Рак* владеет грудью, легкими, желудком и мышцами, или мясистыми частями рук; *Лев* — сердцем, желудком, печенью и спиной; *Дева* блюдет внутренности и основание желудка; *Весы* управляют почками, наружной частью бедер и ягодицами; *Скорпион* — гениталиями, мужским членом и маткой; *Стрелец* покровительствует над бедрами и пахом; *Козерог* управляет коленями; *Водолей* — ногами и голенями. *Рыбы* — ступнями. И как триады этих Знаков отвечают друг другу и согласны между собой в небесном, точно так же согласны они и в членах, о чем достаточно свидетельствует опыт; ибо на холод в ногах, в животе и в груди воздействуют через члены, отвечающие этой же триаде; иными словами, воздействуя на один орган, можно вылечить другой; так, врач, согревая ноги, снимает боль в животе. Следует помнить этот порядок и знать, что вещи, которые подчинены какой-нибудь из планет, имеют особое отношение или склонность к членам тела, приписываемым той же планете, и особенно к ее домам и экзальтации; в то время как другие достоинства — триплицитеты, термы и лики — принимают в этом незначительное участие. Поэтому пион, бальзам, гвоздика садовая, кожура цитрона, сладкий майоран, корица, шафран, древовидный алоэ, ладан, янтарь, мускус и мирра помогают голове и сердцу — по причине *Солнца*, *Овна* и *Льва*. А подорожник, трава *Марса*, служит для лечения головы и яичек по причине *Овна* и *Скорпиона*, и так далее. Вещи, подчиненные *Сатурну*, способствуют грусти и меланхолии, *Юпитеру* — веселости и почестям, *Марсу* — отчаянности, спору и гневу,

6 № 2685

Солнцу — славе, победе и храбрости, *Венере* — любви, похоти и совокуплениям, *Меркурию* — красноречию, *Луне* — вульгарной жизни. Также распределяются согласно планетам положения и занятия людей. *Сатурн* управляет старцами и монахами, меланхоличными людьми и скрытыми сокровищами, ему же подвластно все то, что приобретается в долгих и трудных путешествиях. *Юпитер* управляет благочестивыми или набожными людьми, прелатами, королями, герцогами и достоянием, приобретенным законно и честно. *Марс* — цирюльниками, хирургами, врачами, сержантами, экзекуторами, кондитерами и всеми, кто имеет дело с огнем: пекарями, солдатами, и любым из тех, кого обычно называют людьми *Марса*. Подобным же образом и остальные звезды отмечают каждого своим действием, что подробно описано в книгах по астрологии.

Глава двадцать третья

О том, как можно узнать, от каких звезд зависят естественные вещи и какие из них называются солнечными

Узнать, что и каким звездам и знакам Зодиака подчиняется, очень непросто; это определяют по подражанию либо лучам, либо движению, либо фигуре высших вещей. Некоторые узнаются по их цветам и запахам, другие — по результатам операций, отвечающих определенным звездам. Так, например, солнечными или подвластными силе *Солнца* будут: среди элементов — ясное пламя; среди гуморов — чистая кровь и жизненный дух; среди вкусов — те, которые остры и смешаны со сладостью. Среди металлов — золото, по причине его цвета и блеска, полученных от самого *Солнца*, от всего его сердца. Среди камней — сходные с солнечными лучами своими золотыми искрами: сверкающий аэтит, имеющий силу при начале заболеваний и отравлений; а также камень, называемый *Око солнца* (сапфир), поскольку формой он подобен глазному яблоку, через середину которого проскакивает луч; он очень полезен для мозга и укрепляет зрение. А карбункул, который светится ночью, предохраняет от всех ядовитых испарений, находящихся в воздухе; в хризолите, который имеет слабый зеленый цвет, когда он выставлен на солнце, чудится золотая звезда; он отвечает за органы дыхания и помогает астматикам, а если его просверлить насквозь и пропущенными через эту дыру волосами с гривы осла прикрепить к левой руке, он прогоняет болезненные видения, кошмары и снимает безумие. Подобный цветному горному хрусталю камень ирис, с шестиугольником в основе, будучи выставленным из-под крыши одной частью на солнце, а другой оставаясь в тени, собирает в себе солнечные лучи и, проводя их через себя, образует на противоположной стене радугу. Гелиотроп, зеленый как яшма или изумруд, весь покрытый красными крапинками, дает человеку постоянство, славу и известность, способствуя долгой жизни. На самом деле он особенно удивителен в лучах солнца, которые, как говорят, обращают его в кровь, т. е. заставляют светиться кровавым светом, словно при затмении солнца. А если его натереть соком травы, которая носит то же

название, и положить в сосуд с водой, он обретает еще более удивительное свойство, делая туманным и ослепляя взгляд человека настолько, что тот не может видеть носящего этот камень; и данное свойство приобретается им не без помощи травы гелиотроп, т. е. — следующей за солнцем. Альберт Великий и Гильом Парижский подтверждают эти свойства в своих писаниях.

Гиацинт, другой солнечный камень, хорош против ядов и поветрия чумы; он делает того, кто его носит, уверенным, приятным или грациозным; способствует приобретению богатств и мудрости, укрепляет сердце, а когда его держат во рту, возвеселяет душу. Или камень *pyrophilos*[1], из красной смеси, о котором, согласно свидетельству Альберта Великого, Эскулап замечает в одном из своих посланий Октавиану Августу следующее: это особый очень холодный яд, который предохраняет изъятое при сжигании сердце человека; если затем через некоторое время это сердце поместить в огонь, то оно обратится в камень, который так и называется pyrophilos — от огня. Это замечательное средство против яда, он делает тех, кто его носит, славными и грозными для врагов. Кроме того, существует самый солнечный камень, который, как сообщают, был обнаружен Аполлонием и называется [pantaura]; он притягивает к себе другие камни, словно магнит железо; он очень эффективен против всякого рода ядов и называется *пантера*, поскольку на вид такой же пятнистый, как это животное. Его именуют еще и panthocras[2], поскольку он содержит все цвета. Аарон

[1] *Pyrophilos* — с греч. буквально «огнелюб».

[2] *Panthocras* — с греч. буквально «всецветный».

называет его эвантум. Есть еще другие солнечные камни: топаз, рубин, хризопраз и рубиновая шпинель. Существует также аурипигмент[1] и прочие вещи золотого цвета и очень светлые.

Среди растений и деревьев солнечные те, которые поворачиваются к солнцу, например ноготки, и те, которые сникают перед закатом, а после восхода понемногу оживают вновь. Так, дерево Лота[2] — солнечное, об этом ясно свидетельствует вид его плодов и листвы. Также пион, чистотел, бальзам, имбирь, горечавка, ясенец, вербена, которая используется для предсказаний, для искупления, а также для изгнания злых духов. Лавровое дерево тоже посвящено *Фебу*, как и кедр, пальма, ясень, плющ, виноград и все те, что предохраняют от ядов и молний и не боятся суровых зим. К солнечным относятся мята, мастика, цитварь, шафран, бальзам, янтарь, мускус, желтый мед, древовидный алоэ, гвоздика, корица, аир, перец, ладан, сладкий майоран и розмарин, который *Орфей* называет *благоуханием Солнца*. Среди животных солнечные — это великодушные, отважные, стремящиеся к победе и славе; таковы царь зверей лев, крокодил, пятнистый волк[3], баран, кабан и царь стад —

[1] *Аурипигмент* (от лат. *aurum* — золото и *pigmentum* — краска) — природный минерал класса сульфидов, представляющий собой золотистые или лимонно-желтые кристаллы. Сырье для получения мышьяковых соединений. Очень важное для алхимиков вещество наряду с реальгаром и киноварью — основными источниками получения мышьяка и ртути.

[2] Мифическое дерево, посаженное Лотом. Ямвлих говорит, что его листья и плоды, будучи круглыми, представляют собой «движение ума».

[3] Вообще — гиеновая собака. Но в средневековом бестиарии читаем: «*Рысь — пятнистый зверь вроде волка. Моча рыси, затвер-*

буйвол, который у египтян Гелиополиса посвящался *Солнцу*, именуемому ими *Истиной*. Быка также посвящали Апису в Мемфисе, а в Гермонфисе буйвола называли Пафисом[1]. Волк же был посвящен Аполлону и Латоне. Солнечным также является зверь по названию бабуин, который лает двенадцать раз на дню, т. е. каждый час, а в равноденствие двенадцать раз мочится каждый час — то же самое делает он и ночью, что египтяне и запечатлели на своих водных часах.

Среди птиц солнечными будут единственный в своем роде Феникс и царь птиц орел; а также гриф, лебедь и те, что поют при восходе *Солнца*, как бы призывая его, — петух, ворон и ястреб; последний в пантеоне египтян — эмблема духа и света, а потому и почитается порфирным. Кроме того, солнечным считается все, что сходно по своим действиям с *Солнцем*, как светящиеся в ночи черви, жук, рождающийся из коровьего навоза и глаза которого, согласно версии Аппия, всегда следуют за *Солнцем*; а также солнечным считается и все то, что происходит от этих последних. Из всех рыб прежде всего солнечными оказываются тюлень, защищенный от молнии; моллюск и рыба [pulmo][2] — обе светятся ночью, и морская звезда из-за ее иссушающего жара, и морская улитка — они

девая, превращается в драгоценный камень лигуриус» (Средневековый бестиарий. М.: Искусство, 1984. С. 120).

[1] Гермонфис — греческое название египетского города Гермент; там, согласно Макробию, поклонялись черному буйволу, которого звали Баккис, или Пафис.

[2] Легкое (*лат.*).

следуют за своим царем, и [margari][1], которые также имеют царя, а высыхая, превращаются в камень золотого цвета.

Глава двадцать четвертая

О том, что зависит от Луны

От *Луны* зависят: среди элементов — земля, вода, как морская, так и речная, и все, что влажно, — соки растений и животных, в особенности тех, которые белы, как белизна яиц; сало, пот, флегма и излишки тела. Из вкусов — соленые и безвкусные. Среди металлов — серебро. Среди камней — горный хрусталь, серебристый марказит и все те, которые белые и зеленые. Еще камень селенит, т. е. лунный, прозрачно-белый камень с желтым свечением, подражающий движению *Луны*, имеющий ее вид и показывающий каждый день ее рост и ущерб. А еще жемчужины, рождающиеся в морских раковинах, и берилл.

Среди растений и деревьев лунные — селенотроп, который поворачивается к *Луне*, как гелиотроп к *Солнцу*, пальма, пускающая ветви при каждом восхождении *Луны*; иссоп, розмарин, Agnus Castus, олива. Также ракитник, который увеличивается и убывает вместе с *Луной*, причем всей субстанцией, а именно — и в числе листьев, а не только в жидкости, свойствах и силе, что присуще определенным образом всем растениям, за исключением луковиц, находящихся под

[1] Устрица — от «жемчужина» (*лат.*).

влиянием *Марса* и располагающих противоположными свойствами, так же как среди птиц перепел, подчиненный *Сатурну*, является злейшим врагом *Луны* и *Солнца*.

Лунными называются те животные, которые находят удовольствие в общении с людьми и которые превосходят прочих и в любви, и в ненависти, подобно собакам. Хамелеон также лунный, поскольку он меняется вместе со своим окружением, как и *Луна*, изменяющая свою природу согласно переменам знаков Зодиака, в которых она находится. Лунными также являются свиньи, самки оленей, козы и все те животные, которые подражают движениям *Луны*, как бабуин и пантера, о которой говорят, будто у нее на плече есть пятно, стремящееся к окружности, но имеющее изгиб внутрь, подобно рогатой *Луне*. Таковы же и кошки, чьи глаза согласно ходу *Луны* становятся больше или меньше. К *Луне* относятся и те природные явления, типа менструаций, посредством которых маги творят удивительные и странные вещи. И противная любому волшебству виверра, которая меняет свой пол, и все виды животных, которые живут как на земле, так и в воде, подобно выдрам и тем, что охотятся на рыбу. Кроме того, и все безобразные животные, о которых неизвестно, от какого семени они произведены, как мыши, происходящие то от совокупления, то от разложения земли[1].

---

[1] В Средние века было широко распространено мнение о так называемом самопроизвольном зарождении жизни. Даже такой известный ученый, как Ян Баптист ван Гельмонт (1579–1644), утверждал, что в результате смешения пшеничной муки, пыли и старых тряпок могут зародиться мыши. Ср. также у Фомы Аквинского в трактате «О камне философов и прежде всего о телах сверхнебесных»: «И не

Среди плавающих лунные — гуси, утки, поганка малая и все водоплавающие, которые едят рыб, подобно цапле; и те, которые рождаются сомнительным образом, как осы из трупов лошадей, пчелы — от разложения коров, мелкие мушки — от брожения вина и жуки — от мяса ослов. Но более всего лунными оказываются двурогие жуки с рогами будто у буйвола, которые зарывают [семя] в коровий навоз и там хранят его в течение двадцати восьми дней, пока *Луна* совершает зодиакальный круг, а на двадцать девятый день, когда, как полагают, происходит соединение светил, выкапывают и бросают в воду, в результате чего происходят жуки. Из рыб лунные — сомик, глаза которого изменяются согласно ходу *Луны*, и все те, которые подражают ее движениям, как черепаха, рыбки-прилипалы, крабы, устрицы, сердцевидки и лягушки.

Глава двадцать пятая

О том, что зависит от Сатурна

Подчиненные *Сатурну*: среди элементов — земля и вода; среди жидкостей организма — черная желчь, которая влажна, как естественная, так и превходящая (adventitious), за исключением жженой желчи. Из вкусов — все кислое, терпкое, весомое и тяжелое. Среди металлов —

надо удивляться тому, что я сказал о гниении в теплом лошадином навозе, как это должен делать артист, ибо, если туда будет помещен пшеничный хлеб, через девять дней он превратится в истинную плоть, смешанную с кровью...» (Книга алхимии. СПб.: Амфора, 2008. С. 230).

свинец и золото, по причине их веса, и золотой марказит[1]. Среди камней — оникс, [ziazaa][2], [camoinus], сапфир, коричневая яшма, халцедон, магнит и все вещи землисто-темные и весомые. Среди растений и деревьев — нарцисс желтый, эстрагон, рута, тмин, чемерица, бензойное дерево, мандрагора, опиум, и все неутонченные, и которые никогда не дают никакого плода или те, которые производят ягоды темного цвета и черные плоды, например черная смоковница, сосна и кипарис. Также определенные деревья, которые обычно используют на похоронах, и те, что не приносят весной свежих плодов, которые кривы, горького вкуса, с сильным запахом, с черной тенью, с очень едкой, терпкой смолой, которые приносят наиболее бессмысленные плоды или не носят плодов долго, зловещие и посвященные *Плутону*, вроде страстоцвета, которым пользовались древние жители для устилания могил перед тем, как положить туда мертвое тело; вот почему они плели к праздникам гирлянды из всех видов трав и цветов, за исключением этой, поскольку она траурная и не способствует веселью.

Среди пресмыкающихся — живущие стороной, одинокие, ночные, грустные, созерцательные, вялые, жадные,

---

[1] Железный колчедан или фальшивое золото.

[2] Черно-белый камень, делающий своего обладателя сутяжником и вызывающий ужасные видения. «Камень, в котором можно увидеть все цвета начиная с черного; но увидеть их способен лишь тот, кто имеет верное намерение. Его имя происходит от места, в котором он был найден. Людовико Долео, который обнаружил этот камень, уверяет, что он наделяет того, кто его носит, сварливым характером и вызывает ужасные сны» (The Occult Sciences. London: George Redway, 1891. Reprint: Secacus, N.J.: University Books, 1974; Pierer's Universal-Lexikon. B. 19. Altenburg, 1865. S. 598).

робкие, меланхоличные, суетливые, медлительные, с грубой пищей и те, которые пожирают своих малышей. Среди подобных животных — обезьяна, кошка, боров, мул, верблюд, медведь, крот, осел, волк, заяц, дракон, василиск, жаба, все змеи и пресмыкающиеся, скорпионы, муравьи и все то, что рождается из гнили в земле, в воде, в развалинах домов, как мыши, и многие виды вредителей.

Среди птиц *Сатурну* принадлежат те, которые имеют длинную шею и резкий голос, как то: журавли, страусы и павлины, которые были посвящены *Сатурну* и *Юноне*, а также сипуха, рогатая сова, летучая мышь, чибис, ворона и наиболее завистливая из всех птиц перепел. Среди рыб — угорь, живущий особняком; минога; акула, поедающая своих малышей; также черепахи, устрицы, сердцевидки, к чему можно добавить морских губок и все, что от них происходит.

Глава двадцать шестая

О том, что зависит от Юпитера

От *Юпитера* зависят: среди элементов — воздух; среди жидкостей организма — кровь и жизненный дух и все, что поддерживает рост, питание и произрастание жизни. Из вкусов — все, что есть сладкого и приятного. Среди металлов — олово, серебро и золото, по причине их соразмерности. Среди камней — гиацинт, берилл, сапфир, изумруд, зеленая яшма и все, что небесного цвета. Среди трав и деревьев — лук-порей, садовый базилик, воловик, мускат, колос, мята, мастиковое дерево, девясил, фиалка, плевел, белена, тополь

и деревья, которые считают счастливыми, как, например, дуб, конский каштан, который подобен дубу, но более крупный, каменный дуб, бук, лесной орех, рябина, белая смоковница, груша, яблоня, виноград, слива, ясень, кизил, олива и маслина. Также все виды зерновых, как ячмень, пшеница, рис, солодка (лакрица), сахар и все те, у которых проявляются сладость, тонкость, порой частично вяжущий, острый вкус, как у орехов, миндаля, ананасов, фундука, фисташек, корней пиона, мираболлана, ревеня и манны, а Орфей добавляет стиракс.

Среди животных — те, которых отличает величественность и мудрость, и те, которые кротки и послушны, а также хорошего нрава, как олень-самец и слон, и те, что тихи, как овцы и ягнята. Среди птиц — те, которые имеют умеренное телосложение, подобно курам и цыплятам, или еще куропатки, фазаны, ласточки, пеликаны, кукушки, аисты, также птицы, служащие символом преданности и благодарности. Орел, посвященный *Юпитеру*, — знак императоров и символ справедливости и милосердия, он украшает оружие властителей. Среди рыб — дельфины, анчоусы и сом, по причине его благочестивости.

Глава двадцать седьмая

О том, что зависит от Марса

Среди элементов — это огонь, а также все то, что огонь содержит, являясь жгучим и острым; среди жидкостей организма — желчь. Из вкусов — те, которые горькие, едкие и обжигающие язык, а также вызывающие слезы. Среди металлов — железо, медь и все огненные, красные, а также сульфурообразные. Среди камней — диамант, магнит, гелиотроп, яшма, все составные камни и аметисты. Среди растений и деревьев — чемерица, чеснок, молочай, cartabana, армоньяк[1], редис, лавр, волчий зев, скаммоний и все то, что ядовито благодаря избытку жара, а также все те растения, которые имеют колючки, колющие или раздражающие кожу, при прикосновении вызывающие зуд или припухлость, а именно: чертополох, крапива, лютик и все то, от чего появляются слезы при еде, как лук разных сортов, горчица, и колючие деревья — например, кизил. И все животные, которые воинственны, хищны, отчаянны и с ясным воображением — скажем, лошадь, мул, коза, козленок, волк, леопард, дикий осел, змеи, дракон, переполненный недовольством и ядом, а также все те, что нападают на человека, подобно комарам, мухам и бабуинам, по причине их злости. Все хищные птицы, пожирающие мясо, крушащие кости, — орел, сокол, ястреб, гриф, а также птицы, которых называют фатальными, как рогатые совы, сипухи, некоторые соколы, коршуны, и те, которые всегда очень голодны и пожирают, жадно с шумом проглатывая, как вороны и галки или сороки, которые более всех остальных посвящены *Марсу*. Среди рыб — щука, краснорыбица, морской кот, бараноподобные, козлоподобные, волкоподобные (морской окунь), осетр и прочие чрезвычайно хищные и прожорливые.

[1] Бензойная смола, добывается из стиракса.

Глава двадцать восьмая

О том, что зависит от Венеры

От *Венеры* зависят: среди элементов — воздух и вода, среди жидкостей организма — флегма, кровь, дух и сперма. Из вкусов — сладкий, елейный и усладительный. Среди металлов — серебро и медь, как желтая, так и красная. Среди камней — берилл, хризолит, изумруд, сапфир, яшма зеленая, сердолик, аэтит, лазурит, коралл и все огненные, многоцветные, белые и зеленые. Среди растений и деревьев — вербена, фиалка, адиантум, валериана, называемая арабами [phu], а также тмин, ладан, амбра, мускат, сандал, кориандр и все виды благовоний и плодов усладительных и нежных, как нежные груши, фиги и гранаты, о которых поэты говорят, что их первой посеяла *Венера* на Кипре; кроме того, ей посвящены утренние розы и вечерний мирт. А еще все роскошные и тонкие животные, страстные в любви, как собаки, кролики, зловонные овцы, козлы и козы, которые воспроизводятся быстрее, чем другие, и особенно козел, о коем говорят, что он совокупляется с седьмого дня после рождения; а также буйвол с его презрением и теленок с его резвостью.

Среди птиц — лебедь, трясогузка, ласточка, пеликан и дикий нильский гусь, который очень любит своих малышей; а также ворон и голубь, посвященный *Венере*, и горлица — одна из тех птиц, которых предписывалось приносить в жертву для очищения после родов. Воробей тоже был посвящен *Венере* и предназначался в качестве очистительной жертвы при проказе, смертельной болезни, от которой не было в ту пору более сильных средств. Египтяне называют также птицей *Венеры* орлицу, ибо, совокупившись до тридцати раз на дню с самцом, она, если самец позовет еще раз, помчится к нему опять. Среди рыб *Венере* принадлежат очень похотливые сардинки, морские попугаи за их распутство, морские дрозды за любовь к своим малышам, краб, бьющийся за свою самку, и молочай прутьевидный за ароматный и душистый запах.

Глава двадцать девятая

О том, что зависит от Меркурия

К *Меркурию* относятся: среди элементов — вода, хотя она и неотчетливо движет все вещи; среди жидкостей организма — особенно те, которые смешаны, а также животный дух; среди вкусов те, что разнообразны, странны и смешаны; среди металлов — живое серебро (ртуть), олово, серебряный марказит; среди камней — изумруд, агат, красный мрамор, топаз и те, которые разноцветны и от природы различных форм, также искусственные — стекло, и те, в которых смешаны желтый и зеленый цвета. Среди растений и деревьев — орешник, трава пятилистника, трава Меркурия, дымянка, очный цвет (пимпернель), майоран, петрушка и те, у которых более короткие и более мелкие листья; они от природы составные и разноцветные.

Из животных те, которые имеют такие качества, как острое чутье, изобретательность, сила, непостоянство, быстрота, и которые легко общаются с людьми, как собаки, обезьяны, лисы, ласки, олень, мул; животные-гермафродиты и те, которые меняют свой пол, — заяц, виверра и им подобные. Среди птиц те, которые имеют естественную живость, музыкальны, непостоянны: коноплянка, соловей, черный дрозд, дрозд, жаворонок, куличок, степной жаворонок, попугай, сорока, ибис, султанка, черный жук с одним рогом. Среди рыб полип, который живет сам с собой, а также осьминог за лживость и изменчивость, а также морской кот (скат) за свое усердие и кефаль, сбрасывающая хвостом наживку с крючка.

Глава тридцатая

О том, как все в подлунном мире распределено между планетами

Все, что находится в мире, соотнесено с управляющими планетами и согласно им получает свои свойства. Так, в огне живительный свет находится под управлением *Солнца*, жар — *Марса*; все разнообразие поверхности земли — под управлением *Луны* и *Меркурия*; а звездное небо всей своей множественностью — *Сатурна*. Но среди элементов воздух подчинен *Юпитеру*, вода — *Луне*, и оба, будучи смешаны, — *Меркурию* и *Венере*. Таким же образом естественные причины следуют *Солнцу*, материя — *Луне*, производительность действующих причин — *Юпитеру*,

а материи — *Венере*, стремительность действий яростных — *Марсу*, ловких — *Меркурию*, из-за его многочисленных способностей. Но постоянное возобновление всех вещей приписывается *Сатурну*. Также среди растений все, что приносит плоды, относится к *Юпитеру*, а все, что приносит цветы, — к *Венере*; всякое семя и кора исходят от *Меркурия*, всякий корень происходит от *Сатурна*, древесина — от *Марса*, а листья — от *Луны*. Соответственно, все, что приносит плоды и не цветет, принадлежит *Сатурну* и *Юпитеру*; растения же, цветущие и производящие семена, а не плоды, принадлежат *Венере* и *Меркурию*; все, что произрастает само собой, без семян, происходит от *Луны* и *Сатурна*. Любая красота — от *Венеры*, сила — от *Марса*; и каждая планета располагает и управляет тем, что ей подобно. Так, в камнях тяжесть, липкость и скользкость от *Сатурна*, их использующего, а темперамент — от *Юпитера*; твердость — от *Марса*; жизнь — от *Солнца*; красота и привлекательность — от *Венеры*; тайные свойства — от *Меркурия*, а их вульгарное использование — от *Луны*.

Глава тридцать первая

О том, как распределены между планетами провинции и царства

Кроме всех сфер земли распределены между планетами и знаками Зодиака также царства и провинции. Македония, Фракия, Иллирия, Арриана, Гордиана, большая

часть которых находится в Малой Азии, пребывают под влиянием *Сатурна* с *Козерогом*, а под управлением *Сатурна* с *Водолеем* — сарматские страны, Оксиана[1], Согдиана, Аравия, Фазания[2], Мидия и Эфиопия, они в основном лежат в самой Азии. К *Юпитеру* со *Стрельцом* относятся Тоскана, Кельтская Галлия, Испания и счастливая Аравия; а к *Юпитеру* с *Рыбами* — Ликия, Лидия, Киликия, Памфилия, Пафлагония, Насамония[2] и Ливия. *Марс* и *Овен* управляют Британией, Францией, Германией, Бастарнией[3], большей частью Сирии, Идумеей и Иудеей; а *Марс* со *Скорпионом* — Сирией, Комагеной, Каппадокией, Матагонитидой, Мавританией и Гепулией. *Солнце* со *Львом* — Италией, Апулией, Сицилией, Финикией, халдеями и орхенийцами[4]. *Венера* с *Тельцом* — Кикладами, приморскими странами Малой Азии, Кипром, Парфией, Мидией и Персией; а *Венера* с *Весами* — народами острова Бактрия, Каспия, Серики[5], Фиваиды, Оазиса[6] и троглодитами. *Меркурий* с *Близнецами* управляет Гирканией[7], Арменией, Мантианой, Киренаикой, Марматикой и нижним Египтом; а *Меркурий* с *Девой* — Грецией, Ахайей, Кретой, Вавилонией, Месопотамией, Ассирией и Еламом, от которого люди, там проживающие, называются в Писании еламитами. *Луна* и *Рак* — Вифинией, Фригией, Колхидой, Нумидией, Африкой, Картахеной и всем Кархедоном[1]. Все это изложено согласно мнению Птолемея, к которому, по писаниям других астрологов, многое можно было бы добавить. Но те, кто знает, как сочетать подобное разделение стран и звезд, согласно с министрами правящих Интеллигенций, с благословением племен Израиля, с решениями мужей апостольских и с символами Священного Писания, будут способны получить великие и пророческие оракулы относительно будущего любой местности.

[1] Область, лежащая между реками Амударья и Сырдарья.

[2] Фазания (Феццан) и Насамония — древние области нынешней Ливии.

[3] Область, занимавшая территорию Подолии, Галиции и Украины.

[4] Народность, проживавшая в устье Евфрата.

[5] Римлянам китайцы были известны как «серы», а Китай — как Серика, страна шелка.

[6] Вероятно, Оазиса Мерва.

[7] Область между Мизией, Парфией и Каспийским морем.

Глава тридцать вторая

О вещах, подчиненных знакам Зодиака и созвездиям, и об их образах

Считается также, что во всем имеется соответствие фигурам созвездий. Так, утверждают, что земной баран управляется небесным *Овном*, а буйвол и бык — *Тельцом*. Также *Рак* управляет крабами, а *Лев* — львами. *Дева* — девами, а *Скорпион* — скорпионами, *Козерог* — козлами, а *Стрелец* — лошадьми и *Рыбы* — рыбами. Как и небесная *Медведица* — медведями, *Гидра* — змеями, *Псы* — собаками и так далее. Наконец, Апулей приписывает знакам Зодиака и некоторым планетам основные

[1] Греческое название Карфагена.

и особые травы, которые им свойственны, например, *Овну* — кровохлебка, *Тельцу* — вербена растущая прямо, *Близнецам* — вербена вьющаяся, *Раку* — окопник, *Льву* — дикий цикламен, *Деве* — сладкий камыш, *Весам* — чернобыльник, *Скорпиону* — скорпионница, *Стрельцу* — очный цвет, *Козерогу* — конский щавель, *Водолею* — эстрагон и *Рыбам* — жабрица. Также планетам соответствуют: *Сатурну* — артемизия, *Юпитеру* — репейник, *Марсу* — фенхель, *Солнцу* — ноготки, *Венере* — чистец, *Меркурию* — коровяк, *Луне* — пион. Но Гермес, которому следует Альберт, приписывает *Сатурну* нарцисс желтый, *Юпитеру* — белену, *Марсу* — подорожник, *Солнцу* — горец птичий (спорыш), *Венере* — вербену, *Меркурию* — лапчатку, *Луне* — марь. По опыту же нам известно, что спаржа управляется *Овном*, а садовый базилик — *Скорпионом*, ибо после посева оскребков с рогов барана восходит спаржа; а базилик, растертый между двумя камнями, порождает скорпионов. Кроме того, следуя доктрине Гермеса, я упомяну несколько самых значительных звезд, из которых первая, *Алголь*, называется главой[1]; она руководит среди камней — алмазом, а среди растений — черной чемерицей и чернобыльником. Далее — *Плеяды*, или семь звезд[2], которые руко-

[1] В каталоге Бируни она именуется *Самая яркая в голове Горгоны*, а у ат-Туси — *Голова Горгоны*. Словом ал-гул — «чудовище» — арабы перевели греческое Горүф — Горгона. Алголь — β *Персея* — также называют *Звездой дьявола, Головой ведьмы*.

[2] *Плеяды* — хорошо заметная, благодаря скученности, группа звезд в созвездии Тельца; всего 280 звезд, но для древних наблюдателей, не имевших телескопа, их было только семь.

водят среди камней — горным хрусталем и камнем diodoco, среди растений — [diacedon], ладаном и фенхелем; а среди металлов — ртутью. Третья, *Альдебаран*, имеет в подчинении среди камней карбункул и рубин, а из растений — чертополох и лесной покров. Четвертая звезда называется *Коза*[1], она управляет среди камней сапфиром, а среди растений — шандрой (или белокудренником черным), мятой, мастиковым деревом и мандрагорой. Пятая звезда — *Пес (Сириус)* — управляет среди камней бериллами, а среди растений — казачьим можжевельником, чернобыльником и эстрагоном, а у животных — языком змеи. Шестая называется *Малый Пес*, он управляет среди камней агатом, а среди растений — ноготками и мятой болотной. Седьмая — *Львово сердце (Регул)* — среди камней управляет гранатом, а среди растений — чистотелом, чернобыльником и мастиковым деревом. Восьмая — *Хвост Большой Медведицы*, которая среди камней управляет магнитом, а среди растений — цикорием, цветы и листья которого поворачиваются к северу, а также чернобыльником и цветками барвинка; а у животных — зубом волка. Девятая называется *Крылом ворона*, она управляет среди камней такими, как цветной и черный оникс; среди растений — репейником, беленой и окопником, а у животных — языком лягушки. Десятая звезда называется *Спика*, она управляет среди камней изумрудом, среди растений шалфеем, клевером, барвинком, чернобыльником и мандрагорой. Одиннадца-

[1] Коза по-арабски — *Альхайот*, латинское название *Капелла Возничего*.

тая называется *Альхамех (Арктур)*, она руководит среди камней яшмой, среди растений — подорожником. Двенадцатая — *Альферац* — управляет среди камней топазом, а среди трав — розмарином, клевером и плющом. Тринадцатая называется *Сердцем скорпиона (Антарес)*, она управляет среди камней сардониксом и аметистом, а среди растений — аристолохией[1] и шафраном. Четырнадцатая — *Падающий орел (Вега)*, который среди камней управляет хризолитом, а среди растений — цикорием и дымянкой. Пятнадцатая — *Хвост козерога*, владеющая среди камней халцедоном, а среди растений — майораном, чернобыльником, котовиком (кошачья мята) и корнем мандрагоры.

Кроме того, следует знать, что камни, растения, животные или иные вещи управляются не одной только звездой, но получают влияния от многих из них, и не по отдельности, но в конъюнкции. Так, из камней халцедон является объектом *Сатурна* и *Меркурия*, действующих вместе с *Хвостом скорпиона* и *Козерогом*; сапфир — *Юпитера* и *Сатурна* со звездой *Альхайот (Капелла)*; tuthia — *Юпитера, Солнца* и *Луны*; изумруд — *Юпитера, Венеры* и *Меркурия* со звездой *Спика*; аметист, следуя мнению Гермеса, есть объект *Марса, Юпитера* и звезды *Сердце скорпиона*; яшма многих видов — *Марса, Юпитера* и звезды *Альхамех*; хризолит — *Солнца, Венеры, Меркурия* и звезды, называемой *Падающий гриф*; топаз — *Солнца* и звезды [Elpheiae][1]; алмаз — *Марса* и главы звезды *Алголь*. Также среди растений трава эстрагон подчинена *Сатурну* и небесному *Дракону*; мастиковое дерево и мята — *Юпитеру* и *Солнцу*, но мастиковое дерево также связано с *Сердцем льва*, а мята — со звездой *Козел*. Также, чемерица посвящена *Марсу* и главной звезде *Алголь*. Мускус и сандал — *Солнцу* и *Венере*; кориандр — *Венере* и *Сатурну*. Среди животных тюлень подчинен *Солнцу* и *Юпитеру*; лисы и обезьяны — *Сатурну* и *Меркурию*, а домашние собаки — *Меркурию* и *Луне*. Итак, мы показали многие вещи в отношении их подчинения низших высшим.

Глава тридцать третья

О знаках и начертаниях естественных вещей

Каждая звезда имеет свою особенную природу, свойства и положение, отпечатки и начертания, которые она передает посредством лучей в тела подчиненные — в элементы, в камни, в растения, в животных и в их части. Вот почему каждая вещь получает, благодаря гармоничному расположению, от своей светящейся звезды некую особую печать или определенную черту, отмеченную звездой или гармонией, сообщающей ей это особое свойство, отличное

[1] Кирказон. «Аристолохия (названная так по имени человека, который первый открыл его действие, доверившись сновидению) может помочь при укусе змеи» (О дивинации. Кн. 1, X; *Цицерон*. Философские трактаты. М.: Наука, 1985. С. 197).

[1] Elpheia идентифицирована по Марсилио Фичино как *Альфекка* — альфа Северной Короны.

от иных, присущих той же материи, равно по родовому, видовому и нумерическому признаку. Каждая вещь, таким образом, имеет особую черту, привитую ей ее собственной звездой посредством частного действия, особенно если звезда непосредственно управляет вещью. И эти черты содержат и удерживают в ней особенную природу, свойства и корни ее звезды. Также производятся подобные действия и в других вещах, в которых они отражены и замешаны, и подчинены влияниям своих звезд, или планет, или созвездий и их фигур и небесных знаков. И это происходит всякий раз, когда звезды приступают к подходящей материи и в их должное, только им свойственное время.

Именно поэтому древние мудрецы, приложившие немало усилий для изыскания тайных свойств вещей, изображали в писаниях образы звезд, фигуры созвездий, печати, отметки, черты, которые сама природа запечатлела лучами звезд в низших телах, какие-то в камнях, какие-то в растениях, в сочленениях, в узлах сучков, какие-то в различных частях животных. Так, лавр благородный, дерево Лота и ноготки — солнечные растения, и они в своих корнях и узлах, когда их срезают, демонстрируют черты *Солнца*. То же самое в кости и в лопатках животных; ведь там есть нечто подобное лопатке прорицания. Нередко находят черты и образы небесных вещей в камнях и изделиях из камня. Однако увидеть все то, что есть в огромном разнообразии вещей, посредством традиционного знания невозможно; человеческое понимание весьма ограничено.

Поэтому, оставив то, что может быть обнаружено в растениях, камнях и других вещах, а также в частях различных животных, следует придерживаться лишь нашей человеческой природы, которая представляет собой полный образ целого универсума, содержащий в себе всю небесную гармонию, способный, вне всяких сомнений, в изобилии предоставить нам все печати и черты всех звезд и небесных влияний, и тем более эффективно, чем менее он отличается от небесной природы.

Но поскольку число звезд известно только Богу, то так же обстоит дело и относительно их знаков и их действий на вещи, находящиеся здесь внизу; вот почему никакой человеческий ум не может за ними угнаться и познать их. Поэтому пока нам известно очень мало вещей, открытых древними философами и хиромантами частично размышлением, частично из опыта; и еще очень многое сокрыто от нас в сокровищнице природы. Отметим только некоторые печати и черты планет, которые древние хироманты нашли на руках людей. Юлиан назвал их священными, или божественными, письменами, ибо, согласно тексту Святого Писания, жизнь людей написана на их руках. И это справедливо всегда, для всех наций, где бы они ни жили и на каких языках ни говорили; а от себя добавим — и впоследствии все более открываются как древними, так и современными хиромантами. И о них можно узнать, обратившись к их сочинениям. Здесь же достаточно показать, откуда буквы натуры ведут свое происхождение, а в каких вещах они есть — рассмотрим далее.

Фигуры божественных письмен:

Письмена или черты Сатурна:

Письмена или черты Юпитера:

Письмена или черты Марса:

Письмена или черты Солнца:

Письмена или черты Венеры:

Письмена или черты Меркурия:

Письмена или черты Луны:

Глава тридцать четвертая

О том, как можно посредством естественных вещей и их свойств привлечь свойства и влияния небесных тел

Итак, если кто-либо желает получить свойство какой-либо части мира или какой-либо звезды, он может это сделать, пользуясь вещами, которые имеют к ней отношение и получают ее влияние, как дерево подходит для получения огня по причине серы, смолы и масла. Однако, когда имеешь дело с чем-то единичным, следует прилагать множество вещей — субъектов распределенного среди них всех соответствия той же самой *Идее* и той же самой звезде, потому что в эту материю, при благоприятном соединении, вливается *Идеей* при помощи Мировой Души единичный дар. Я говорю «при благоприятном соединении», ибо речь идет об уподоблении одной гармонии другой, сообщенной материи особым свойством. Ибо хотя вещи и имеют некие свойства, о которых мы говорили выше, эти свойства еще столь скрыты, что редко при помощи их достигают какого-либо эффекта. Но если раздавить горчичное зернышко, то острота, доселе в нем сокрытая, пробудится; и жар огня заставляет проявиться то, что было написано молоком или луковым соком и до того заметным не было; и буквы, написанные на камне жиром козы, становятся отчетливо видны, если камень поместить в уксус. И как удар тростью бесит собаку, которая перед этим спала, так и небесная гармония раскрывает скрытые

в воде свойства, взбалтывает их, усиливает и делает явными, или, иными словами, переводит их в действие, которое перед этим было только в возможности, если все происходит своевременно. Например, если ты пожелаешь привлечь свойство *Солнца* и искать подвластные ему вещи, то среди овощей, растений, металлов, камней и животных следует использовать главным образом те, которые наиболее близки к *Солнцу*. Ибо это гораздо доступнее. Так ты вытянешь единичный дар из *Солнца*, который будет получен в надлежащее время одновременно через его лучи и при посредстве Мирового Духа.

Глава тридцать пятая

О пользе смешений естественных вещей

Ясно, что все силы высших тел не заключены в какой-либо одной вещи низшей природы, но распределены во всем их множестве. Так, из числа находящихся здесь солнечных вещей никакая не содержит всех свойств *Солнца*, но некоторые обладают какими-то одними свойствами, а другие — иными; вот почему порой необходимо делать смеси в операциях, поскольку, если сотни или тысячи свойств *Солнца* рассеяны в огромном количестве растений, животных и тому подобном, мы можем, собрав их вместе, увидеть все эти качества объединенными и содержащимися в одной форме. Итак, есть двойное свойство в смешении, а именно: одно, которое помещено туда первым и является небесным, и другое, полученное в результате определенного искусственного смешения вещей друг с другом, причем смешения, произведенного согласно определенным пропорциям и в полном согласии с небом, под определенным соединением звезд. И свойство это нисходит благодаря определенному сходству и устремленности вещей низших к высшим, и тем самым как бы создает следующую соответствующую ступень к тому, что было до того, как претерпевающий был надлежащим образом приложен к своему деятелю.

Так, из определенного смешения трав, испарений и тому подобного, сделанного согласно с естественной философией и астрономией, складывается определенная общая форма, включающая в себя множество даров звезд, подобно пчелиному меду, который составляется из нектара бесчисленных цветов и который сводится к одной форме, включающей все их свойства посредством божественного и удивительного искусства пчел. Не менее замечательно и то, что говорил Евдокс Книдский[1] об искусственном меде, а именно то, что некое племя гигантов в Ливии умеет делать его из цветов так, что он почти не отличается от пчелиного. Ибо каждая смесь, составленная из множества различных вещей, оказывается наиболее совершенной в том случае, если настолько крепко сбита во всех своих частях, что становится единым, хорошо сплоченным телом, которое очень трудно рассеять. Так мы порой видим различные камни и прочие тела, слитые и объединенные опре-

[1] Евдокс Книдский (около 408 до н. э. — около 355 до н. э.) — древнегреческий математик и астроном, родился в Книде, на юго-западе Малой Азии.

деленной естественной силой настолько, что они представляются одной цельной вещью; как и два дерева посредством присоединения черенка становятся одним. Вот и устрицы — живое существо — посредством определенного тайного свойства природы объединяются с субстанцией камня и обращаются в некий камень, так что кажутся одним и вполне однородным телом. Или же эбеновое дерево, которое в одно время дерево, а в другое — камень. И если кто-либо сделает смесь из многих вещей под небесными влияниями, то разнообразие небесных действий, с одной стороны, и естественных сил, с другой, способно в самом деле произвести чудо, посредством мази, глазных капель, курений и тому подобного, что видно из книг Хирама, Архита, Демокрита и Гермеса, названного Алхорат, и многих других.

Глава тридцать шестая

О придании единства, благородной формы и чувства жизни вещам смешанным

Кроме этого следует знать: чем более благородна форма какой-либо вещи, тем более эта вещь расположена к принятию свойств и тем больше имеет она силы действовать. Свойства вещей становятся чудесными в том случае, если они помещены в смешанную и подготовленную в соответствующее время материю, посредством передачи жизни от звезд оживленную и наделенную чувствующей душой как наиболее благородной из всех форм. Ибо в получившей жизнь материи видна такая великая мощь, что она преодолевает совершенным смешением качеств то, что до этого казалось противоречием. И чем более преодолено составом полученных вещей противоречие, тем более совершенна их жизнь. Итак, небо — главная причина — в момент зарождения всякой вещи помещает в нее благодаря смешению и совершенному усвоению материей вместе с жизнью небесных влияний и чудесных даров, которые способно вместить пространство этой жизни, чувствующую душу, позволяющую обрести наиболее благородные и возвышенные свойства. Иначе небесные свойства спят, как удаленная от пламени сера. В оживленных же телах они всегда горят, как зажженная сера, и тогда их испарениями наполняется все вокруг. Таким образом творятся чудесные дела, как это описано в книге «Немифа», называемой «Книга законов Плутона», поскольку всевозможные чудовищные порождения творятся не по законам природы. Ибо известно, что от червей рождаются комары, от лошадей — осы, от телят и быков — пчелы[1]; а если взять ноги крабов и посеять их в землю — скорпионы; если утку растереть в порошок и поместить его в воду, родятся лягушки, но, если он будет запечен в сороке, которую потом порежут на куски, и куски эти поместят во влажное место под землей, родятся жабы; трава базилик, растертая между двух камней, порождает скорпионов; и из волос женщины, у которой менструации, положенных в навоз, происходят змеи; конский волос с хвоста лошади, брошенный в воду, оживает и превращается в опасного

[1] О зарождении пчел из туш быков подробно рассказывается в четвертой книге «Георгик» Вергилия. Все это также имеет отношение к теории самозарождения, о которой мы говорили выше.

червя. И есть искусство, с помощью которого курица, высиживая яйцо, может породить некое подобие человека, которого я видел и знаю, как сделать; маги утверждают, что он имеет замечательные свойства, и называют его истинной мандрагорой. Однако следует знать, как и что могут вещи, зачатые природой, или завершенные искусством, или составленные из множества различных вещей, получить от материи, а что они способны воспринять из небесных влияний. Ибо естественные вещи устроены соответствующим для получения небесного влияния образом; и если ничто не препятствует небесным телам посылать свои лучи к низшим, материя не испытывает недостатка в их свойствах. Соответственно, чем более совершенной и чистой является материя, тем более она подходит для получения небесных влияний. Ибо материя, неразрывно связанная с Душой Мира, ежедневно вливающейся во все естественные вещи и все вещи, приготовленные в соответствии с природой, не может оказаться невосприимчивой к жизни или к обретению наиболее благородной формы.

Глава тридцать седьмая

О том, как посредством определенных естественных и искусственных приготовлений можно привлечь определенные небесные и живительные свойства

Платоники вместе с Гермесом говорят, а Жак Брахман и еврейские мудрецы подтверждают, что все подлунные вещи — это субъекты порождения и разложения. Так же

обстоит дело и в небесном мире, однако своим образом, и в интеллектуальном мире, но намного более совершенно, хотя самое совершенное сосредоточено в образце. Вследствие этого, каждая низшая вещь по-своему отвечает высшей и через это получает с неба ту силу, которую называют квинтэссенцией, или Мировым Духом, или посредствующей природой, а из мира интеллектуального — духовное и живительное свойство, превосходящее любые другие качества, и, наконец, из образца или первоначального мира, посредством его созерцания, получает согласно их степени изначальную силу полного совершенства. Поэтому каждая вещь может быть доведена от низших до звездных, от звездных — до их Интеллигенций, а оттуда — к самой первой причине. Именно из этих рядов и порядка и вытекает полная магия и вся тайная философия. Ибо ежедневно какая-нибудь естественная вещь производится с помощью искусства и какая-либо божественная вещь производится природой, которую египтяне называли Природой Магов, видя саму по себе магическую силу в привлечении подобного к подобному и соответствующего к соответствующему.

Такое влечение вещей друг к другу, низших и высших, путем взаимного соответствия, греки называли *симпатией*. Земля согласуется с холодной водой, вода — с влажным воздухом, воздух — с огнем; огонь — с небом в воде, огонь не смешивается с водой, только воздух, но воздух не смешивается с землей, только посредством воды. Также душа объединяется с телом только посредством духа, а понимание — с духом только посредством души. Именно

7 № 2685

это мы видим, когда природа, оформляя тело младенца, благодаря этому приготовлению привносит дух из универсума. Этот дух есть инструмент для понимания Бога, а разум скрыт в душе, и тело как в дереве сухость для впитывания масла: поглощенное масло является пищей огню, огонь же — разносчик света. Благодаря этим примерам мы видим, как посредством некоторых естественных и искусственных приготовлений мы можем обрести определенные небесные дары свыше. Ибо камни и металлы соотносятся с травами, травы с животными, а животные с небесами; небеса с Интеллигенциями, а те с божественными свойствами и атрибутами Бога и с самим Богом, по чьему образу и подобию сотворены все вещи. Итак, первым образом Бога является мир, образом мира — человек, образом человека — животное, образом животного — зоофит, т. е. полурастение-полуживотное; его образом является растение, образом растения — металлы, металлов — камни. Среди одушевленных вещей растение сходно с животным способностью к росту, животное с человеком — чувствами, люди с Ангелами — пониманием, Ангелы с Богом — бессмертием. Божественность прилагается к разуму, разум — к интеллекту; интеллект — к намерению, намерение — к представлению, представление — к чувствам, и, наконец, чувства — к вещам. Ибо это непрерывное протекание всех высших свойств, распространяемых повсюду лучами, через все низшие вещи, вплоть до самой последней, служит связью и непрерывностью природы, благодаря чему низшие вещи через свои высшие восходят к тому, что превыше всего, к самому Верховному. Таким образом,

низшие вещи успешно соединяются с высшими, отчего получают влияния, которые исходят от их главы, от первой причины, как по некой струне, натянутой вплоть до нижайших вещей мира. При их касании одним своим концом эта струна тотчас вздрагивает и тем самым передает отзвук другому концу, и это исходящее от низшей вещи движение затрагивает также и высшую, за нее отвечающую, подобно струнам в хорошо настроенной лютне.

Глава тридцать восьмая

О том, каким образом мы можем получать сверху не только небесные и живительные, но также интеллектуальные и божественные дары

Маги учат, что благодаря согласованности низших и высших тел и посредством соответствующих небесных влияний мы можем обрести небесные дары, а через них привлечь небесных духов, являющихся слугами звезд. Ямвлих, Прокл, Синезий и все платоники утверждают, что при помощи неких определенных материй, имеющих естественную силу божественного, могут быть получены свыше не только небесные и живительные, но также определенные интеллектуальные, ангелические и божественные дары; здесь имеются в виду материи, имеющие естественное соответствие вещам высшим, надлежащим образом обретенные и своевременно собранные в полном согласии с правилами естественной философии и астрономии. И Гермес Трисмегист уверяет, что идол тотчас будет

оживлен небесным духом, если он будет создан надлежащим образом из тех предметов, которые этому духу соответствуют. Об этом же и Августин упоминает в своей восьмой книге «О граде Божием»[1]. В том и заключается гармония мира, что вещи сверхнебесные привлекаются через небесные, сверхъестественные — через естественные, поскольку все вещи пронизывает некое действенное свойство, производящее явные вещи посредством тайных причин.

Так, маги используют вещи явные для того, чтобы произвести вещи тайные; а именно — используя лучи звезд, свет, звук и согласующиеся с небесными естественные вещи, в которых помимо телесных качеств есть некий род рассудка, чувств, и гармонии, и нетелесного, и божественной меры, и порядка. Например, мы можем прочесть, что древние часто обретали некие божественные и удивительные вещи с помощью вещей естественных; камень, взятый из глазного яблока виверры и положенный человеку под язык, позволяет ему пророчествовать. То же самое делает селенит, или лунный камень. Также говорят, что посредством камня [anchitide] можно призвать образ Бога и что посредством камня [synochitide] могут быть призваны и удержаны духи умерших. Нечто подобное делает трава аглаофотис, которая называется также мраморной, потому что в Аравии, как говорит Плиний, она растет из мрамора, и маги ей пользуются. Также есть трава, называемая [theangelidam], выпив которую маги могут пророчество-

[1] Агриппа, также как и Марсилио Фичино, умалчивает о том, что Августин пишет об этом с суровым осуждением.

вать. Кроме того, есть некие травы, которые воскрешают мертвых; вот почему историк Ксанф сообщает, что посредством особой травы, называемой bali, был воскрешен убитый детеныш дракона. И Юба[1] сообщает, что в Аравии с помощью некой травы возвратили жизнь одному человеку.

Но происходит ли действительно такое с человеком благодаря свойствам трав или какой-либо другой естественной вещи, мы рассмотрим в следующей главе. Теперь же определенно скажем, что подобное случается с животными. Например, если мы поместим утонувших мух в теплый пепел, они оживут, а утонувшие пчелы возвращаются к жизни в соке котовика. Если угрей, умерших из-за отсутствия воды, поместить в грязевую ванну с уксусом, налив туда кровь грифа, они через несколько дней возвращаются к жизни. Говорят также, что если рыбку-прилипалу разрезать на куски и куски эти бросить в море, то они очень быстро воссоединятся и оживут. Также известно, что пеликан воскрешает своих убитых птенцов собственной кровью.

[1] Юба (Юба II Мавританский; около 52 г. до н. э. — 23 г. н. э.) — греческий историк и географ. Сын Юбы I, царя Нумидии. Был автором многих не сохранившихся работ по географии, в которых собрал все сведения своего времени о природе и истории Ливии, Египта, Западной Африки и Аравии. Его труды использовали Плутарх и Плиний Старший.

Глава тридцать девятая

О том, как можно посредством определенных материй мира привлечь богов мира и управляемых ими духов

Всякий знает, что посредством зла и профанного искусства можно вызвать злых духов, и, как говорил Пселл, колдуны делали это, отчего происходили наиболее отвратительные и мерзкие вещи, сопровождавшие почитание в древние времена Приапа и поклонение идолу, называемому Панор, которым приносились в жертву постыдно раскрытые части тела. Но все это не идет ни в какое сравнение с тем, что мы читали об отвратительных ересях старых церковников (если все это правда, а не басни), которые, впав в греховное старческое слабоумие, распоряжались женщинами, объявляя их вредными злыми ведьмами. Благодаря им и им подобным восстают духи зла. Как некий дикий дух сказал однажды Иоанну об одном колдуне Кинопсе: в нем живет, говорил он, вся сила сатаны, и он вошел в тесное сношение со всеми принципалами, и подобным образом мы с ним, и он повинуется нам, а мы, в свою очередь, повинуемся ему. Опять же, с другой стороны, всем известно, что посредством наших добрых деяний, чистым разумом, тайными молитвами, благочестивым смирением и т. п. могут быть привлечены сверхнебесные духи или Ангелы. Не нужно сомневаться в том, что таким образом, посредством определенных материй мира, можно привлечь божества или, по меньшей мере, управляющих духов, либо слуг этих божеств, а по словам Гермеса — воздушных духов.

Так, мы читаем, что древние жрецы делали статуи и изображения, которые предсказывали будущее, и этими образами управляли духи звезд, которые не содержались заключенными в некой определенной материи, но присоединялись к ней, как бы признавая таковой род материи для себя подходящим; и они всегда охотно пребывали в них, и говорили и делали посредством их удивительные вещи, подобно тому, как это делают злые духи, вселяясь в тела людей.

Глава сороковая

О связываниях: какого вида они бывают и как обычно осуществляются

Мы говорили о свойствах и удивительной действенности естественных вещей. Теперь остается рассмотреть то, что мы понимаем как вещь чрезвычайно удивительную, а именно: связывание людей в любви или ненависти, болезни или здоровье и тому подобном. Также связывание воров и грабителей, чтобы они не могли воровать в данном месте; связывание торговцев, чтобы они не могли покупать или продавать в определенном месте; связывание оружия, чтобы оно не могло перейти определенных границ; связывание кораблей, чтобы они не могли выйти из гавани, несмотря на любую силу ветра. Связывание мельницы, чтобы она не могла вращаться; связывание цис-

терны или источника, чтобы из него нельзя было черпать воду. Связывание грунта, чтобы он не мог принести плодов; связывание какого-либо места, чтобы на нем ничего не могло быть построено. Также связывание огня, чтобы, несмотря ни на какую его силу, он не мог ни обжечь, ни воспламенить помещенные в него вещи. Связывание молнии и грома, чтобы они не могли причинить вред. Связывание собак, чтобы они не могли лаять. Также связывание птиц и диких зверей, чтобы они не могли улететь или убежать; и многое другое, которое выглядит маловероятным, пока не подтверждено многочисленными опытами. Наконец, такого рода связывания, каковые совершаются колдунами, глазными каплями, мазями, любовными напитками, посредством вещей, которые привязывают или берут с собой, посредством колец, очаровыванием, при помощи сильного воображения и страстей, образами, начертаниями, ворожбой, проклятиями, посредством света, звука, чисел, слов и имен, призываниями, жертвоприношениями, заклинаниями, вызываниями, посвящениями, мольбами, а также различными суевериями, замечаниями и тому подобным.

Глава сорок первая

О колдунах и их силе

Сообщают, будто сила колдунов велика настолько, что все уверены в их способности разрушать, истреблять и изменять все низшие вещи; как говорит Вергилий:

Трав вот этих набор и на Понте найденные яды
Мерис мне передал сам — их много родится на Понте.
Видела я, и не раз, как в волка от них превращался
Мерис и в лес уходил; нередко души умерших
Он из могил вызывал и сводил урожаи...[1]

Также, вспоминая о спутниках Улисса, он говорит:

Все, кого силою трав погубила злая богиня,
В диких зверей превратив и обличье отняв человека.

И немного далее:

Страстной любовью к нему горя, превратила Цирцея,
Ядом сперва опоив и лозой золотою ударив,
В пеструю птицу его, по стволам стучащую громко[2].

Наконец, у Лукана есть упоминание о фессалийской ведьме, которая вызывала духов:

Все, что природа вокруг на гибель и зло породила,
Вместе мешает она. Собаки здесь бешеной пена,
Рыси лесной требуха, позвоночник гиены свирепой,
Здесь и оленя мозги, змею проглотившего с кормом;
Рыбка, что может корабль, когда Евр надувает ветрила,
Вдруг среди волн задержать, глаза драконов и камни...[3]

Также Апулей говорит относительно старавшейся добиться любви колдуньи Памфилы, которой служанка Фотида

---

[1] *Вергилий Марон Публий.* Буколики. Эклога VIII. Ст. 94–98.
[2] *Вергилий Марон Публий.* Энеида. Кн. VII. Ст. 19–20, 189–191.
[3] *Лукан.* Фарсалия, или Поэма о гражданской войне / Перев. Л. Остроумова. М.: Ладомир; Наука, 1993. Кн. VI. Ст. 670–675.

вместо волос молодого Луция намеренно принесла козлиную шерсть, срезанную с бурдюков, сделанных из шкур этих животных. И Памфила, будучи без ума от молодого человека, забралась под самую черепичную кровлю, откуда открывался вид на восточную сторону, и там совершила обряд, предварительно обставив все вокруг соответствующим образом — железной посудой с выгравированными на них незнакомыми словами, оторванными кусками корабельной кормы, и множеством покойников, и разбросанными различными частями от погребенных останков: здесь носы и пальцы, там подвешены гвозди с остатками мяса, а в других местах кровь тех, что были убиты, и изуродованные зубами диких зверей черепа; затем перед принесением жертвы, заклиная живописно лежащие внутренности, спрыснула их различными ликерами; немного погодя — водой из источника, еще немного погодя — коровьим молоком, через некоторое время — горным медом и луговым медом. Затем она взяла завязанные узлом волосы и положила в огонь, чтобы сжечь с различными запахами. И тотчас по неудержимой власти магии и слепой силе божеств тела тех, у кого были взяты волосы, задымились и загремели, приняв и дух человека, и ощущение, и слух, и походку, и явились, влекомые запахом собственных паленых волос, взамен юноши Луция, скача и прыгая с радостью и любовью[1]. Августин также сообщает, что слышал о некоторых женщинах-колдуньях, которые были настолько сведущи в этом виде искусства, что, давая сыр

[1] Ср. *Апулей*. Золотой осел. Кн. 3.

человеку, они могли тотчас обернуть его в рабочую скотину, а когда вся работа бывала сделана, вернуть ему человеческий облик.

Глава сорок вторая

Об удивительных свойствах некоторых видов колдовства

Теперь я расскажу о некоторых видах колдовства, на примере которых можно будет приступить к детальному рассмотрению этого предмета. И начну с менструальной женской крови. Мы рассмотрим, какую силу она имеет в колдовстве, ибо говорят, что если женщина, у которой менструации, пройдет над молодым вином, оно скисает, а если лишь коснется виноградной лозы, та навсегда испортится, и любое другое растение и дерево также станут бесплодными, а только что посаженные погибнут. Она сжигает всю траву в саду и заставляет осыпаться фрукты с деревьев; блеск зеркал блекнет и исчезает, ножи и бритвы тупеют, тускнеет красота слоновой кости; железо тотчас ржавеет; бронза покрывается налетом и сильно пахнет; собаки становятся бешеными, если пробуют ее, и тех, кого они кусают, нельзя вылечить. Погибает весь пчелиный улей, и пчелы покидают ульи, которых коснулась такая женщина; лен чернеет, когда его варят; кобылы при касании их выкидывают и менструальная кровь мешает им зачать; и ослицы не могут рожать до тех пор, пока не перестанут есть корм, приготовленный женщиной в период месячных.

Пепел от менструальных повязок, помещенный на пурпурные одежды при их стирке, меняет их цвет, а цветы лишает красок. Говорят, что она лечит трехдневную и четырехдневную лихорадку, будучи нанесенной на шерсть черного барана и подвязанной на серебряный браслет, а также если ей намазать подошвы стоп больного, особенно если это сделает сама женщина, а больной не будет знать об этом. Кроме того, она помогает при начале болезни. Но лучше всего она лечит от водобоязни[1], или укушенных бешеной собакой, если только менструальная повязка будет помещена под чашу с питьем.

Говорят также, что если женщина во время менструаций прогуляется голой вокруг зернохранилища, погибнут все плодожорки, черви, жуки, мухи и все прочее, что может повредить зерну, но женщина должна это сделать непременно до восхода солнца, иначе засохнет зерно. Еще утверждают, что она способна останавливать град, гром и молнии, о многом из этого упоминал Плиний[2].

---

[1] Иное название бешенства.

[2] Ср.: «Трудно найти что-либо, обладающее более пагубным воздействием, чем менструальная кровь женщины. Если женщина во время менструации имеет дело с молодым вином, то вино закисает. От женских прикосновений в этот период растения в поле перестают плодоносить, привитые и обрезанные растения увядают, семена в саду засыхают, и фрукты осыпаются с того дерева, под которым сидела менструирующая женщина. Если она смотрится в зеркало, то оно тускнеет, а лезвие стального ножа становится тупым. Слоновая кость теряет свой блеск, даже бронза и железо ржавеют и начинают издавать неприятный запах. Собаки, полакав менструальной крови, впадают в бешеиство, а их укус становится таким ядовитым, что нет от него лечения» (*Плиний Старший*. Естественная история. Кн. 7, 13 и далее).

Уместно знать, что менструальная кровь очень ядовита, особенно если появляется на ущербе Луны, и куда более опасна — на переходе от ущерба к новолунию. Но если она появляется при затмении Луны или Солнца, то ядовита чрезвычайно. Наибольшую же силу менструальная кровь имеет, когда появляется в первый год, даже и у девственницы, но если ей только коснуться порога дома, она может отвести любой вред.

Кроме того, говорят, что нити платья, которое ею натерто, не горят и что, если его бросить в огонь, он перестанет распространяться. И если давать корень пиона с касторовым маслом, помазанный менструальной повязкой, можно предупредить начало заболевания. А если сжечь или поджарить желудок оленя, примешав туда нечто от тряпок, пропахших менструальной кровью, и затем смазать этим арбалеты, они оказываются бесполезными для охоты.

Волосы женщины, у которой месячные, будучи положены в навоз, производят змей, а если их сжечь, то появляющийся запах, наоборот, змей прогонит. Ядовитая сила менструальной крови столь велика, что отравляет даже мерзких тварей. Есть также гиппоман[1], который у колдунов считается далеко не последним средством. Это небольшой ядовитый кусочек мяса величиной с фигу, черного цвета, прилипший на лбу только что родившегося жеребенка, если кобыла тотчас съест его, она никогда уже не будет любить своего малыша или покинет его больным.

---

[1] От греч. ἱππομάνης — беснующийся от коней.

Но в нем есть совершенно удивительное свойство, призывающее любовь: если его растереть в порошок и выпить из чаши вместе с кровью того, кого любишь. Существует и другое колдовство, также называемое гиппоманом; это ядовитая жидкость, взятая из выделений кобылы в то время, когда она хочет жеребца, о чем упоминает Вергилий:

Тут то тягучий течет, называемый меж пастухами
Верным названьем его, «гиппоман», из кобыльей утробы, —
Мачехи злые тот сок испокон веков собирали,
Всяческих трав добавляя к нему и слов не безвредных[1].

О том же говорит и Ювенал в «Сатирах»:

Гиппоман — это яд, который варят и заговаривают
И дают сынам любви, вызывая страдание...[2]

---

[1] *Вергилий Марон Публий.* Георгики // Вергилий Марон Публий. Указ. соч. Кн. 3. Ст. 280–283.

[2] В русском переводе нет таких строк. У Ювенала в «Сатирах» есть следующее:

Стоит ли мне говорить о зельях, заклятьях и ядах,
Пасынкам в вареве данных? В припадке страсти и хуже
Делают женщины: похоти грех — у них наименьший...

(*Ювенал Децим Юний.* Сатиры / Перев. Д. С. Недовича, Ф. А. Петровского. М.: Academia, 1937. Сатира VI. Ст. 128–131.)

И далее:

Кто принесет заклинанья, а кто фессалийского яду
Женке продаст, чтоб супруга она, совсем одурманив,
Смело пинала ногой. Потому-то и стал ты безумен,
Вот почему и туман в голове, и забыл ты о деле
Сразу. Но это еще переносно, пока не впадешь ты

Также Аполлоний в своей «Аргонавтике» упоминает траву Прометея, которая, по его словам, выросла из капель разложившейся пролитой на землю крови в то время, когда орел клевал печень Прометея в горах Кавказа. Цветы этой травы, говорит он, подобны цветам шафрана, имеют выступающий двойной стебель, один длиннее другого, а корень глубиной в локоть; едва его разрежешь, выступает черный сок, как будто это бук; если этим соком, говорит он, совершив прежде молитву Прозерпине, намазать тело, оно станет неуязвимым для меча и огня. И Саксон Грамматик пишет, что некий Фротон имел платье, которого никто не мог повредить ни острием пики и никаким иным оружием.

Виверра тоже имеет в изобилии яды. Как сообщает Плиний, если натереть ее кровью порог дома около входной двери, обман и колдовство становятся бессильными; никакие божества не могут быть призваны, и никто не сможет получить от них увещевания. Те, кто натрется пеплом кости лодыжки ее левой ноги, вываренной с кровью ласки, станет всем ненавистным. Того же эффекта достигают с отваром из ее глаз.

Говорят также, что прямая кишка помогает при несправедливостях и злоупотреблениях сильных мира сего, делая

В бешенство, вроде того опоенного дяди Нерона,
Мужа Цезонии, что налила ему мозг жеребенка...
Зелье такое взывает к огню и железу и мучит,
Зелье терзает сенаторов кровь и всадников жилы:
Вот чего стоит отродье кобылы да женщина-ведьма!

(Там же. Ст. 610–626.)

успешными жалобы и способствуя завершению прошений и споров. И если у кого-нибудь была когда-либо хотя бы ничтожная малость от виверры, то, подвязав это к левой руке, он обретет настоящее волшебное средство; стоит только женщине взглянуть на него, как она тотчас последует за ним. Кожа со лба виверры делает бессильным любое колдовство.

Еще говорят, что кровь василиска, которую также называют кровью *Сатурна*, имеет такую большую силу в колдовстве, что позволяет тем, кто ее использует, добиваться успеха в жалобах у сильных мира сего, а также в молениях Богу, а еще помогает в болезнях и дарует некие привилегии.

Известно, что клещ, которого извлекли из левого уха собаки, и он при этом черный, имеет великое свойство в прогнозировании жизни; ибо, если больной ответит тому, кто пришел с этим клещом и встал у его ног, на вопрос о своей болезни, у него есть надежда выжить, а если не ответит — умрет. Еще говорят, что камень, укушенный бешеной собакой, имеет силу возбуждать разногласия, если положить его в питье, а на того, кто положит язык собаки под большой палец в свой ботинок, псы не будут лаять, особенно если положить туда еще травку того же названия — песий язык. Перепонка же собачьего уха делает то же самое; убегают собаки и от тех, кто носит с собой добытое у них сердце. Плиний рассказывает, что некая красная жаба, живущая в шиповнике и ежевике, полна колдовских чар и совершает удивительные вещи: маленькая косточка с ее левой стороны, будучи брошенной в холодную воду, заставляет ее тотчас же закипеть; она сдерживает ярость собак и помогает обрести их любовь, когда помещена им в питье; а если ее привязать к кому-нибудь, она возбуждает похоть. Напротив, косточка, взятая с правой стороны, делает кипящую воду холодной и более неспособной нагреться до тех пор, пока эту косточку оттуда не вынут. Говорят также, что она лечит четырехдневную лихорадку, если ее привязать к больному в коже змеи; помогает она и от любого другого жара, в том числе от любви и от похоти. А селезенка и печень — от ядов этих же самых жаб. Плиний много пишет о таких свойствах.

Известно, что меч, которым убили человека, имеет в колдовстве удивительную силу. Ибо если из него сделать трензель уздечки или шпоры, то нет такой дикой лошади, которую нельзя было бы с их помощью укротить и сделать послушной, и, если бы наездник был обут в ботинки с такими шпорами, конь стал бы самым быстрым и проворным и, сколь бы долгим и тяжелым ни было путешествие, никогда бы не утомлялся. Впрочем, на них должны быть еще написаны некие имена и нанесены черты. Также говорят, что если кто-либо погрузит в вино меч, которым обезглавливали людей, и затем даст его пить больному, то можно вылечить четырехдневную лихорадку. Ликер, сделанный с мозгом медведя и выпитый из его черепа, наделяет человека свирепостью, он становится как разъяренный медведь и считает себя превратившимся в него и смотрит на все глазами медведя; и это безумие будет продолжаться до тех пор, пока питье не рассосется, но зато во все это время никакая другая болезнь не пристанет к попробовавшему зелье.

Глава сорок третья

Об ароматах, или воскурениях, их видах и силе

Некоторые воскурения или ароматы, подчиненные звездам, поскольку они действительно связаны с воздухом и дыханием, весьма способствуют обретению посредством лучей звезд небесных даров. Ибо наше дыхание значительно меняется от такого рода испарений, особенно если они подобны чему-то иному. Воздух также легко проникает через них или принимает качества вещей низших или тех же небесных, постоянно и быстро проникая в нашу грудь, и животворит, приводя нас чудесным образом к подобным качествам. Вот почему делают воскурения для предсказателя, дабы воздействовать на его воображение, должным образом приспосабливая к какому-либо определенному божеству; это позволяет ему воспринять божественное вдохновение. Говорят, что курение семян льна и псиллиума (подорожник блошиный), корней фиалки и петрушки помогает увидеть будущее. И нечего удивляться тому, что благодаря воскурениям могут возникать великие вещи, особенно если предсказатель, согласно Порфирию, будет вдыхать надлежащие испарения — тогда воздушные духи восстают тотчас, как гром и молния и тому подобное. Так, запах от печени хамелеона, сожженной на крыше дома, и это совершенно очевидно, вызывает дожди и грозы. А его голова и глотка, будучи сожженными с дубовыми дровами, становятся причиной штормов и молний.

Также производимые под соответствующим влиянием звезд воскурения заставляют тотчас появиться в воздухе или каком-либо другом месте изображения духов. Кроме того, курение кориандра и сельдерея или белены с цикутой заставляет явиться духов всех вместе; поэтому эти травы называются травами духов. Говорят также, что курения корня трубчатого камыша с соком цикуты и белены, травы tassi barbassi, красного сандала и черного мака заставляют обозначиться духов и странные фигуры, а если туда добавить сельдерей, то можно прогонять духов из любых мест и разрушать их облик. То же самое делают курения из сладкого камыша, пиона, мяты и клещевины, прогоняя всех злых духов и пустые фантазии. Более того, говорят, что с помощью определенных курений собирают определенных животных и обращают в бегство; как Плиний заметил относительно липарского камня[1], на дым от которого приходят все звери. Если сжечь кости от передней части горла оленя, соберутся все змеи; но дым от сжигания оленьего рога прогоняет их. То же самое совершает дым при сжигании перьев павлина. Когда сжигают легкие осла, то дым обращает в бегство всех ядовитых тварей; дым же от горящих копыт оленя прогоняет мышей. Подобное же происходит при сжигании копыт мула, а если только с левой ноги, то улетают мухи. А еще, если дом или какое-либо другое место окурить сжиганием желчи каракатицы с добавлением красного стиракса, розовых лепестков и древовидного алоэ и если затем в это место прине-

[1] Согласно трактату Феофраста «О камнях», написанному в 306 г. до н. э., добывался на Липарских островах.

сти немного морской воды или крови, то весь дом будет казаться заполненным водой или кровью; и если туда бросить некоторое количество земли с пашни, то покажется, будто земля дрожит.

Теперь нам следует усвоить, что подобного рода испарения заражают тело, вливают в него некие свойства и имеют довольно продолжительное действие, подобно тому, как это происходит от заразных или ядовитых испарений при эпидемиях. Они могут удерживаться до двух лет в стенах дома, заражать его обитателей и, как чума или проказа, скрываться глубоко в одеждах и приводить к болезни того, кто их носит. Поэтому маги использовали воскурения вместе с изображениями, кольцами и другими магическими инструментами, благодаря чему, по словам Порфирия, успешно прятали сокровища. Так, если кто-нибудь станет прятать золото, серебро или какую-нибудь другую ценную вещь, когда *Луна* в соединении с *Солнцем*, и окурит место кориандром, шафраном, беленой, сельдереем и черным маком, истолченными вместе в равных долях и политыми соком цикуты, то сокровище никогда не обнаружат другие и не унесут и духи будут постоянно стеречь его; а если кто-либо попытается взять сокровище, то доведут лихоимца до безумия. И Гермес говорил, что для вызывания духов нет ничего действеннее дыма от горения спермацета; и если курение сделано из него с добавлением древовидного алоэ, марсилия, мускуса, шафрана и красного стиракса с кровью чибиса, то все воздушные духи тотчас соберутся, но если курение производится у могил мертвецов, появляются маны и тени усопших. И так же всякий раз, как мы адресуем

какую-либо работу *Солнцу*, нам следует производить курения с солнечными вещами, а если к *Луне*, то с лунными, и подобным образом проделывать с остальными. Нужно знать, что те же противоположности и враждебность, которые существуют в звездах и духах, есть и в воскурениях. Так, имеется противоречие между древовидным алоэ и серой, ладаном и ртутью; и духи, вызываемые при курении древовидного алоэ, скрываются при курении серой. Например, Прокл свидетельствует о духе, обыкновенно появлявшемся в образе льва, но, если перед ним возникает образ петуха, лев исчезает прочь, потому что между петухом и львом существует противоречие. Вот мы и рассмотрели подобные соображения и практику.

Глава сорок четвертая

О составлении курений в соответствии с планетами

Воскурения для *Солнца* делают особым способом, а именно: из шафрана, серой амбры, мускуса, древовидного алоэ, древесного бальзама, плодов лавровишни, гвоздики, мирры и ладана. Все это должно быть истолчено и перемешано в такой пропорции, чтобы запах оказался как можно нежнее, соединено с мозгом орла или кровью белого петуха в виде пилюль.

Воскурения для *Луны* осуществляют из головы высушенной лягушки, глаз буйвола, семян белого мака с ладаном и камфарой, соединив их с менструальной кровью женщины или кровью гуся.

Для Сатурна берут семена черного мака, белены, корень мандрагоры, магнит и мирру и смешивают с мозгом кошки или кровью летучей мыши.

Для Юпитера подходят семена ясеня, древовидный алоэ, стиракс, бензойная смола, камень лазурит, верх крыльев павлина; все это смешивают с кровью аиста или ласточки или мозгом оленя.

Для Марса надо взять молочай, ароматическую смолу, армоньяк, корень чемерицы и морозника, магнит, немного серы и смешать с мозгом оленя, кровью мужчины и кровью черного кота.

Для Венеры берут мускус, серую амбру, древовидный алоэ, красные розы и красный коралл и смешивают с мозгом воробьев и кровью голубей.

Для Меркурия требуются мастиковое дерево, ладан, гвоздика, трава пятилистника, камень агат; и делают смесь с мозгом лисы или ласки и кровью сороки.

Помимо того, для *Сатурна* готовят курения из всевозможных видов пахучих корней, таких как корень марсилия и ладанного дерева.

Для Юпитера — из душистых фруктов, таких как мускатный орех, гвоздика.

Для Марса — все душистые деревья: сандал, кипарис, древесный бальзам, древовидный алоэ.

Для Солнца — все смолы: ладан, мастика, бензойная смола, стиракс, зеленая камедь, серая амбра и мускус.

Для Венеры — цветы: розы, фиалки, шафран и т. п.

Для Меркурия — все виды коры деревьев и кожуры фруктов — корицы, дерева кассия (китайская корица), кожура цитрона, восковницы и всевозможные благоухающие зерна.

Для Луны — листья всякой зелени: индума[1], мирта и благородного лавра.

Кроме того, нужно знать, что, по мнению магов, для всякой благой материи, каковы любовь, благосклонность и тому подобное, и курения должны быть с хорошим запахом, душистые и благородные, а для злых материй (ненависть, гнев, страдание и прочее) — отвратительные и вульгарные.

Для двенадцати знаков Зодиака делают также особые курения. Для *Овна* курят мирру, для *Тельца* — марсилию, для *Близнецов* — мастику, для *Рака* — камфару, для *Льва* — ладан, для *Девы* — сандал, для *Весов* — гальбан, для *Скорпиона* — опопанакс (сладкая мирра), для *Стрельца* — древовидный алоэ, для *Козерога* — бензойн, для *Водолея* — молочай, для *Рыб* — стиракс.

Однако Гермес описывает наиболее мощное воскурение, составленное из семи ароматов, согласно силе семи планет, и имеющее от *Сатурна* — марсилию, от *Юпитера* — мускатный орех, от *Марса* — древовидный алоэ, от *Солнца* — мастику, от *Венеры* — шафран, от *Меркурия* — корицу и от *Луны* — мирт.

[1] Кост (ароматическое растение).

Глава сорок пятая

О глазных каплях, мазях, приворотных зельях и об их свойствах

Кроме этого, глазные капли и мази, передавая нашему духу свойства вещей естественных и небесных, могут умножать, изменять, преображать и трансформировать его соответственным образом, а также переносить в него все имеющиеся в них свойства, что не может быть сделано только их собственным телом, но также и тем, что им близко и действует посредством видимых лучей, и обаяния, и касаний с тем же отношением. И поскольку наш дух тонок, прозрачно чист, воздушен и суть маслянистые испарения крови, для него испарения глазных капель являются весьма подходящими как наиболее соответствующие нашему духу в субстанции; и благодаря именно своему подобию они наиболее сильно возбуждают, привлекают и трансформируют дух. Подобными свойствами обладают определенные мази и другие снадобья. Поэтому порой болезнью, отравой и любовью заражаются от одного касания, от намазанных рук или одежды; также заражаются любовью от поцелуев и от вложенных в уста предметов; подобное можно найти у Вергилия, когда он пишет о том, как вызывала любовь *Венера*:

Чтобы лишь только тебя на колени посадит Дидона,
Здесь же, на царском пиру, среди возлияний Лиэя,
Только обнимет тебя, поцелуй тебе сладкий подарит, —
Тайное пламя вдохнуть в нее, отравив ее тайно...[1]

[1] *Вергилий Марон Публий*. Энеида. Кн. 1. Ст. 685–688.

Теперь о взгляде. Поскольку зрение воспринимает гораздо более чисто и ясно, чем другие чувства, и запечатлевает в нас вещи отчетливее и глубже, оно подходит более всего другому духу представления, что и проявляется в снах, когда предметы кажутся нам чаще всего являющимися в наличии, гораздо яснее, чем слышимое или приходящее от других органов чувств. Соответственно, когда глазные капли трансформируют дух видения, он упрощает воздействие на воображение, что обусловлено на самом деле различными видами и формами, и переносит то же самое во внешнее чувство зрения, благодаря чему возникает восприятие внешних видов и форм таким образом, будто это были двигающиеся внешние объекты; кажется, словно там двигаются ужасные образы, духи и тому подобное. Так, есть глазные капли, позволяющие тотчас увидеть образы духов в воздухе или повсюду, которые, насколько мне известно, приготовляются из желчи человека и глаз черного кота, а также некоторых других вещей. Нечто подобное делают из крови чибиса, летучей мыши и козла; еще говорят, если равномерно намазать сверкающий кусок стали соком чернобыльника и сделать воскурение, можно увидеть причитающих духов.

Есть также некие воскурения или мази, которые заставляют спящих говорить, ходить и делать все то, что делают бодрствующие, а порой даже такие вещи, которые бодрствующие люди не могут или не отваживаются совершать.

Некоторые позволяют нам слышать либо ужасные, либо восхитительные звуки и тому подобное. И поскольку

маниакальные и меланхоличные люди верят тому, что видят, и слышат извне то, что лишь возбуждает их воображение изнутри, они боятся того, что не страшно, впадают во всевозможные удивительные и ложные подозрения, убегают, когда их никто не преследует, злятся и спорят, оставаясь в одиночестве. Подобные страсти могут быть также вызваны магическими составами: воскурениями, глазными каплями, мазями, напитками, ядами, посредством ламп и света, зеркал и изображений, а также благодаря обаянию и очарованию, звукам и музыке. Или же различными обрядами, замечаниями, церемониями, верованиями, предрассудками, всем в свой черед. Причем не только этими видами искусства, страстей, видений и образов, но и самими вещами, которые изменяются и переходят в иные формы. Так, поэты упоминают о Протее, Периклимене, Ахелее и о Метре, дочери Эрихифтона. И о Цирцее, превратившей товарищей Улисса, и о старике в жертвоприношении Лицея Юпитеру, когда люди, попробовавшие внутренности жертвенных животных, были превращены в волков, и о произошедшем с неким человеком по имени Демарх, о чем писал Плиний. Такого же мнения придерживался Августин, ибо рассказал, что в то время, когда он пребывал в Италии, слышал о неких женщинах, которые давали заколдованный сыр путешественникам и превращали их в рабочую скотину, а после выполнения ими нужной им работы снова делали их людьми, такое произошло с отцом по имени Престантий. Священное Писание также свидетельствует, что колдуны фараона превращали свои жезлы в змей, воду — в кровь, и делали другие подобные вещи.

Глава сорок шестая

О естественных сплавах и суспензиях

После того как Мировая Душа своим свойством сделала все естественные или искусственные вещи способными к порождению, вдохнув в них небесные свойства для достижения чудесных эффектов, они стали сами отпечатывать на нас свои свойства, не только когда касаются посредством воскурений, глазных капель, мазей, питья или другим подобным образом, но и когда обернуты вокруг нас, или привешены на шею, или привязаны, или приложены к нам еще каким-либо способом, или наилегчайшим образом прикасаются к нам едва-едва. Стало быть, благодаря подобным сплавам, суспензиям, аппликациям, обертываниям и прочим контактам с телом разум переходит то к здоровью, то к болезни, то к отваге, то к страху, то к грусти, то к радости и тому подобному. А эти качества делают людей приятными или ужасными, привлекательными или отвратительными, уважаемыми и любимыми, или ненавистными и презренными. Эти же страсти проявляют себя при прививании деревьев, когда живительная энергия переходит через ствол в крону посредством присоединения черенка. То же самое случается и с женской особью пальмы, когда ее ветви тянутся к мужской и склоняются к ней; садовники привязывают веревкой мужскую особь к женской, и она вновь выпрямляется, как будто получила качества мужской.

Подобным же образом мы видим, что морской электрический скат, тронутый длинной палкой, вызывает оне-

мение в руке у того, кто его задел. А тот, кто тронет рукой или палочкой морского зайца, тотчас потеряет разум. Также говорят, что если морскую звезду прибить к воротам медным гвоздем с кровью лисы, то всякие чары против хозяина окажутся бессильны. Или если женщина возьмет иголку, испачкает навозом, потом землей с могилы мужчины и станет носить ее в одежде, в которой была на похоронах, никто не сможет возлечь с ней до тех пор, пока она не расстанется с этой иголкой.

Из приведенных примеров мы видим, что можем обретать определенные свойства посредством сплавов конкретных вещей, а также при помощи суспензий, при простом контакте или соединении. Необходимо знать определенные правила, т. е. все это должно делаться при определенном и соответствующем расположении звезд, с помощью той или иной проволоки, шелковых нитей, волос или жилами определенных животных. Обертывания следует производить листьями конкретных трав или шкурами животных, или одежд и тому подобным, чтобы все вещи подходили друг другу. Дабы привлечь свойства *Солнца* в какое-либо тело, нужно обернуть его лавровыми листьями или шкурой льва либо подвесить на шею на золотой или шелковой нити желтого цвета, в то время когда светит *Солнце*; благодаря этому вы можете получить для этой вещи свойства *Солнца*. А если желаете обрести для чего-нибудь свойства *Сатурна*, сделайте все то же самое, когда правит *Сатурн*; заверните вещь в шкуру осла или в одежду с похорон, особенно если хотите добавить печали, и повесьте на шею на черной нити. Подобным образом мы можем добиться и всего остального.

Глава сорок седьмая

О составлении колец

То же самое относится и к кольцам, которые играли большую роль в древности, когда их начали делать; они отпечатывают на нас свои качества, передавая дух тому, кто их носит, и делая человека радостным или грустным, любезным или ужасным, отважным либо робким, заставляя любить или ненавидеть, предохраняя от болезни, от ядов, от врагов, от злых духов и от всего вредоносного. Итак, вот способ составления подобного рода колец.

Когда звезды расположены благоприятно для фортуны или конъюнкции *Луны*, нужно взять камень и траву, которая подчинена этой звезде, и сделать кольцо из металла, который также к ней подходит, и укрепить в нем камень, положив под него траву или корень, не забыв соответствующих воскурений и начертания образов и черт. Но мы рассмотрим эти вещи, когда будем говорить об образах и начертаниях. Так, у Филострата Ярхуса читаем, что мудрый индийский принц посвятил Аполлону семь подобных колец, имевших свойства и имена семи планет, из которых он каждый день носил одно, различая по названиям дней. Благодаря этим кольцам он жил до ста тридцати лет, всегда сохраняя красоту юности. Подобно этому Моисей, законодатель евреев, обученный магии в Египте, рассказал Иосифу, как делать кольца любви и забвения. По словам Аристотеля, у киренаиков имелось кольцо Бахуса[1], которое возбуждало любовь и почи-

[1] Фаллическое кольцо, посвященное Приапу. Культ Приапа был тесно связан с Бахусом (Вакхом) и имел важное значение в римских

тание. Кроме того, читаем, что некий философ по имени Евдем[1] делал кольца против укусов змей, колдовства и злых духов. Иосиф говорит то же о Соломоне; и мы видим у Платона, что Гиг, царь лидийский, имел кольцо замечательных и необычных свойств, печатка которого, повернутая в сторону ладони, делала его невидимым, в то время как он мог видеть все. Благодаря этому кольцу он жил с царицей, убил царя, ее мужа, истребил всех, кто противился ему, и никто не мог его видеть, когда он совершал все эти преступления, и именно с помощью этого кольца он и стал царем Лидии[2].

священных оргиях-вакханалиях. Кольца, изображавшие фаллос, были широко распространены в Риме среди всаднического сословия, о чем свидетельствуют многочисленные археологические раскопки на месте богатых усадеб знатных аристократов.

[1] Ср. у Диогена Лаэртского: «Маги проводили время в служении богам <...>. Колдовством они не занимались, как свидетельствует Аристотель в книге „О магии". <...> Аристотель в I книге „О философии" считает, что маги древнее, чем египтяне. <...> Феопомп <...> добавляет, что, по учению магов, люди воскреснут из мертвых, станут бессмертными и что только заклинаниями магов и держится сущее; то же самое рассказывает и Евдем Родосский» (*Диоген Лаэртский*. Указ. соч. С. 57).

[2] См. «Государство» Платона, 359b–360e. Эта история весьма замечательна, особенно при ее упоминании сразу же после имени пророка Соломона. Среди прочего Платон пишет: «Если бы было два таких перстня — один на руке у человека справедливого, а другой у несправедливого, тогда, надо полагать, ни один из них не оказался бы настолько твердым, чтобы остаться справедливым...» (*Платон*. Собр. соч. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 118–119).

Глава сорок восьмая

О свойствах мест и о том, какой звезде каждое место соответствует

Существуют также и замечательные качества мест, которые происходят от пребывающих там вещей или под влиянием звезд, или любым другим образом. Так, Плиний говорит, если кто-либо первым услышит кукушку и обведет по контуру свою правую ступню, а потом *вынет след*, в этом месте никогда не расплодятся блохи. Пыль же, собранная со следа змеи и рассеянная среди пчел, заставляет их вернуться в свои ульи. Также и пыль, в которой катался мул, распыленная на тело, облегчает жар любви; а та, в которой купался ястреб, привязанная к телу яркой красной тканью, лечит четырехдневную лихорадку. Камень, вынутый из гнезда ласточки, лечит припадки эпилепсии, а будучи приложенным к телу, охраняет людей, особенно если он был вывалян в крови или сердце ласточки. Также сообщают, что если кто-нибудь порежет вену и придет на то место, где с кем-нибудь был недавно припадок эпилепсии, заболеет той же болезнью. И Плиний рассказывает, что если забить железный гвоздь в место, которого больной эпилепсией касался головой во время припадка, недужащий излечится. Взяв траву, росшую на голове какого-либо идола, и привязав ее красной нитью к своей одежде, тотчас излечиваются от головной боли, и любая трава, собранная по берегам ручьев или вдоль рек перед восходом солнца так, чтобы никто не видел, будучи привязанной к левой руке, устраняет трехдневную лихорадку.

Но среди мест, соответствующих звездам, есть дурные — темные, подземные, религиозные и зловещие, вроде церковных дворов, могил, покинутых жилищ, старых, ветхих и ужасных домов, одиноких пещер, ям, берлог, а также рыбных садков, застоявшихся луж, болот и т. п., соответствующего *Сатурну*. К *Юпитеру* относятся все привилегированные места: консистории, трибуналы, тронные залы, места для занятий, школы, а также все красивые и чистые места, опрысканные божественными ароматами. К *Марсу* — места огня и крови: очаги, бойни, пекарни, места казней и те, где произошли резня, великие битвы и прочее. К *Солнцу* — светлые места: спокойные виды, княжеские дворы, королевские дворцы, амвоны, театры, троны и все, что царственно и великолепно. К *Венере* — приятные фонтаны, зеленые луга, цветущие сады, украшенные ложа, а согласно Орфею — морской берег, купальни, места и залы для танцев и все, что принадлежит женщинам. К *Меркурию* — магазины, школы, склады, биржи и тому подобное. К *Луне* — дикие заросли, чащи, скалы, холмы, горы, леса, источники, реки, воды, моря, морские берега, суда, рощи, горные перевалы, зернохранилища и т. п.

Исходя из этого, все, кто хочет вызывать любовь, обычно в определенное время зарывают инструменты своего искусства, т. е. кольца, изображения, зеркала и иное, или прячут в какое-нибудь укромное место, которое дает им свое свойство благодаря определенной способности, дарованной *Венерой*. Также считается, что вещи, которые оставляют в плохо пахнущем месте, приобретают скверный запах, а которые оставляют в ароматном — хороший.

К этому имеют отношение и четыре стороны света. Вот почему желающие пользоваться травой *Сатурна*, *Марса* и *Юпитера* смотрят на восток или на юг; в частности потому, что исходят или рождаются от восхода *Солнца*; отчасти потому, что их главные дома — знаки меридиальные, а именно: *Водолей*, *Скорпион*, *Стрелец*, *Козерог* и *Рыбы* — южные. А те, кто хочет воспользоваться травами *Венеры*, *Меркурия* или *Луны*, должны обратить свой взгляд на запад, поскольку эти звезды являются западными, или к северу, ибо их главные дома северные, а именно: *Телец*, *Близнецы*, *Рак*, *Дева*. В солнечном же делании следует смотреть на восток или на юг, но скорее на само солнечное тело и его свет.

Глава сорок девятая

О свете, цветах, свечах и лампах; а также о том, каким звездам, домам и элементам посвящены некоторые цвета

Свет также есть некое качество, имеющее множество форм, одновременно это простой акт и символ представления о понимании; он был первым разлит во всем божественным разумом, но первым подлинным светом явился Бог-Отец — Отец Света; затем Свет воплотился своим великолепным блеском в Сыне и в Святом Духе сияющей яркостью, превосходящей всякую разумность и даже свет Серафимов, как сообщает Дионисий. Таким образом, эта сверкающая разумность присутствует и в Ангелах; будучи

8 № 2685

радостью, она простирается за границы разума. Затем она опускается на небесные тела, которые становятся хранилищами жизни, распространителями и даже зримым сиянием Света. Естественная жизненность распространяется через этот огонь далее и наконец попадает в людей. В них она проявляется ясностью рассудка, знанием божественных вещей и всякой рациональностью.

Свет существует в многочисленных формах, как утверждают перипатетики, следуя расположению тел, или, что более истинно, хорошему благорасположению Того, Кто дает этот свет каждому из нас. Затем Свет переходит в фантазию, которая выше чувств, но все-таки есть только представление, а потом — в чувства и прежде всего в глаза, где приобретает отчетливость видимости. Далее он распространяется на другие тела, в которых преобразовывается в цвет и сияющую красоту, но в темных телах становится производительным свойством и проникает к самому центру, где лучи концентрируются и превращаются в темный жар, бурю, пылание, и таким образом все вещи получают мощь света в соответствии со своими возможностями. И все имеет воздействие на свои свойства и качества, когда присоединено к свету через этот живительный жар.

Именно поэтому маги запрещают разбрызгивать мочу больного на его тень, а также раскрывать недужащего под Солнцем или Луной, ибо лучи проникающего света приносят с собой плохие качества болеющих и сообщают их другим телам. Вот почему колдуны стремятся прикрывать своими тенями свершаемое колдовство; точно так же и виверра одной только своей тенью заставляет онеметь любую собаку.

Можно также делать искусственный свет с помощью светильников, ламп, факелов, свечей и т. д. из определенных предметов и жидкостей, извлеченных или составленных под определенными соответствующими звездами и соединенных с себе подобными. Когда их зажигают, они производят замечательные и небесные эффекты, которым люди удивляются уже давно. Как сообщает Плиний, некий Анаксилай утверждал, что, если взять выделения кобылы после случки и положить на огонь факела, явятся чудовищные зрелища лошадиных голов. Такое же верно и в обращении с ослами, а мухи, закатанные в воск и зажженные, являют картины необычного. Кожа змеи, сожженная на лампе, заставляет появиться змей. Говорят, что если поместить цветы винограда в фиал, наполненный маслом, и дать им созреть, а затем залить это масло в лампу и зажечь, то увидишь виноград. То же самое происходит и с другими фруктами. Если [century] смешать с медом и кровью чибиса, а затем поместить в лампу, то все, кто стоит вокруг, увидят гораздо больше того, чем предполагали; если зажечь это в ясную ночь, все обнаружат, как звезды рассыпаются. Подобная же сила содержится и в чернилах из каракатицы: когда их кладут в лампу, они вызывают ночные кошмары. Говорят также, что свеча, сделанная из определенных сатурнических вещей, будучи погашенной во рту только что умершего человека, каждый раз, когда ее зажигают, наводит на окружающих страх и печаль. О подобных этим факелах и лампах свидетельствуют Гермес, Платон и Хирамид, а из более современных — Альберт.

Цвета — тоже разновидность света; смешиваясь с предметами, они связывают их со звездами, которым соответ-

ствуют. В дальнейшем мы скажем о некоторых цветах, являющихся светом планет, благодаря которым узнают природу даже неподвижных звезд; цвета эти относятся также к свету ламп и свечей. Сейчас же покажем, как цвета составных вещей распределены среди планет.

Так, все черные, блестящие, землистые, свинцовые и коричневые цвета относятся к *Сатурну*. Цвета сапфира, воздуха, а также те, что всегда зеленые, чистые, пурпурные, темноватые, золотистые и смешанные с серебром, принадлежат *Юпитеру*. Цвета красные, пылающие, огненные, фиолетовые, цвета пламени, крови и железа представляют *Марс*. Цвета золота, желтые, яркие и пурпурные представляют *Солнце*. Но все цвета белые, волшебные, удивительные, зеленые, красноватые, несколько желтоватые и пурпурные относятся к *Венере*, *Меркурию* и *Луне*. Более того, среди небесных домов первый и седьмой имеют белый цвет, второй и двенадцатый — зеленый, третий и одиннадцатый — желтый, четвертый и десятый — красный, пятый и девятый — цвет меда; шестой и восьмой — черный.

Элементы обладают своими цветами, через которые физики узнают об их составе и природе. Так, цвет земли выражает холод, коричневый — сухость, а черный выявляет черную желчь и сатурническую натуру; голубой означает флегму, белый — холод, черный — влажность и сухость, красноватый — кровь, злобу, пламя, жар огня, показной гнев, которые, благодаря своей утонченности будучи смешанными с другими, дают еще большее цветовое разнообразие. Например, если их смешать с кровью, то доминирующая кровь даст цветущий красный, доминирующая желчь — красноватый оттенок, а если все смешать в равных пропорциях, получится печальный красный. Но если черная желчь смешана с кровью и та преобладает, выйдут красный и конопляный цвета; если преобладает желчь, образуется мутно-красный; когда смешивают с меланхолическими жидкостями организма, получают черный, а если с меланхолическим соком (черной желчью) и флегмой (слизью) поровну — конопляный. Изобилует флегма — выходит цвет грязи, если же меланхолия — синеватый, но когда смешивается только с флегмой в равных пропорциях — лимонный; при наличии избытка чего-то другого — бледный или бледноватый цвет.

Итак, все цвета более сильны, когда они в шелке, или в металлах, или в определенных субстанциях, или в драгоценных камнях, а также в тех вещах, которые напоминают по цвету небесные тела, особенно если эти тела живые.

Глава пятидесятая

О чарах и искусстве чародейства

Чары есть связь, исходящая из духа колдуна и через глаза того, кого он околдовывает, проникающая ему в сердце. Инструмент чар — дух, или определенное чистое испарение, блестящее, тонкое, происходящее из наиболее чистой крови, рожденное жаром сердца. Оно постоянно посылает через глаза лучи, и те несут с собой испарение духа, а стало быть — кровь. Лучи, посланные

в глаза околдовываемых, заражают их той же болезнью. Открытые глаза, когда от них исходят лучи на когонибудь, пронизанные сильным воображением, становятся переносчиком духа, и он, медленно поражая глаза околдованного, проникает в его сердце, ранит его и заражает дух.

Как говорит Апулей: «*Глаза скользят по моим глазам, проникают мне в грудь и возбуждают горячечный пыл в моем мозгу*». Таким образом, ясно, что человек бывает околдован, когда чародей смотрит ему прямо в глаза и лучи соединяются с лучами, свет со светом, дух с духом — тем самым создаются крепкие связи, воспламеняется самая страстная любовь, даже при мимолетном взгляде, так что все тело человека пронзено словно дротиком. И затем дух и кровь обольщаемого, будучи поражены, переходят в обольстителя и околдовывают его, о чем Лукреций писал:

> К телу стремятся тому, что наш ум уязвило любовью.
> Обыкновенно ведь все упадают на рану, и брызжет
> Кровь в направлении том, откуда удар был получен...[1]

Такова сила чар, особенно когда испарения глаз подчинены стремлению. Поэтому колдуны используют глазные капли, мази, сплавы и тому подобные вещи, чтобы влиять на дух и поведение. Для возбуждения любви они применяют мази *Венеры* — гиппоман, кровь жаворонков и голубей и прочее. А для того, чтобы вызвать страх, —

[1] *Лукреций Тит Кар*. О природе вещей / Пер. Ф. Петровского. М.: Худ. лит., 1983. Кн. 4. Ст. 1048–1050.

мази *Марса*, сделанные из глаз волков, виверр, и подобное. При желании наслать болезнь или страдание пользуются сатурническими мазями.

Глава пятьдесят первая

Об определенных наблюдениях, производящих удивительные свойства

Говорят, что некие действия и наблюдения имеют определенную силу естественных вещей; считается, что они могут вызывать и лечить различные болезни. Например, четырехдневную лихорадку лечат, привязывая обрезки ногтей больного холщовой тряпочкой к шее живого угря, которого выпускают обратно в воду. А Плиний утверждает, что если обрезки ногтей ног и рук больного четырехдневной, трехдневной или ежедневной лихорадкой, смешанные с воском, привязывать до восхода солнца к чьимлибо воротам, то они излечат от тех же недугов. Подобным же образом можно победить болезнь, если обрезки ногтей положить в муравьиную кучу, а затем привязать больному на шею.

Известно также: если взять кусок дерева, опаленного молнией и держать его у себя за спиной обеими руками, это избавит от всякой хвори; четырехдневная лихорадка лечится гвоздем от виселицы, завернутым в шерсть и повешенным на шею. Или с помощью веревки висельника, если ее закопать в землю так, чтобы до нее не мог добраться свет солнца. Тот, у кого трудности с глотанием или абсцесс, вылечивается при-

косновением руки умершего прежде срока. Считается, что при трудных родах можно помочь женщине, положив к ней в постель камень или дротик, при помощи которого одним ударом был убит человек, кабан или медведь. При родах помогает копье, извлеченное из тела человека, если только оно еще не коснулось земли. Стрелы же, вынутые из тела и еще не коснувшиеся земли, будучи положенными под обольщаемого, возбуждают любовь.

Эпилепсию лечат мясом дикого животного, убитого тем же оружием, которым прежде был убит какой-нибудь человек. А человеческие глаза предохраняются от слепоты тройным промыванием водой, в которой мыли ноги. Также говорят, что лечить болезни паха можно ниткой, вытащенной из ткацкого станка, завязанной в девять или семь узлов с упоминанием при этом каждый раз имени какой-нибудь вдовы.

Если взять селезенку от домашнего скота и положить ее на селезенку больного, сказав тому, что это лекарство от его недуга, а затем запереть того в спальне, запечатать дверь кольцом и девятнадцать раз повторить некое стихотворение, он выздоровеет. Моча зеленой ящерицы, налитая в горшок, повешенный перед спальней больного так, чтобы он каждый раз, выходя и входя, касался его рукой, вылечивает болезни мочевого пузыря. Если же утопить ящерицу в моче быка и потом дать ее проглотить быку, это избавит его от похоти. Но если кто смешает свою мочу с мочой собаки, тот станет вялым в любовных актах и почувствует безволие в своих чреслах. Говорят, что если каждое утро капать своей мочой на ступню, защитишь себя против всех дурных сглазов.

Есть и такой способ избавиться от кашля — нужно плюнуть в рот лягушонку, забравшемуся на дерево, а затем отпустить его. Еще об одной замечательной и простой в исполнении вещи говорит Плиний: когда чувствуют боль в руке от какого-нибудь удара, нужно плюнуть в середину руки, нанесшей удар, — боль тотчас прекратится. Это же средство помогает и тяжело поврежденным четвероногим животным. Подобно этому плюют также в руку или в туфлю правой ноги, — это хорошо для тех, кому предстоит пройти через опасное место.

Также считается: чтобы волки не приходили на поле, надо поймать одного из них, проколоть ему ножом несломанную ногу и, позволяя крови сочиться по капле, обойти поле по периметру, самого же волка зарыть на том месте, где его поймали. У мантунианцев Тризена[1] есть рецепт сохранения винограда от южных ветров, наносящих ему зачастую сильный урон: пока дует ветер, два человека должны разорвать на куски белого петуха, а затем каждый, держа свою часть, обойти виноградник кругом, после чего им нужно похоронить петуха на том месте, где они его разорвали. Говорят еще, что, если кто-нибудь будет держать змею на палке над испарениями, он обретет дар пророчества, а сама палка, после того как змея умрет, хорошо помогает от болезней беременным женщинам; об этом упоминает Плиний.

[1] Возможно, Трезен — город в Арголиде (Пелопоннес). Но здесь, скорее всего, имеется в виду Тризен в кн. Лихтенштейн, который впервые упоминается в 1155 г. В противном случае речь шла бы не о винограде, а об оливах.

Полагают, что, собирая корни и травы, следует трижды обойти их кругом, причем первый раз с мечом, затем выкопать в нужное время, копая против ветра. Говорят также, что если кто-нибудь измерит мертвеца веревкой сначала от локтя до большого пальца, затем от плеча до того же пальца, а после этого с головы до ног и так сделает трижды, затем возьмет эту веревку и измерит в том же порядке другого человека, то еще живущий никогда не будет процветающим — он станет несчастным и впадет в нищету и печаль. А Альберт, ссылаясь на Кираниды[1], сообщает: если какая-нибудь женщина соблазняет тебя, возьми сорочку, в которой она спала, помочись наружу через ее ворот и правый рукав на пороге, и чары рассеются.

Плиний рассказывает о следующем способе колдовства: сесть рядом с беременной женщиной, когда у нее трудные роды, и сплести пальцы, как зубья гребенки. Это известно по опыту Алкмены, выносившей Геракла. Еще более сильное колдовство — сидеть скрестив ноги; потому это и запрещено во всех советах князей и правителей. Также если встать перед дверью и позвать человека, лежащего с женщиной, по имени и он отзовется, а затем к этой двери прикрепить нож или иголку и сломать их, то лежащий в постели не сможет совокупиться с женщиной, пока эту вещь не извлекут из двери.

[1] Кираниды — древняя «Книга секретов».

Глава пятьдесят вторая

Об облике, жестах, привычках и фигурах тел, а также о том, какие звезды ими управляют; а также о том, на чем зиждутся физиогномика, метопоскопия, хиромантия и искусство гадания

Облик, жесты, движения, положение и фигуры тел, которые привходящи, помогают получать небесные дары, производя в нас определенные эффекты. Точно также, когда собираешь морозник, если тянешь его лист вверх, он возбуждает жидкости организма, что причиняет рвоту, а если вниз, то понос, поскольку все жидкости также идут вниз. Всем известно, как влияют на человека и животных облик и жесты. А большинство совокупляющихся пар стремится запечатлеть свой облик в детях, передав им свое обличье.

Мягкое и приветливое лицо правителя радует горожан, грубое же и грустное пугает их; жест и лицо человека, который жалуется, легко возбуждают сочувствие, а приятного человека — любовь.

Жесты и движения тела становятся действенными благодаря влияниям небесных тел, запахов, лекарственного духа и внутренних страстей. Влияют также лекарства и захватывающие сознание страсти при определенном расположении небес. Так, меланхолия, печаль, биение себя в грудь и по голове соотносятся с *Сатурном*, еще и религиозные действия — преклонение колен, опущенный долу, молитвенный взгляд, рыдания и т. п. Они чаще

всего используются аскетами и людьми *Сатурна*, как это написано в «Сатирах»:

Верю, что в царстве Сатурна Стыдливость с людьми
пребывала:
Видели долго ее на земле...[1]

Приветливый и честный облик, жесты почтительные, аплодисменты, одобрения, коленопреклонение и взгляд, обращенный ввысь, как при обожании, соотносятся с *Юпитером*. С *Марсом* же — обличия и жесты гордые, свирепые, жестокие, гневные и грубые. Люди *Солнца* благородны, их отличают мужественные обличия и жесты, с *Солнцем* связаны к тому же дальние прогулки и преклонение колен, словно бы перед королем. Люди, соответствующие *Венере*, обладают радостным обличьем, а движениями *Венеры* являются танцы, объятия и смех. Жесты *Меркурия* непостоянны, быстры, разнообразны — таковы и обличья. К *Луне* относятся подвижность, ядовитость и детскость.

Поговорив о жестах, скажем и о том, как различать внешний вид людей. Так, *Сатурн* отмечает человека цветом черным и желтоватым, худобой, сутулостью, грубой кожей с толстыми венами, волосатостью по всему телу, маленькими глазами, нахмуренным лбом, жидкой бородкой, большими губами, глазами, опущенными к земле, заплетанием ног при ходьбе, силой, острым умом, соблазнительностью и склонностью к убийству. *Юпитер* — бледными и темно-красными цветами, красивым телом, хорошей ста-

[1] *Ювенал Децим Юний*. Указ. соч. Кн. 6. Ст. 1—2.

тью, отвагой, большими, но не совсем черными глазами с крупным зрачком, небольшими ноздрями, крупными передними зубами, курчавыми волосами, добросердечием и добронравием. *Марс* делает человека красным и дает ему рыжие волосы, круглое лицо, желтоватые глаза с ужасным пронизывающим взглядом, живость, смелость, гордость и силу. *Солнце* наделяет человека смесью цветов черного и желтого с оттенком красного, непритязательной фигурой, но красивым телом с необильной растительностью, желтыми глазами, мудростью, верностью, любовью к похвалам. *Венера* отмечает тенденцией к черноте с преобладающей белизной и с оттенком красного, дает красивое тело, милое, круглое лицо, черные глаза, темные волосы, хорошие манеры, честную любовь, а также делает человека добрым, спокойным и подвижным. *Меркурий* дарит небольшое количество белого или черного, вытянутое лицо, высокий лоб, красивые, но не черные глаза, прямой длинный нос, жидкую бороду и длинные пальцы, остроумие, изобретательность, склонность к предательству и авантюрам. *Луна* же — белый, слегка смешанный с красным цвет, хорошую стать, круглое с родинками лицо, не совсем темные глаза, нахмуренный лоб, а также доброту, учтивость и общительность.

Знаки Зодиака и подчиненные им лица имеют свои фигуры и формы, о которых можно узнать в книгах по астрологии. От этих фигур и жестов зависят физиогномика, метопоскопия и искусство гадания. Хиромантия предсказывает будущие события исходя не из причин, а также согласно знакам. И хотя виды предсказаний, казалось бы,

совершаются на основе лишь внешних и слабых знаков, однако вынесенные при этом суждения вовсе не поверхностны, поскольку сделанный прогноз зиждется не на предрассудках, а на гармоническом соответствии всех частей тела. Стало быть, наиболее точно подражающий небесным телам в их природе, движениях, жестах, обличьях, страстях больше всех им уподобляется и может получать наибольшие дары.

Глава пятьдесят третья

О дивинации и ее видах

Существуют и другие виды дивинации[1], основывающиеся на природных причинах и хорошо известные всем из личного опыта. Именно благодаря им врачи, земледельцы, моряки и пастухи могут читать приметы будущего. О многих подобных дивинациях упоминает Аристотель в своей «Книге Времен». Главные из них — авгурии и ауспиции[2], которые в былые времена до того почитались

[1] См. у Цицерона: «Есть у людей нечто такое, что у нас называется дивинация (*divinatio*), а у греков μαντική, т. е. способность предчувствовать и узнавать будущее...» (О дивинации. Кн. 1, 1). «Дивинация ведет свое начало с незапамятных времен. В почти бесчисленном множестве случаев сходные события предупреждались одними и теми же знамениями. Люди обратили на это свое внимание, и таким образом возникло искусство дивинации» (О дивинации. Кн. 1: 25). *Цицерон.* Философские трактаты. М.: «Наука», 1985. С. 191, 201.

[2] Авгурии — наблюдения за птицами и вообще наблюдения знамений, ауспиции — толкования наблюдений.

римлянами, что те не предпринимали никаких частных или государственных дел, не посоветовавшись с авгурами. Цицерон в своей книге «О дивинации» прямо заявляет, что народ Тосканы и вовсе ничего не делал без обращения к этому искусству.

Ныне существует много видов ауспиций. Педестрии основываются на четвероногих животных; авгурии — на птицах; целести и на громах и молниях; кадуки производятся в храмах; сакрифиции — на приносимых жертвах; пиакулы — на ускользнувших с алтаря жертвах и убитых уже во время погони; к ним же относятся и экзаугурации, рассматривающие случаи, когда палочка, с помощью которой рассматривали жертву, выпала из руки авгура.

Михаил Шотландец упоминает о двенадцати видах авгурий, шесть — правой руки, называемые: фернова, ферветус, конферт, эмпонентем, соннасарнова и соннасарветус; шесть — левой руки, именуемые: конфернова, конферветус, виарам, херенам, скассарнова и скассарветус. Затем, объясняя эти названия, он говорит, что авгурия фернова заключается в следующем: если кто-нибудь, выходя из дома для совершения какого-либо дела, встречает прохожего или птицу и тот идет либо птица пролетает по левую руку, предзнаменование хорошее. Авгурия ферветус такова: если, выходя из дома для совершения какого-либо дела, встречаешь человека или птицу и они останавливаются со стороны левой руки, предзнаменование плохое. Авгурия виарам — если идущий человек или летящая птица показываются с правой стороны, переходят на левую, а затем исчезают из виду, это хорошее предзнамено-

вание. Авгурия конфернова — если первый встретившийся человек или птица останавливаются по правую руку в пределах видимости, предзнаменование также хорошее. Авгурия конферветус — если первый встретившийся человек (птица) прошел (пролетела) по правую руку, это плохое предзнаменование. Авгурия скимасарнова — если идущий человек или летящая сзади птица обгоняют, но, прежде чем такое случится, останавливаются и ты видишь его (ее) через правое плечо, хороший знак. Авгурия скимасарветус — если вы видите человека или птицу за собой, но, перед тем как приблизиться к вам, они остановятся там, где вы их увидели, предзнаменование хорошее. Авгурия конферт — если человек или птица появятся с левой руки, а затем окажутся с правой и скроются из виду, знак ужасный. Скассарветус — если вы видите человека или птицу, проходящих мимо и остановившихся с левой руки, и это ужасный знак. А скассарнова — то же самое, но если они остановятся со стороны правой руки — предзнаменование хорошее. Эмпонентем — если человек или птица, появившиеся слева, перемещаются на правую сторону и скрываются из виду — это хорошо. Хартена — если человек или птица, появившись справа, перемещаются человеку за спину слева и он увидит их гделибо остановившимися — очень плохой знак. Так говорит Шотландец.

В древности предсказывали также по чиханию, о котором упоминает Гомер в семнадцатой книге «Одиссеи». Раньше считали, что чихание исходит из сакрального места, то есть из головы, в которой сосредоточен ум. Полагают, что все приходящее на ум неожиданно разбуженному утром человеку тоже является предсказанием и, соответственно, авгурией.

Глава пятьдесят четвертая

О различных животных и других вещах и об их значениях в авгуриях

Ауспиции производятся при начале любого дела. Например, если, приступая к работе, вы увидели, что крысы погрызли вашу одежду, откажитесь от начинания. Выходя из дома, споткнулись о порог или на пути — откажитесь от путешествия. Начиная дело, получили плохое предзнаменование — прекратите ваше предприятие, поскольку намерения будут полностью погублены или не достигнут цели. Всегда дожидайтесь счастливого часа и хорошего предзнаменования. Известно, что многие животные благодаря вложенной в них природной силе оказываются пророческими.

Разве петух не возвещает нам своим кукареканьем часы утра и ночи и крыльями не прогоняет льва? Многие птицы своим пением, щебетом и полетом, а мухи злыми укусами предсказывают дождь; дельфины своим частым выныриванием на поверхность предрекают бурю. Было бы слишком долго рассказывать о всех предсказаниях, которые взяли от птиц фригийцы, киликийцы, арабы, умбрийцы, тосканцы и другие народы, которые следовали авгурам. Эти случаи подтверждены многочисленными примерами и богатым опытом.

Во всех вещах есть скрытые оракулы, но главными стали птицы. Среди них есть и такие, о которых поэты говорят, что они были превращены из людей. Стало быть, наблюдая за тем, как галка садится на свое гнездо, как летает, как кричит, с какой стороны — правой или левой — подлетает, взволнована ли она или спокойна, куда намеревалась лететь и в каком направлении полетит, ждет ли появления самца или, наоборот, покидает его — все это при наблюдении исполнено знаками. Гор-Апполон в своей «Иероглифике» утверждает, что две галки означают свадьбу, поскольку эта птица откладывает два яйца, из которых происходят самка и самец, а если оттуда появляются два самца, что бывает крайне редко, или две самки, то они не спариваются более и живут отдельно и в одиночестве. Вот почему встречающему одинокую галку предсказывают одинокую жизнь. То же самое говорится и о черной голубке, потому что после смерти своего голубя она живет одна. Следует внимательно относиться и к воронам, поскольку они столь же значительны, как и галки, и порой предвещают даже более значительные события. Так, Эпиктет, философ-стоик, автор афоризмов, уверяет, что, если ворона прокаркает над кем-то, это сулит зло его телу, его будущему, чести, жене или детям. Также следует наблюдать и за лебедями, которым известны тайны вод; их радостные клики предвещают счастливые события не только морякам, но и всем прочим путешественникам, если только их не опровергнут предсказания более сильной птицы, например орла, который сводит на нет знаменования любых птиц, противоречащие ему. Это происходит потому, что орел летает выше

всех, у него самое острое зрение и ему открыты тайны *Юпитера*. Он предвещает удачу и победу, но только добытую кровью, поскольку сам не пьет ничего, кроме крови. Орел летал над локрийцами, сражавшимися с кротонцами, и даровал им победу. Также он распростер крылья над таргетом[1] Гиерона, отправившегося в свой первый поход, и предсказал ему, что тот станет правителем.

Два орла, весь день сидевшие на доме при рождении Александра Македонского, этим дали знать, что он будет владыкой двух империй — Азии и Европы. Та же птица, сорвав шляпу Луция Тарквиния Приска, сына Демарата Коринфского, в то время как он бежал в Рим через Этрурию, спасаясь от мятежа, взмыла над ним, а затем вновь опустила шляпу ему на голову, тем самым предсказав ему, что он станет царем римлян. Грифы означают огорчения, трудности, грабеж или опустошения, указывают на места крупной резни, которые совершаются через семь дней после знамения. Это происходит потому, что они очень любят места побоищ, поскольку на них питаются. Поэтому древние цари постоянно отправляли разведчиков, чтобы они выяснили те места, где собираются грифы.

Феникс знаменует единичную удачу, по такой ауспиции был построен Рим. Пеликан благодаря своей самоотверженной любви к своим малышам означает человека, который будет много страдать из-за своей любви. Разноцветная птица, давшая имя городу Пиктавии, предсказала милосердие народу, подобному ей цветом и голосом.

---

[1] Небольшой круглый щит для пешего боя.

Цапля предвещает трудные времена. Аист — птица согласия. Журавли предупреждают о предательстве врагов. Птица [cacupha] свидетельствует о благодарности, поскольку она даже на старости лет выражает любовь и уважение к своей матери. Гиппопотам же, который убивает свою мать, наоборот, есть знак неблагодарности и несправедливости. Птица [orix][1], будучи очень завистливой, предсказывает зависть.

Среди более мелких птиц прорицательницей бывает сорока, предвещающая гостей. Две птицы [albanellus], летящие одна за другой, когда они движутся слева направо, — знак успешного завершения дела, а если наоборот — неудачного. Крик совы — всегда к несчастью, подобно крику филина, потому что точно так же, как они неслышно летят ночью к своим детям, тихо подкрадывается смерть. Соответственно, сова является знаком смерти. Однако порой, поскольку филин видит в ночи, ожидается усердие и наблюдательность, что и произошло, когда он сел на пику Гиерона. Дидона, увидев несущего несчастье филина, так жаловалась Энею:

> Часто на кровле дворца заводил похоронную песню
> Филин, и голос его протяжно плакал во мраке...[2]

И в другом месте:

> Гнусною птицей он стал, вещуньей грозящего горя...[3]

---

[1] Птицы hippopotamus и orix (вид дикого козла) и их значения даны по Иероглифике Гор Аполлона.

[2] *Вергилий Марон Публий*. Энеида. Кн. 4. Ст. 463–464.

[3] *Публий Овидий Назон*. Указ. соч. Кн. 5. Ст. 549.

Та же птица кричала на Капитолии, когда у римлян возникли трудности в Нуманции и когда Фрегеллы были снесены до основания по причине заговора против римлян. А как сообщает Алмадель[1], совы и ночные вороны, улетая в чужие страны или к другим домам, предсказывают смерть людей тех краев либо обитателей жилищ. Это происходит потому, что эти птицы ищут трупы и чувствуют их. Назон говорит, что такой же предсказатель раздора — ястреб:

> Ястреба мы ненавидим за клюв его дерзкий и коготь...[2]

Леллий, посол Помпея, был убит в Испании фуражирами; эта участь была ему предсказана ястребом, летящим над его головой.

Алмадель замечает, что птицы, которые бьются друг с другом, означают переворот в царстве; но когда сражаются птицы разных видов, быть установлению нового царства. Также маленькие птички своим прилетом и отлетом предсказывают, что семья или увеличится, или уменьшится.

По полету птиц авгур Мелámп предсказал грекам резню: «Вы же видите, что никакая птица не летает при хорошей

---

[1] В 1608 году Иоанн Тритемий в длинном перечне книг по магии упоминает «Алмадель», приписываемую царю Соломону. Роберт Тернер упоминает рукопись «Арс Алмадель» из Флоренции, относящуюся к XV в. По мнению Иоанна Вейера, «Алмаделем» звали одного арабского мага.

[2] *Публий Овидий Назон*. Наука любви / Пер. М. Гаспарова // Овидий. Элегии и малые поэмы. М.: Худ. лит., 1973. С. 171.

погоде». Ласточки, умирая, обеспечивают укрытие своим птенцам и поэтому сулят большое наследство после смерти родителей или друзей. Летучая мышь, если ее заметили улетающей, свидетельствует об увертке, потому что крыльев у нее нет, а все же она летает. Воробей есть дурной знак для убегающего человека, ибо эта птичка, спасаясь от ястреба, попадает к сове, не избегнув опасности; тем не менее воробей — хороший знак любви, поскольку, сжигаемый похотью, он топчет самку по семь раз в час. И пчелы хороший знак для королей, ибо означают повиновение народов. Мухи же — приметы надоедливости и опрометчивости, ибо, сколько их ни гони, они все равно возвращаются.

Также и домашние птицы могут порой предсказывать. Например, петухи своим пением дают надежду и сулят путешествия. Ливия, мать Тиберия, будучи беременной, держала на своей груди куриное яйцо, пока из него не вылупился петух с огромным гребнем, и авгуры увидели в этом знак того, что родившийся у нее ребенок станет царем. И Цицерон писал в своей «Фиваиде»[1], что петухи, которые пели целыми ночами, предвещали победу беотийцев над лакедемонянами. Так происходит потому, что, в соответствии с толкованием авгуров, когда его убивают, он молчит, а когда побеждает кого-нибудь — кричит.

Таким же образом тайные знаки событий можно получить посредством животных. Встреча с лаской зловеща,

[1] Поэму «Фиваида» написал римский поэт Стаций Публий Папиний (около 40 г. — не ранее 95 г. н. э.).

равно как и встреча путешественника с зайцем, если только того не поймают. Встреча с мулом плоха, поскольку он бесплоден. Пагубна и встреча с боровом, ибо такова его натура; она означает неминуемое общение с плохими людьми. Лошадь предвещает ссоры и битвы. Вергилий пишет, что, когда Анхиз увидел белых лошадей, он воскликнул:

«Войну, о приветливый край, ты сулишь нам:
Грозны кони в бою, и грозят эти кони боями!..»[1]

Но если лошади впряжены в повозку и тянут с равной силой, то они знаменуют надежду на мир. Осел — животное бесполезное, и все-таки он помог Марию, когда, будучи признанным врагом отечества, тот увидел осла, который не хотел брать ничего из предлагаемой еды и быстро направился утолить жажду; из этого авгуры заключили, что Марию указан путь спасения. И Марий попросил своих друзей, чтобы они помогли ему добраться до моря; добившись этого, он сел на суденышко и спасся от рук Суллы, своего победителя.

Встреченный же по дороге к авгуру осленок означает труд, смирение и препятствия. Встреча волка — всегда хороший знак; доказательство тому видим у Гиерона Сиракузского, у которого, когда тот был в школе, волк утащил книгу и таким образом предсказал ему успех царствования. И все-таки волк заставил его потерять дар речи, когда увидел его первым. Волк же разорвал часового при Публии Африкане и Гае Фульвии Минтурне, когда армия

[1] *Вергилий Марон Публий*. Энеида. Кн. 3. Ст. 539—540.

римлян потерпела поражение от изгнанников в Сицилии. Также волк означает вероломство и людскую недобросовестность, что известно из истории римлян, поскольку вера Ромула и Рема, которую они всосали с молоком волчицы и крепко хранили с самого начала, стала законом их природы и привела к процветанию Рима.

Встреча со львом, который считается самым сильным из животных и наводит ужас на всех, — хороший знак. Однако для женщины увидеть львицу — плохое предзнаменование, поскольку та всегда рождает только одного ребенка. Встретить овцу и козу — к добру. В «Ostentarium Tuscum»[1] можно прочесть, что, если у этих животных будет шерсть необычного цвета, императору прибавятся богатство и много счастья. Вот что говорит Вергилий о Поллионе:

Сам по желанью баран то в пурпур нежно-багряный,
То в золотистый шафран руно перекрашивать будет...[2]

Хорошо также встретить быка, поедающего зерно, но еще лучше во время пахоты, потому что хотя путешествие и прервется, однако благодаря столь удачной ауспиции впоследствии все компенсируется.

Встретить во время путешествия собаку — хорошее предзнаменование, потому что Кир, оставленный в лесу,

[1] От лат. *ostentum* — знамение, чудесное явление. Трактат, представляющий собой перевод на латынь этрусской гадательной книги, выполненный другом известного ученого Марка Теренция Варрона Тарквитием Priском.

[2] *Вергилий Марон Публий*. Буколики. Эклога IV. Ст. 43–44.

воспитывался собакой до тех пор, пока не стал царем. Даже и Ангел, сопровождавший Товию, не тяготился компанией собаки. Бобер же считается плохим знаком, поскольку откусывает свои яйца и оставляет их охотникам, это означает, что встретивший его повредит сам себя.

Среди мелких животных мышь означает опасность, поскольку в тот день, когда мыши погрызли золото на Капитолии, оба консула были перехвачены Ганнибалом в засаде подле Тарента. Саранча, останавливающаяся в любом месте и выгрызающая его догола, мешает намерениям и признак плохой; напротив, кузнечики способствуют путешествию и возвещают хорошее развитие событий. Говорят, что паук, тянущий паутину вниз, сулит надежду на приход денег. Также муравьи, которые предусмотрительны и умеют хранить свои запасы в подобиях складов и тайников, означают безопасность, богатства и многочисленные армии; вот почему, когда муравьи съели ручного дракона Тиберия Цезаря, ему сказали, чтобы он остерегался народного мятежа.

Когда встречается змея, нужно остерегаться злословия, ибо вся сила и весь яд ее находится у нее во рту. Змея, проскользнув во дворец Тиберия, предвещала его падение. Две змеи, найденные в кровати Семпрония Гракха, по словам предсказателей, означали следующее: если он позволит уйти самке или самцу, то вскоре умрет он или его жена; предпочтя жизнь своей жены, он убил самца, а самка ускользнула, и умер несколько дней спустя. Гадюка, кроме того, есть примета дурных женщин и злых детей; а угорь означает чело-

века, которого презирают все, поскольку он всегда живет отдельно от всех рыб и его никогда не встречают в компании ему подобных.

Но среди всех видов ауспиций и знаков, нет более действенного, более могущественного, чем человек, наблюдения за которым открывают истину особенно полно. Когда кого-нибудь встречаешь, нужно тщательно подмечать все обстоятельства встречи, а также возраст человека, его профессию, положение, жесты, нрав, занятия, комплекцию, привычки, имя, слова и разговоры и т. п.; и хотя в животных есть много видов знамений, вне всяких сомнений, наиболее ясно и отчетливо они читаются по человеческой душе. Так, Цицерон говорит, что подлинная ауспиция существует в душах людей благодаря их вечности и знанию обо всем. При основании Рима нашли голову человека с сохранившимся лицом, что означало величие империи и дало имя Капитолийскому холму. Солдаты Брута, сражавшиеся против Октавиана и Марка Антония, обнаружили в воротах своего лагеря эфиопа; и хотя они убили его, устранив плохое предзнаменование, все же сражение было ими проиграно, а Брут и Кассий убиты.

Встреча монахов всюду почитается дурным предзнаменованием, особенно если монах встречается рано утром, поскольку люди такого рода живут большей частью за счет неожиданной смерти людей, как грифы побоищем.

Глава пятьдесят пятая

О том, как проверять ауспиции благодаря свету естественного чувства, и о некоторых правилах его обнаружения

Впервые изучил и стал применять ауспиции и авгурии, предвещающие будущие события посредством животных и птиц, божественный Орфей, после чего они стали весьма почитаемыми у всех народов. Ныне они проверяются посредством света естественного чувства, как если бы некий свет дивинации пал на четвероногих, крылатых и других животных, благодаря чему они становятся способными предсказывать нам будущее. Вергилий, очень тонко чувствовавший это, признается:

> Впрочем, не верю я в то, чтобы им был свыше дарован
> Некий особенный дар заране предвидеть событья[1].

Естественное чувство, согласно Гийому Парижскому, тоньше всякого человеческого понимания и более всего подобно пророчеству. Именно оно сообщает некоторым животным удивительную способность предчувствовать события, что замечательным образом проявляется в собаках, которые распознают благодаря такому чутью воров; они чувствуют их, находят, набрасываются и валят. Из-за подобного же чутья грифы предвидят погибших в битвах и собираются в тех местах, где должны произойти сражения, словно уже чувствуют падаль. Так же и куропатки узнают

[1] *Вергилий Марон Публий.* Георгики. Кн. 1. Ст. 415—416.

свою мать, которую никогда не видели, и покидают ту птицу, которая похищала яйца у их матери и высиживала их. Благодаря тому же чувству душа человека, ничего не зная заранее, предвосхищает наступление ужасных событий. Так, один вор, который спрятался в доме и о котором никто не знал и не предполагал его присутствия, вызывал страх и беспокойство у некоторых живших там, однако не у всех, ибо яркость этого чувства присуща не всем людям, но лишь некоторым. А шлюху, спрятанную в большом доме, почувствовал один из обитателей, хотя он совершенно не мог знать о ее присутствии. Это история из жизни некоего Гераиска Египтянина, человека божественной природы, способного распознавать развратных женщин не только по глазам, но и слыша их голос издалека, после чего у него начиналась чудовищная головная боль.

Гийом Парижский сообщает, что в его время некая женщина, очень любившая мужчину, чувствовала любимого за две мили. Он также рассказывает, что существовал аист, который почувствовал неверность своей подруги по запаху, после чего собрал множество своих собратьев, открыл перед ними вину своей подруги и их решением она была признана виновной, после чего ощипана и разорвана ими на куски. Гийом приводит пример, когда один жеребец, сам того не зная, жил со своей матерью, но, узнав о сотворенном, откусил себе яйца в качестве отмщения за кровосмешение. То же самое говорят о лошадях Аристотель, Варрон и Плиний. Плиний сообщает, кроме прочего, что сделал один аспид. Он ежедневно приползал кормиться к некоему египтянину. Но однажды его сын-змееныш укусил сына египтянина,

и тот умер. Узнав о случившемся, аспид сам предал смерти змееныша и больше никогда не приползал в этот дом.

Из приведенных примеров видно, как на некоторых животных может нисходить свет озарения в виде знаков или отметин, а также читаться в их жестах, движениях, голосах, полете, походке, цвете и т. п. Следуя доктрине платоников, есть в вещах низших определенная сила, заставляющая их соответствовать высшим, и таким образом животные безмолвно согласуются с божественными телами. Их организмы и ощущения управляются этими силами, благодаря которым они и соотносятся с определенными божествами. Поэтому нужно рассматривать часть животных как принадлежащих *Сатурну*, другую — *Юпитеру*, третью — *Марсу* и т. д. и, следуя этим соответствиям, и толковать их предсказания. Например, соотносящиеся с *Сатурном* и *Марсом* птицы — предвестники ужаса и смерти; это сова, филин и другие, относящиеся к *Сатурну* и ночи и имеющие репутацию наиболее дурных знаков. Поэт сказал о них так:

Нерасторопной совой, для смертных предвестием бедствий...[1]

Но лебедь — птица нежная, связанная с *Венерой* и посвященая Фебу. Говорят, она наиболее счастливое предзнаменование, особенно для моряков, поскольку никогда не тонет в воде. Овидий так свидетельствует об этом:

Наиболее счастлив поющий лебедь,
В его предвестьи...[2]

---

[1] *Публий Овидий Назон*. Метаморфозы. Кн. 5. Ст. 550.

[2] По общему убеждению, лебеди поют перед смертью. О счастливой песне лебедя строки найти не удалось.

Также есть птицы, которые предсказывают своими устами и пением, как, например, ворона, сорока и галка, о которых Вергилий говорит:

Да, когда б из дупла, прокаркав слева, ворона
Не повелела мне впредь не пускаться в новые тяжбы...[1]

Птицами, предвещающими будущее своим полетом, являются канюк, крушащие кости орел и гриф, журавли, лебеди и т. п. Они оцениваются по тому, как летят — быстро или медленно, по правую руку или по левую, плотно или рассеянно, и сколько их. Например, если журавли летят быстро, то указывают на бурю, а если медленно — на хорошую погоду. Когда летят вместе два орла, они предвещают зло, ибо два — это цифра гибели. Таким же образом нужно рассматривать причины и всего остального. Более того, следует быть очень искусным, чтобы отмечать сходства в сочетаниях. Вот как у Вергилия учит Венера своего сына Энея:

Видишь: там дважды шесть лебедей летят вереницей.
Пав с высоких небес, Юпитера спутник крылатый
Их разогнал; а ныне они ликующим строем
Или стремятся к земле, иль, спустившись, ее озирают.
Вот они все собрались, заплескали крыльями шумно,
Снова вся стая взвилась, небосклон опоясала с кликом.
Так же твоих друзей корабли иль стоят на причалах,
Или, подняв паруса, вплывают в широкие устья[2].

[1] *Вергилий Марон Публий.* Буколики. Эклога IX. Ст. 14–15.
[2] *Вергилий Марон Публий.* Энеида. Кн. 1. Ст. 393–490.

Наиболее удивительны предсказания тех авгуров, кто понимает язык животных. Среди древних особенно известны Меламп, Тиресий, Фалес и Аполлоний Тианский, который был прекрасным знатоком птичьего языка. О нем же рассказывают Филострат и Порфирий. Однажды, сидя в компании друзей, Аполлоний услышал громкий щебет воробьев, после чего откуда-то прилетел еще один воробей, поднялся невообразимый гвалт и шум, и вся стая улетела вслед за появившимся. Аполлоний сказал своим друзьям, будто прилетевший воробей рассказал остальным, что осел, нагруженный пшеницей, упал у городских ворот и рассыпал зерно по земле. Многих эти слова заставили пойти и посмотреть, так ли это. Когда все оказалось правдой, удивлению не было предела. Подобную же историю платоник Порфирий в своей третьей книге «Жертвоприношений» рассказывает об одной ласточке. Это является правдой потому, что голос каждого животного отражает определенное душевное движение — радость, гнев, печаль и т. п. и поэтому понимаются сведущими людьми. Об этом искусстве говорили и Демокрит, и Плиний. Последний называет птиц, из смешения крови которых можно создать змею, и тот, кто съест эту змею, научится распознавать птичье щебетанье. Гермес же утверждает, что если кто-либо пойдет ловить птиц в определенный день ноябрьских календ и сварит первую пойманную птаху вместе с сердцем лисы, то все, кто съедят это, станут понимать язык и птиц, и животных. Арабы говорят, что они понимают мысли животных, съев сердце и печень драконов. Платоник Прокл верил и писал, что сердце крота дает способность предсказывать.

Существует также дивинация, извлекаемая посредством внутренностей жертв при жертвоприношении, это первым испытал Тагет, о котором упоминает Лукан:

Жилам да не дадим мы веры: Тагет их измыслил —
Изобретатель волшбы...

Печень, согласно верованиям римлян, почиталась главой всех внутренностей. Поэтому предсказатели в первую очередь обращали внимание на нее. У печени две головки; одна из них называется головой города, а другая — врагом. В случае если они одинаковы, то возвещают победу, о чем мы читаем у Лукана, сообщающего, что внутренности предсказали поражение войска Помпея и победу Цезаря:

Здесь испугала жреца и самая внутренность жертвы:
В пятнах была она вся, и холодная кровь загрязняла
Мерзкой своей синевой в изобилии темное мясо.
Видит он печень в гною, а на части зловещий открылся
Ряд угрожающих вен. Хрипящего легкого жила...[1]

После окончания исследования кишечника приступают к изучению сердца. Так, если у жертвенного животного не обнаруживалось сердца или головки печени, это считалось признаком смерти и называлось *пиакулярией*. Плохим предзнаменованием было, если жертвенное животное убегало с алтаря или когда кричало при заклании, либо падало в неподходящую сторону. Так, мы читаем, что в день, когда Юлий Цезарь выехал во главе процессии в своей пурпурной одежде и, сидя в золотом кресле, совершал жертвоприношения, у жертв дважды не находили сердца. И во время жертвоприношений Катона Марка Утического у жертв не было печени. А когда во время правления Гая совершали жертвоприношения Марцелл Клавдий и Л. Петелий Косс, печень внезапно исчезла; и очень скоро один из них умер от болезни, другой был убит лигурийцами, как им и предсказали. Считалось, что эти предсказания совершаются или по воле богов, или при помощи дьявола. Вот почему древние отмечали как нечто более важное все необычное, что встречалось во внутренностях; как произошло с Суллой, когда он приносил жертву в Лаурентуме[1], головка печени образовала корону, что предсказатель Постумий определил как предсказание победы и посоветовал Сулле съесть эту печень.

[1] *Лукан*. Указ. соч. Кн. 1. Ст. 618–622, 636.

Учитывался и цвет внутренностей, о чем также упоминает Лукан:

...и холодная кровь загрязняла
Мерзкой своей синевой в изобилии темное мясо.

Это искусство было в прежние времена в столь большом почете и имело такую большую власть, что ему следовали все мудрецы, и даже Сенат и императоры ничего не предпринимали, не посоветовавшись с авгурами. Но в наши дни, отчасти по неверию, отчасти из-за давления святых отцов, это искусство упразднено.

[1] Римская провинция, ныне Сан-Лоренцо.

9 № 2685

Глава пятьдесят шестая

О предсказаниях по зарницам и молниям и о том, как следует толковать эти знамения

Ныне предсказатели по зарницам и молниям, а также чудовищным и невероятным событиям основывают свои предвестия на учениях пророков и жрецов Этрурии, поскольку именно они поделили небо на шестнадцать районов и каждый из них посвятили своему божеству. Кроме одиннадцати старых видов молний и девяти богов, которые их посылают, они создали и правила их толкования. Чудовищные и необычные события по их предсказаниям предвещают всякий раз, когда случаются, нечто удивительное и важное. Однако нужно, чтобы толкователи умели хорошо понимать их и при этом были в курсе происходящих событий, как среди правителей, так и в провинциях. Поскольку небеса заботятся только о правителях, народах и провинциях, то для всех остальных эти знамения могут казаться непонятными, удивительными и невероятными. Но, если какое-либо явление и все, что случилось вслед за ним, толковалось в былые времена определенным образом, точно так же следует толковать подобное и ныне, поскольку оно всегда вызывает тождественное себе. Например, чудеса случались перед рождением или смертью многих замечательных людей и императоров. Цицерон сообщает, что маленькому Мидасу, когда он спал, муравьи набросали зерен пшеницы, что явилось предвестием его великих богатств; а Платону, когда он лежал в колыбели, сели на уста пчелы, предвещая ему красноречие. Гекуба, беременная Парисом, видела в одном из своих снов появление пылающего факела, который должен был сжечь Трою и всю Азию. Также матери Фаларида явился образ Меркурия, который разливал кровь по земле и затопил ей весь дом. А спящей матери Дионица приснилось, что она родила сатира, и это явилось предзнаменованием последовавших благоприятных событий. Жена Тарквиния Приска увидела пламя, лижущее голову Сервия Туллия, что стало предвестием его императорской власти. Также после взятия Трои Эней, споря со своим отцом Анхизом, увидел пламя, лижущее корону Аскания и не причиняющее ему никакого вреда, что предвещало его царствование, это и заставило Энея уехать, но его самого впереди ждали большие испытания. У Плиния читаем, что в консульство Марка Аттилия и Гая Порция был дождь из молока и крови, предсказавший, что в будущем году в Риме начнется эпидемия чумы. Также в Лукании шел дождь из губчатого железа. А через год Марк Красс погиб в Парфии, и с ним вместе полностью полегло очень большое и сильное войско Лукании. В консульство же Павла и Марцелла шел дождь из шерсти, и примерно через год Анний был убит Милом. А перед германскими войнами в воздухе раздавались лязг оружия и звуки труб. И Тит Ливий говорит о македонских войнах, что в год, когда умер Ганнибал, два дня шел кровавый дождь. Также он рассказывает о второй Пунической войне — когда Ганнибал грабил Италию, с неба шел дождь из воды, смешанной с кровью. Шум оружия слышали лакедемоняне в храме Геракла незадолго перед несча-

стьем, происшедшим при Левктрах; в то же время двери храма Геракла в Фивах, которые были закрыты на засовы, открылись сами собой, а оружие, висевшее на стенах, оказалось на земле. Такого же рода события подобным образом можно предсказывать и сейчас. Но, рассматривая все эти предсказания, нельзя забывать и о небесных влияниях, о которых мы подробно поговорим в следующих главах.

Глава пятьдесят седьмая

О геомантии, гидромантии, аэромантии и пиромантии — четырех способах дивинации по элементам

Не только фатальные события учат нас, но и элементы, от которых эти четыре вида дивинации — геомантия, гидромантия, аэромантия и пиромантия — получили свои имена. О них говорит волшебница у Лукана:

Знать ты желаешь, — путей открывается много доступных
К истине: с нами земля, и хаос, и воздух, и море
Будут беседу вести, — и поля, и Родопские скалы[1].

На первом месте стоит геомантия, предсказывающая грядущее благодаря движениям земли, ее шумам, содроганиям, расколам, провалам, испарениям и другим явлениям, об искусстве использования которых учит Алмадель Арабский. Но есть еще и другой вид геомантии, в котором боже-

[1] *Лукан.* Указ. соч. Кн. 6. Ст. 616—619.

ства дают предзнаменования надписями на земле, но об этом мы поговорим позже.

Гидромантия гадает по наблюдениям за водой, по ее отливам, приливам, течениям, волнениям, цвету и по другим вещам. Сюда же относятся и видения, порождаемые водами; такой вид гадания, согласно Варрону, открыт персами. Однажды мальчик увидел в воде образ Гермеса, предсказавшего ему в ста пятидесяти строках все события войн с Митридатом. Также мы читаем о том, что и Нума Помпилий практиковал гидромантию, поскольку вызывал богов из вод и узнавал от них грядущее. Много лет спустя после него то же самое делал и Пифагор.

Ассирийцы почитали некий вид гидромантии, называвшийся леканомантия: на наполненный водой бурдюк клали тарелки из золота и серебра, а также драгоценные камни, на которых писали некие имена, образы и начертания. К этому же виду относится и искусство, при котором сплавляют свинец с воском и бросают в воду, где сплав дает ответы на требуемые вопросы. Также в былые времена предсказывали будущее и источники, как, например, источник Отцов в Ахайе и источник Юноны в Эпидавре. Но о них мы скажем впоследствии, когда пойдет речь об оракулах. К гидромантии можно отнести еще и гадание по рыбам, чем занимался Лукиан[1]. Он в неком месте под названием Дина, недалеко от моря, в лесу, посвященном Аполлону, сделал

[1] Лукиан — известный как Лукиан из Самосаты (около 120—180) — греческий писатель-сатирик. Творчество Лукиана, не дошедшее до нас в подлинниках, обширно и включает философские диалоги, сатиры, биографии и романы.

в сухом песке ямку, куда, желая узнать будущее, положил жареного мяса. Это место тотчас же наполнилось водой с большим количеством рыб странных, неизвестных людям форм. По этим формам прорицатель предрек то, что должно было произойти. Эти вещи Атеней в истории Лукиана соотносит прежде всего с Полихармом.

Аэромантия гадает по явлениям воздуха, по дуновениям ветра, посредством радуги, по кругам вокруг Луны и звезд, по туманам и облакам, по фигурам облаков и видениям в воздухе.

Пиромантия предсказывает по видам огня, по кометам, по цвету огня и по видениям, в нем возникающим. Например, жена Цицерона напророчила ему, что через год он будет консулом, потому что человек, приносивший жертву, стал рассматривать пепел, и в этот момент вдруг вырвалось пламя. Также Плиний говорит, что землистое, бледное, гудящее пламя предвещает бурю, а круги вокруг пламени свечи — дождь. Если пламя становится прерывистым и рваным — быть ветру. Трепещущее пламя факела — знак дурной. И если уголек попадает в уже снятый с огня горшок, и когда по огню бегают язычки пламени, и когда рассыпаются искры, и когда пепел въедается в землю, и когда угли слишком яркие — все это дурные знаки.

К пиромантии относится также и капномантия, которая берет свое название от дыма, ибо она рассматривает цвета пламени и дыма, их звуки и движения, идут ли они прямо, или наискось, или спиралеобразно, о чем мы можем прочитать у Стация:

«...Ты победила, Любовь! — Вздувай же, о дева, алтарный
Жар: обратимся к богам». — Та выполнила и вещает,
Зоркая, что у огней — вершины кровавы, а пламя —
Надвое разделено, но жертвенники посредине
Светятся ясно; теперь окружностью зыбкой прозрачный
Всполох (по виду — дракон) взвился и пропал, —
объясняла
Дева невидящему, темноту просвещая отцову...[1]

Прорицатели гадали по пламени также в пещерах Атенея и на Нимфейских полях в Аполлонии. Но об этом рассказано в других главах, посвященных толкованию оракулов.

Глава пятьдесят восьмая
Об оживлении мертвых, о сне и о возможности обходиться без пищи

Согласно утверждениям арабских философов, есть люди, способные подняться над властью своего тела и ощущений и, преодолев их, получить божественную доблесть и силу от небесного совершенства и ума. Таким образом, души всех людей вечны, и поэтому все духи повинуются совершенным душам. Маги считают, что совершенные люди могут силами своей души возвращать души низших существ в их умершие тела и оживлять их. Так, убитая ласка оживает от дыхания и плача своей матери, а львы оживляют своих

[1] *Публий Папиний Стаций*. Фиваида / Пер. Ю. Шичалина. М.: Наука, 1991. Кн. 10. Ст. 597–603.

малышей дыханием. Маги утверждают, что все подобное, прилагаемое к другому, с ним схожему, имеет одну и ту же природу; и любой пациент и всякая вещь, вбирая в себя действие какого-либо агента, становятся соприродными ему. Поэтому маги считают, что для такого оживления используются некоторые травы и определенные составы, например сделанные из пепла феникса и сброшенной змеиной кожи. Кому-то это покажется сказочным, а кому-то и невозможным, но история подтверждает истинность этих утверждений. Так, мы читаем о людях утонувших, сгоревших в огне или убитых на войне, которые спустя несколько дней снова оживали. Например, Плиний говорит об Авиоле, приближенном к консулу, о Луции Ламии, о Целии Туබероне, Корфидии, Гавиене и многих других. Кроме того, мы читаем, что баснописец Эзоп, Тиндарей, Геракл и Палик, сыновья Юпитера и Талии, были воскрешены и что существовали еще многие, которым маги и врачи возвращали жизнь, о чем свидетельствует история об Эскулапе и как мы сообщали ранее о Юбе, Ксанфе, Филострате, Тиллоне и Аполлонии из Тианы.

Известно, что некий Главк, несомненно умерший, вопреки всем ожиданиям был воскрешен врачами с помощью травы, называющейся драконовой (эстрагон); некоторые утверждают, что его оживили, влив лекарство, сделанное из меда. Также и Апулей поведал о подобных способах воскрешения, говоря о египетском пророке Цахле[1]. Пророк, помолившись, взял некую траву, которую положил в рот умершего молодого человека, а другую — ему на грудь, и, глядя на восходящее могущественное солнце, при огромном стечении народа он молился о том, чтобы первым делом вернуть к жизни грудь, затем заставить пульсировать кровь в жилах, потом наполнить тело дыханием, после чего умерший поднялся и заговорил.

[1] Агриппа умалчивает о том, что пророк прежде усыпил юношу специальным снадобьем, а потом на глазах всего народа воскресил его. См. *Апулей*. Золотой осел. СПб., 1992. С. 42–43.

Все это может быть правдиво лишь в том случае, если души умирающих спрятаны где-то глубоко в их телах и под влиянием сильного экстаза могут вновь привести тело в действие. Следовательно, в человеке уже нет ни жизни, ни движений, ни чувств, и кажется, будто он, на самом деле еще не до конца умерший, лежит в каком-то своеобразном поражении или изумлении, от чего представляется мертвым. Известно, что при эпидемиях чумы многие из тех, кого несли на кладбище хоронить, вдруг оживали. Подобное часто случается с женщинами благодаря материнскому порыву. И рабби Моисей говорит, согласно Галену, переводившему этого патриарха, об одном задушенном, который шесть дней оставался без пищи и воды, и артерии его стали твердыми. Он упоминает также, что некий человек, захлебнувшийся водой, лежал совсем как труп — у него пропал пульс, сердце остановилось. Рассказывает, помимо прочего, о человеке, упавшем с высоты, и о том, который долгое время находился под водой, и о том, который сорок восемь часов пролежал в обмороке, так что лицо его стало совсем зеленым. Там же упоминается о человеке, который зарыл другого, пролежавшего семьдесят два часа и показавшегося ему мертвым, и таким образом убил его,

ибо зарыл живым. В этой же книге описываются и признаки, по которым можно определить — жив человек или уже нет. И даже если он кажется совсем умершим, есть способы, при помощи которых можно проверить это, например флеботомия и другие. Однако так очень редко случается.

У племен марси[1] и псилли[2] существует способ, благодаря которому, как мы слышали, маги и врачи воскрешают умерших от укуса змеи. Таким образом, подобного рода трансы могут продолжаться долгое время, хотя на самом деле человек жив. Например, сурки, крокодилы и многие из змей спят всю зиму настолько крепко, что их почти невозможно разбудить даже огнем. И я видел многократно сурков, которых отличали от мертвых лишь после того, как обливали кипятком; только тогда они начинали шевелиться и выказывать признаки жизни. Также, хотя этому трудно поверить, мы читаем в проверенных источниках, что были люди, непрерывно спавшие в течение многих лет и не старевшие, пока не просыпались. Так, Плиний сообщает о мальчике, с которым он лично разговаривал; этот мальчик, утомившись от жары и путешествия, проспал в пещере пятьдесят семь лет. То же самое известно об Эпимениде-гностике, который спал в пещере пятьдесят лет[3], отсюда и пошло выражение «*Переспать Эпименида*».

---

[1] Древнее племя в Италии.

[2] Племя, названное по имени одного из древних сирийских царей.

[3] Эпименид спал, по одним сведениям, пятьдесят семь лет, по другим — пока ему не исполнилось сорок. О таинственных вещах говорили: «эпименидова кожа». Климент Александрийский писал: «Эпименид <...> жрец Зевса и Реи, практиковавший очищение от любой

Марк Дамаскин пишет, что в его время был один крестьянин в Германии, который, утомившись, уснул на стоге сена и оставался там спящим всю осень и зиму, пока не настало лето; он проснулся, когда стали дергать на корм скоту сено, будучи как бы полумертвым и совершенно вне себя. Церковная история подтверждает это мнение, упоминая о семи спящих, о которых сказано, что они спали в течение целых ста девяноста шести лет. В Норвегии на высоком морском берегу есть пещера, о которой Павел Диакон и мученик Мефодий писали, что семеро людей спят там весьма давно без малейшего разложения и что люди, часто приходившие туда, чтобы их потревожить, ощущали скованность во всех членах. В результате туда было запрещено ходить под угрозой наказания. Ксенократ, имеющий вес среди философов, считал, что такой долгий сон был наказанием от Бога за совершенные грехи. А Марк Дамаскин, хотя и считает это противоречащим разуму, приводит множество доводов в пользу возможности и естественности подобного, и некоторые люди могут много месяцев спать без еды и питья, не переваривая, не испражняясь и не разлагаясь. Это происходит под влиянием определенных ядов или от сонной болезни, или еще из-за каких-либо случаев.

Продолжительность подобного сна колеблется от нескольких дней до многих лет в зависимости от устремлен-

---

порчи, как телесной, так и духовной...» По свидетельствам других авторов, Эпименид мог долгое время обходиться без пищи, довольствуясь только мальвой и асфоделем; известен также эпименидов лук. См. Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. С. 73–74, 76.

ности, возможностей медицины или страстей собственного разума. Медики сообщают, что существуют определенные антидоты, выпив большую дозу которых можно в течение долгого времени обходиться без еды, как это некогда случилось с Илией, который, будучи накормлен Ангелом, оставался сорок дней без пищи. И Джованни Боккаччо говорит, что в его время был в Венеции человек, который каждый год четыре дня не ел пищи. Но еще более удивительно, что в то же время в Южной Германии жила женщина, которая не принимала никакой пищи до тринадцати лет; это казалось бы невероятным, если бы впоследствии не подтвердилось. Также он рассказывает о чуде, имевшем место в наше время; Николай Стоун, швейцарец по национальности, прожил двадцать лет без пищи, пока не умер. И Теофраст рассказывает удивительный случай о человеке по имени Филини [Filinus], который не ел никакой пищи и не пил ничего, кроме молока. А древние авторы описывают некую траву в Спарте, благодаря которой скифы могли выносить двенадцатидневный голод, оставаясь без мяса и воды; для этого они либо ели эту траву, либо просто клали ее в рот.

Глава пятьдесят девятая

О гадании по снам

Существуют также и гадания по снам, что подтверждается традициями философов, авторитетом теологов, примерами из истории и повседневным опытом. Я понимаю здесь

под словом *сон* не пустые фантазии и не бесполезные грезы; поскольку пустые сны без символики происходят от бессонницы и телесной усталости. Ибо когда сознание угасает, связанное заботами, ему только кажется, что оно спит. Я называю здесь сном то, что происходит от небесных влияний и попадает в готовые к их принятию дух, разум и тело.

Истолковывать сны учат астрологи в той части их учения, которая относится к вопросам; но этого, однако, недостаточно, ибо люди различны и расшифровка снов должна быть индивидуальной. Вот почему не следует составлять одного общего правила для объяснения и истолкования всех снов. Согласно Синезию, если видят многократно одни и те же или подобные вещи и испытывают то же самое или подобное чувство — страсть, событие, действие, успех, то, как говорит Аристотель, память усиливается чувством и затем сохранением в памяти этого знания, а также благодаря длительному опыту мало-помалу создаются искусство и наука. Таким же образом надо поступать и со снами. Вот почему Синезий хочет, чтобы каждый наблюдал свои сны и их последствия, а именно, то, что видел и какие последствия это имело в его жизни. И путем такого тщательного наблюдения создавал бы сам для себя правила, по которым смог бы толковать образы. Ныне наиболее действенные сны случаются, когда *Луна* обгоняет тот знак, который был в девятом номере от зарождения, или рождения[1], или в революции этого года[2],

[1] Один из двенадцати знаков Зодиака, через который проходит Солнце во время рождения.

[2] Года рождения.

или в девятом знаке от знака совершенства[1]. Но наиболее верная и истинная дивинация исходит не из природы, не от искусства людей, но от чистоты разума и божественного вдохновения. Рассмотрим и исследуем то, что касается таких предсказаний и оракулов.

Глава шестидесятая

Об исступлении и о предсказаниях по ночным бдениям, а также о власти меланхолической жидкости организма, благодаря которой порой заставляют духов входить в человеческие тела

Порой не только у тех, кто спит, но и у тех, кто бодрствует в течение ночи, наступает определенное состояние сознания — божественное, которое Аристотель называет восторгом или неким видом исступления и учит, что оно происходит от меланхолических жидкостей организма. Об этом он так говорит в своем трактате «О дивинации»: меланхолики по причине своей серьезности гораздо более восприимчивы, быстро приобретают привычку и наиболее просто получают впечатления от небесных тел; а в «Проблемах» он говорит, что сивиллы, вакханки, Никет Сиракузский и Амон[2] были пророками и поэтами именно благодаря своей меланхолической комплекции. Таким образом, подобное исступление причиняется человеку именно меланхолическими жидкостями, а вовсе не тем, что называют черной желчью, вещью столь скверной и ужасной, что ее сила, по словам врачей и физиков, способна отдать человеческие тела во власть злых духов. Итак, мы подразумеваем здесь меланхолические жидкости организма, например естественную белую желчь. Когда она возбуждена, воспалена или разогрета, она приводит к исступлению, оно же ведет к знанию и дивинации, особенно если ей помогает какое-либо небесное влияние, прежде всего *Сатурна*, который, будучи холодным и сухим, как и сами меланхолические жидкости, влияет на него, увеличивает и сохраняет. Помимо этого, инициатор тайных размышлений и удаления от всех публичных дел, и наивысшая из всех планет, *Сатурн* всегда уводит человеческое сознание от внешних занятий, возвышает его, ссужает знанием и предвидением. Именно об этом говорит Аристотель в своих «Проблемах». Он говорит, что благодаря меланхолии сумасшествие некоторых людей становится божественным и позволяет им делать предсказания, а других превращает в поэтов. Также он утверждает, что все, кто добился какого-либо успеха в науках, в большинстве своем меланхолики. Демокрит и Платон подтверждают это, указывая, что у некоторых меланхоликов ум бывает столь замечательным, что кажется скорее божественным, чем человеческим.

Есть много меланхоликов, которые на первый взгляд кажутся грубыми, равнодушными, непокорными, как, например, Гесиод, Ион, халкидец Тинних, Гомер и Лукреций,

[1] Знак совершенства — тот, в котором Луна является полной в обычном лунном цикле.

[2] Амон почитался в Египте не только как бог солнца, но еще и как мудрый, всеведущий бог. Любопытно, что слово «Амон» переводится с коптского как «скрытый», «тайный» — оккультный.

которые, неожиданно впав в исступление, становились поэтами и предсказывали столь удивительные вещи, что едва понимали их сами. И божественный Платон говорит, что многие пророки после приступов исступления не понимали того, что они написали, хотя в моменты этих приступов достигали высочайшего искусства[1].

Кроме того, говорят, что меланхолические жидкости столь сильны, что своей мощью приводят в тела людей небесных духов. Благодаря их присутствию и инстинкту человек как бы пьянеет и произносит нечто совершенно удивительное. Считается, что все это происходит из-за тройственности души, составленной воображением, рассудочностью и разумностью. Таким образом, когда разум подавлен меланхолическими жидкостями, тело ничто не сдерживает и все его члены раскрепощаются и захватываются воображением, становясь обиталищем подчиненных духов, через которых зачастую получают удивительные способности во всех видах человеческого искусства; поэтому мы видим, как совершенно невежественный человек внезапно становится блестящим художником или архитектором, или мастером в каком-нибудь другом искусстве. Но когда эти духи открывают нам будущее, они показывают то, что относится ко всевозможным изменениям элементов, — смену эпох, землетрясения, потопы, эпидемии, резню, наводнения, голод и т. п. Как мы читаем у Авла Гелия, жрец Корнелий Патар [Patarus] перед битвой Цезаря и Помпея в Фессалии впал в исступление и предсказал время, ход и исход сражения.

[1] В этом абзаце Агриппа целиком опирается на диалог Платона «Ион», особенно на его фрагмент 533d–535a. Однако любопытно отметить, что Платон говорит в нем не о меланхоликах, а о мелических поэтах, т. е. об авторах песенной лирики. См. *Платон*. Собр. соч. Т. 1. С. 376–377.

Но когда разум становится полностью рассудочным, он оказывается обиталищем средних духов, через которых обретает знание и понимание природы и человека. Тогда мы видим, как человек неожиданно становится то философом, то врачом, то красноречивым оратором и предсказывает смену царств или времен и вещей, к этому относящихся, как делала сивилла у римлян. Если разум полностью погружен в понимание, он населен тонкими духами и открывает тайны божественного, а именно: Закон Божий, веления Ангелов и то, что касается знания образов вечных и спасения души. Так, он предвидит вещи, зависящие от Божественного предзнаменования, например чудеса и необычные явления, рождение пророков и смену законов. Так, сивилла предсказала пришествие Иисуса Христа задолго до его появления. Также Вергилий, зная, что Христос уже близок, вспомнил предсказание сивиллы Кумской:

Круг последний настал по вещанью пророчицы Кумской,
Сызнова ныне времен зачинается строй величавый,
Дева грядет к нам опять, грядет Сатурново царство,
Снова с высоких небес посылается новое племя.

И немногим далее:

Если в правленье твое преступленья не вовсе исчезнут,
То обессилят и мир от всечасного страха избавят.
Жить ему жизнью богов; он увидит богов и героев
Сонмы, они же его увидят к себе приобщенным.
Будет он миром владеть, успокоенным доблестью отчей.

Затем он говорит о падении змея, о древе познания добра и зла и пишет:

Сгинет навеки змея, и трава с предательским ядом...

И все-таки какие-то искры первородного греха останутся:

Все же толика еще сохранится прежних пороков...

И, наконец, великой гиперболой умоляет младенца как отпрыска Бога, говоря о нем следующее:

Отпрыск богов дорогой, Юпитера высшего племя!
Мир обозри, что плывет под громадою выгнутой свода,
Земли, просторы морей обозри и высокое небо.
Все обозри, что вокруг веселится грядущему веку,
Лишь бы последнюю часть не утратил я длительной жизни,
Лишь бы твои прославить дела мне достало дыханья![1]

Существуют также определенные предсказания, находящиеся между естественной и сверхъестественной дивинациями, как это бывает у умирающих и отягощенных старостью. Они часто знают то, что должно произойти, ибо, как говорит Платон, те, чьи чувства менее сильны, слышат лучше и проникают глубже в суть вещей и находятся ближе от места, куда должны уйти, и их путы уже как бы расслабились, и, не столь сильно подчиняясь телу, они получают более легко свет божественных откровений.

[1] *Вергилий Марон Публий*. Буколики. Эклога IV. Ст. 4–7, 13–17, 24, 31, 49–54.

Глава шестьдесят первая

О создании человека, о чувствах внешних и внутренних и о разуме; а также о трех потребностях души и о страстях воли

По мнению некоторых теологов, Бог создал человека не сразу, но с помощью божественных духов. Это излюбленная точка зрения Алкиноя и Платона. Они полагали, что Бог — Верховный Творец всего мира — создал злых и добрых духов, благодаря чему они стали бессмертными, а затем по приказанию Бога сотворили все виды смертных существ; а если бы все остальные живые существа создавались самим Богом, они тоже стали бы бессмертными. Духи смешали землю, огонь, воздух и воду и, сложив их воедино, создали тело, зависимое от души, и разделили его на несколько частей, подчинив каждую часть определенному чувству. Так, например, диафрагма отвечала за гнев, матка за похоть, а наиболее благородные чувства достались голове как главной башне тела, а также всевозможных органов речи.

Они разделили чувства на внешние и внутренние. Внешних, известных всем, — пять; и им соответствуют пять органов, или субъектов; было устроено так, что все эти органы располагаются в наиболее значимой части тела и имеют высокую степень чистоты. Например, глаза, находящиеся в самом важном месте, наиболее чисты и связаны с природой огня и света. Ниже находятся уши, они уже менее чисты и соотносятся с воздухом. Ноздри — на

третьем месте; они имеют природу среднюю между водой и воздухом. Орган вкуса наиболее сходен по природе с водой. И, наконец, последнее ощущение распространено по всему телу и соотносится с необъятностью земли.

Наиболее чистые из чувств те, что воспринимают как можно более отдаленные предметы, — это зрение и слух. Затем идут обоняние и вкус, распознающие что-либо только с близкого расстояния. Но осязание имеет два качества, ибо чувствует тела, близкие к нему, и, подобно зрению, выделяющему предметы в воздушной среде, с помощью прута или палки чувствует вещи твердые и мягкие, и жидкие. Осязание — единственное чувство, которое является общим для всех живых существ. Так, ясно, что тактильные ощущения человека равнозначны ощущениям животных, но во всех остальных чувствах животные превосходят человека; собака лучше слышит, видит и чувствует запахи, а рысь и орел имеют зрение более тонкое, чем у других животных и человека.

Чувства внутренние, согласно Аверроэсу, подразделяются на четыре, из которых первое называется здравым смыслом, потому что оно принимает и собирает все ощущения, получаемые от внешних чувств. Второе — это сила воображения, роль которого удерживать образы, полученные от первого чувства, и предоставить их третьему — представлению, или силе суждения. Оно должно оценить собранные впечатления, рассортировать их и передать для сохранения в памяти. В целом эти свойства таковы: рассуждение, распределение, рассмотрение и побуждение к действию. В частности же — постижение умом, свойства, об-

раз дисциплины, совета, выбора — именно это показывает нам в снах вещи, которые должны произойти. Вот почему воображение иногда называют фантастическим умом, поскольку тот есть последнее впечатление понимания, что, как говорит Ямвлих, принадлежит всем силам разума, формам всех фигур, соответствиям видов и действий и видимым вещам. Он посылает впечатления от одних сил к другим. И то, что происходит от чувств, производит мнение, а происходящее от ума образует мнение лишь во вторую очередь, но благодаря своим свойствам формирует все действия души, приспосабливает внешнее к внутреннему и влияет на тело.

Итак, эти чувства имеют свои органы в голове, поскольку здравый смысл и воображение находятся в двух отделах мозга, хотя Аристотель и относит здравый смысл в сердце, но мыслительная сила пребывает в верхней и средней части головы, как память — в задней.

Кроме того, есть много органов голоса и речи, а именно: межреберные мышцы груди, грудь, легкие, артерии, гортань, мышцы языка и все те части и мышцы, которые служат для дыхания. Однако основным считается рот, в котором оформляются слова и речь, важны еще при этом язык, зубы, губы и нёбо.

Внутренний разум превосходит чувствительную душу; у него двойственная природа. Одна расследует причины, соответствия и расположение вещей в естественном порядке и поэтому называется *умом созерцательным*. Другая — это сила разума, распознающая то, что следует и что не следует делать; она полностью занята рассуж-

дениями и действиями и потому называется *умом деятельным*. Такой порядок вложен в человека самой природой; благодаря внешним чувствам мы распознаем телесные вещи, а внутренним — представления тел и вещи абстрактные, которые суть ни тела, ни что-либо на них похожее.

В соответствии с тройственностью природы души у нее есть три потребности: первая — естественная, склоняющая природу к ее цели, подобно силе, заставляющей все камни падать; вторая — животная, за которой следуют чувства, она делится на раздражительность и похоть; третья — интеллектуальная, она называется волей и отличается от чувств тем, что принимает только те желания или чувства, которые каким-либо образом понимает. Однако, будучи связана всем вышеперечисленным, воля все-таки свободна по своей сути и может простираться на невозможное, подобно желанию дьявола быть равным Богу. Вот почему она постоянно искажается или извращается удовольствиями и гневом, присущими низшим силам.

Эта извращенная потребность порождает четыре страсти, которыми подчас одержимо тело. Первая из них — чувственное наслаждение, которое напрочь заглушает разум и волю, в результате чего они вынуждены подчиниться удовольствию, тем самым и обнаруживается склонность разума к удовольствию. Вторая называется излиянием — умалением или распылением силы: когда вся сила духа и стремление к благу расплавляются под влиянием чувственных утех, служа их удовлетворению. Третья — хвастовство или высокомерие, при этом человек полагает себя

причастным великому и гордится этим. Четвертая и последняя — зависть, определенный род удовольствия от причинения вреда другому безо всякой выгоды для себя. Если кто-либо радуется несчастью ближнего из корыстных побуждений, это происходит, скорее от отсутствия любви к себе, чем из-за наличия злой воли по отношению к другому. Четыре страсти происходят от искаженной потребности к удовольствию и порождают в иных людях такие противоположные чувства, как ужас, тоску, страх и печаль; и все это также называется завистью.

Глава шестьдесят вторая

О страстях разума, их происхождении, различии и видах

Страсти разума суть определенные движения или склонности, происходящие от того, как рассматривают определенную вещь — хорошую или плохую, подходящую или неподходящую. Существует три вида восприятия — чувственное, рассудочное и интеллектуальное; и отсюда выводят три вида страстей души. Когда они следуют чувственному восприятию, то оценивают временные понятия добра или зла, под чем подразумеваются выгодное или невыгодное, приятное или оскорбительное, и это называется естественными, или животными, страстями. Когда они следуют рассудочному восприятию, то оценивают добро и зло как добродетели и пороки, похвалы и порицания, полезное и бесполезное, честное и бесчестное и называются

страстями рассудочными, или умышленными. Если же следуют интеллектуальному восприятию, то оценивают добро и зло по признаку справедливого и несправедливого, истинного и ложного, и тогда они суть страсти интеллектуальные или *синайресис*[1].

Итак, субъектом страстей души выступает ее похотливая сила, разделяющаяся на похоть и раздражительность. И то и другое также оценивает добро и зло, но различно. Похоть — в абсолютном измерении: либо любовь и влечение, либо их отсутствие. Если же оценивается как отсутствующее добро, порождается желание, а если как зло — страх, ужас, бегство или отвращение. Если же они оценивают добро как присутствие, возникают наслаждение, удовольствие или радость, если же присутствием опознается зло — печаль, тревога, скорбь.

Раздражительность оценивает добро и зло в неотчетливых величинах. Например, при уверенности в себе [возникает стремление] заполучить одно или избежать другого, в результате чего рождаются надежда или храбрость, а при неуверенности в себе — отчаяние и страх. Если же раздражительность перерастает в мстительность, она влечет за собой причинение вреда или увечье и вызывает гнев. Всего мы находим одиннадцать страстей разума: любовь, ненависть, желание, отторжение, радость, скорбь, надежда, отчаяние, храбрость, страх и гнев.

[1] От греч. συναίρεω — воспринимать вместе. Понятие, вероятно, восходит к другому философскому термину, применявшемуся в античной философии, — диайресис (выбор, осуществляемый посредством размышления, — от греч. διαίρεσις).

Глава шестьдесят третья

О том, как страсти разума воздействуют на тело, изменяя его при происшествиях и движениях духа

Фантазия, или сила воображения, имеет главенствующую власть над страстями души, когда они следуют чувственному восприятию. Под влиянием такового прежде всего изменяется тело, а другим оно становится, во-первых, при происшествиях, во-вторых, при движениях духа вверх или вниз, наружу или внутрь, и в-третьих, при возникновении новых качеств в членах. Так, во время радости дух выходит наружу, при страхе идет внутрь, от застенчивости движется к мозгу. При радости сердце постепенно расширяется, при печали постепенно сжимается. То же самое происходит при гневе и страхе, но резко. Гнев и желание мстить производят жар, красноту, горечь во рту и понос. Страх порождает холод, трепет сердца, онемение и бледность. Печаль заставляет потеть и придает голубоватую бледность. Сострадание, являющееся разновидностью печали, дурно влияет на тело того, кто его чувствует. Замечено также, что у некоторых любовников существуют столь сильные узы, что они одинаково страдают от одного и того же. Беспокойство заставляет сохнуть и чернеть. И как сильный любовный жар возбуждает печень и усиливает пульс, так же, согласно врачам, происходит при страстях героических. Например, Эрасистрат узнал, что Антиох полюбил Стратонику.

Замечено также, что подобные страсти, будучи чрезмерно горячими, приводят к смерти; множество совершенно здоровых людей умерло от избытка радости, печали, любви и ненависти. Так, мы читаем, что Софокл и Дионисий, тиран Сицилии, оба внезапно умерли при известии о своем поражении. А одна женщина, увидев сына, возвращающегося после битвы при Каннах, тотчас испустила дух. До чего может довести горе — известно всем. Мы знаем, что собаки часто умирают, потеряв своего хозяина. От подобных страстей возникают и длительные болезни, которые порой излечиваются. Также некоторые люди, глядя с высоты и испытывая большой страх, начинают дрожать, слабеют и порой даже теряют сознание, иногда же страх и боязнь высоты влекут за собой рыдания.

Подчас чувства вызывают удивительные последствия, как это произошло с сыном Креза; он родился немым, но, однажды испытав чудовищный страх, заговорил. И порой при неожиданном падении человек теряет сознание и все чувства, но затем они вновь возвращаются к нему. А то, как действует на человека гнев вкупе с отвагой, продемонстрировал Александр Великий: во время битвы в Индии он *испускал молнии и огонь*. Говорят, что отец Теодориха испускал из своего тела огненные искры, которые вырывались из него с шумом. Подобное происходит иногда и с животными, так, например, это было с конем Тиберия, изрыгавшим пламя.

Глава шестьдесят четвертая

О том, как страсти души меняют тело посредством подражания; о трансформации и перерождении людей и о той силе воображения, которая влияет не только на тело, но и на душу

Страсти души изменяют тело также и благодаря подражанию; причина такого изменения заключается в том, что сходные вещи вызывают сходные изменения благодаря силе воображения: например, увидев или представив себе, что кто-то ест острое или кислое, мы также ощущаем острый или кислый вкус. Подобное же происходит, когда зевают, видя зевоту, или ощущают кислый вкус на языке, когда слышат разговор о кислых вещах. Зрелище какой-либо склизкой или липкой вещи вызывает тошноту. Многие падают в обморок при виде человеческой крови. А некоторые, наблюдая, как кому-то подали горькую пищу, чувствуют, что во рту у них скапливается горькая слюна. Гийом Парижский утверждает, что знал человека, которому было достаточно лишь увидеть слабительное, чтобы наступило желаемое действие, хотя он не касался самого лекарства и не чувствовал ни запаха его, ни вкуса. На него воздействовал один лишь вид сходства. Точно так же люди, которые видят во сне, что они горят, испытывают настоящее физическое страдание, словно бы горели в действительности, хотя никакого огня поблизости нет, а есть лишь его подобие, вызванное воображением.

Бывает, что тела людей преображаются и изменяются — часто во сне, а подчас и наяву. Так, Кипр, после того как был избран царем Италии, чрезмерно увлекшись боем быков и много размышлявший об этом, однажды утром проснулся с рогами, что произошло благодаря вегетативной способности, возбужденной сильным воображением, которое подняло роговообманковый гумор в голову и заставило появиться рогам. Ибо, когда чувственные образы сильно воздействуют на пылкое размышление, они отражаются в крови, а она запечатлевает их во всех членах, которые питает, как в этом теле, так и во всех других. Вот почему воображение беременной женщины отпечатывается в плоде, а воображение человека, укушенного бешеной собакой, — в его моче.

Некоторые люди внезапно седеют, иные же во сне за одну ночь превращаются из мальчиков во взрослых людей. Здесь уместно вспомнить и о многочисленных шрамах короля Дагобера, и о стигматах святого Франциска, которые они получили, первый, сильно боясь наказания, а второй, пылко созерцая раны Иисуса Христа. Также есть люди, которые перемещаются из одного места в другое, проходя через реки, огонь и непроходимые места; это бывает, когда в их духе запечатлеваются видения каких-либо горячечных желаний, страхов или отваги, которые, будучи смешаны с испарениями, двигают органы осязания к их истоку. Так происходят местные движения. И когда члены и органы движения побуждены к нему, они безошибочно попадают в воображаемое, созданное внутренним представлением место.

Власть души над телом так велика, что способна поднимать его и носить везде, где она себя воображает или грезит. Мы видим множество других примеров, которые обнаруживают эту примечательную власть, подобно тому, что рассказывает Авиценна о человѐке, который становился парализованным, когда хотел. А вот что произошло с Галлом Вивием, который с корыстной целью притворился сумасшедшим; он настолько сымитировал умопомрачение, что на самом деле сошел с ума. Святой Августин говорит, что есть люди, которые могут для собственного удовольствия двигать ушами или надвигать кожу головы на лоб и обратно, когда захотят. Есть и такие, которые вызывают пот по своему желанию. Всем известно также, что некоторые с удовольствием рыдают, заливаясь при этом горючими слезами. Другие же могут по своему желанию отрыгивать то, что проглочено. И в наши дни мы видим множество людей, хорошо имитирующих голоса птиц, скотины, собак и своих знакомых, так что их едва ли возможно отличить. Плиний рассказывает, что женщины изменялись в мужчин, и дает тому много примеров. И Понтанус говорит, что в его время некие Гаэтана и Эмилия спустя много лет после замужества превратились в мужчин.

Таким образом, воображение очень многое творит с душой, и никто не отрицает этого, потому что оно ближе к субстанции души, чем чувства, и действует на душу сильнее их. Например, женщины благодаря сильному воображению, снам и внушению, обретенному посредством подлинного магического искусства, часто связывают себя

с кем-либо сильной любовью. Говорят, что лишь посредством одного сна Медея воспламенила любовь в Ясоне. Благодаря сильному воображению душа подчас выходит из тела. Это явствует из того, что рассказывает Цельс об одном жреце, который мог по собственному желанию лишаться чувств и лежать словно мертвый, причем если его кололи или жгли, он не чувствовал боли, лежал без движения и дыхания, хотя утверждал, что слышал вблизи себя громкие голоса. Но об этих отвлеченных вещах мы будем говорить впоследствии.

Глава шестьдесят пятая
О том, как страсти разума, проявляясь, воздействуют на другое тело

Страсти души, распаленные фантазией, могут не только менять тело своего обладателя, но и распространяться до такой степени, что начинают оказывать воздействие на другое тело, производя впечатление на элементы и продуцируя несвойственные им проявления. Они к тому же порой насылают или лечат определенные болезни разума или тела. Страсти души есть основа темперамента. Так, сильно возбужденная богатым воображением душа приносит недуг или здоровье не только телу своего обладателя, но и другим. Авиценна придерживается той точки зрения, что верблюд может упасть, если кто-либо представит себе его падение. А тот, кого покусал бешеный пес, впадает в бешенство, и последнее запечатлевается в его моче. Если на беременную

женщину что-то производит сильное впечатление, это отражается на ее ребенке. Из-за воображения беременных женщин произошло много монстров. Например, Марк Дамаскин поведал об одной девке из Сан-Пьера (деревушки в области Пизы), которую показывали императору Карлу, королю Богемии. Она была вся покрыта волосами, как дикое животное. Мать ее, будучи беременной, была поражена религиозным ужасом, когда увидела картину, изображающую Иоанна Крестителя, — она висела над ее кроватью во время зачатия, а потом была унесена.

Подобное происходит не только с людьми, но и среди обычных животных. Так, мы читаем, что прутья, брошенные Иаковом в воду, изменили цвет ливанских овец. Сила воображения павлинов и других птиц во время совокупления влияет на расцветку их крыльев; чтобы получить белых павлинов, надо развесить вокруг места их совокупления белые ткани. Из этих примеров видно, что разгоряченное вооображение влияет не только на тело своего обладателя, но и на иное тело. Ведьма, желая причинить вред, может сделать это одним лишь пристальным взглядом. Об этом свидетельствуют Авиценна, Аристотель, Альгазель и Гален. Это отчетливо проявляется и в том, что испарение больного тела, какое бывает при чуме или проказе, легко заражает кого-то еще. Опять-таки взгляд, обладающий огромной силой, может околдовывать и влиять на окружающих, как, например, василиск убивает людей, лишь посмотрев на них. В Скифии среди иллирийцев была некая женщина, поражавшая наповал взглядом того, на кого смотрела.

Не следует, однако, удивляться, что тело и душа какого-то человека влияют на разум другого, хотя разум и является более мощным, горячим и доминирующим в своих действиях, нежели тело. При всем этом он, несмотря на свою силу, влияет на другой разум значительно меньше, чем на чье-либо тело. Говорят, что человек своей любовью, привязанностью или даже простой привычкой может оказать влияние на ближнего. Поэтому философы советуют в том случае, если общество заражено злом, удалять из него вредных людей, поскольку их души, исполненные скверных излучений, сообщают свою заразу окружающим. Наоборот, те же философы советуют в полном благополучия обществе особенно заботиться о хороших и удачливых людях, поскольку их близость распространяет на остальных благое влияние. Все происходит так же, как запах асафетиды или мускуса, то есть чего-либо хорошего или плохого, сильно влияет на окружающих в смысле приятного или неприятного ощущения, и это может продолжаться достаточно долго.

Стало быть, если вышеуказанные страсти имеют столь великую силу в воображении, они неизбежно имеют еще большую власть в рассудке, поскольку он гораздо более великолепен, чем воображение, и, наконец, еще большей мощью обладает разум. Поэтому когда разум всем своим устремлением сосредоточивается на Боге, то часто воздействует через божественный дар как на свое, так и на другие тела. Именно подобным образом совершены многие чудеса Аполлония, Пифагора, Эмпедокла, Филолая и иных пророков и святых нашей религии.

Но об этом мы поговорим подробнее в следующих главах, где речь пойдет о вопросах религии.

Глава шестьдесят шестая

О том, что расположение звезд содействует страстям разума, и о том, что в любой работе необходимо его постоянство

Небеса оказывают помощь страстям разума, и те, принимая ее, становятся еще более могущественными, если находятся в согласии с небесами по естественному соглашению или волевому выбору. Так, Птолемей говорит, что выбирающий добро ничем не отличается от того, кто имеет этот дар от природы. Весьма способствует получению благодеяний с небес пребывание в согласии с ними в мыслях, в привязанностях, в воображении, в выборе, в рассуждениях, в созерцании и т. п. Страсти становятся более сильными и действенными, если определенным образом входят в соответствие с воздействием планет. По причине их важности и близости к высшему они более небесные явления, чем какие-либо иные материальные вещи. Ибо наш разум благодаря воображению или какому-либо роду подражания настолько соответствует определенной звезде, что внезапно оказывается наполненным ее свойствами, как если бы он и в самом деле был подобающим вместилищем ее влияния. И когда созерцательный разум, освобождающийся от всякого чувства, воображения, природы и рассуждения, возвращается обратно к вещам отделенным, если только он не подвержен *Сатурну*, то находится вне истинного рассуждения или исследования. Наш разум влияет на все верой, которая есть твердая преданность, фиксирован-

10 № 2685

ное устремление и пылкое приложение работающего или получающего, помогающие ему везде и дающие силу в предстоящей нам работе.

Нам следует содержать в себе, или представлять собой, образ свойства, которого хотим достигнуть, и вещи, которую желаем сделать. Иными словами, нужно в любом деле горячо воображать, надеяться и верить, поскольку это будет для нас большим подспорьем. Уже проверено врачами, что сильная вера, надежда без всяких сомнений и любовь к врачу и медицине способствуют выздоровлению больше, чем сами лекарства.

Помимо действенных сил и свойств лекарств, на больного действует сильное воображение врача, способное изменить определенные качества в теле человека, особенно если тот очень доверяет врачу и открыт для восприятия его помощи и воздействия лекарств.

Итак, чтобы заниматься магией, следует иметь постоянство в вере, быть уверенным и не сомневаться в результате. И как твердая и постоянная вера творит чудеса даже в ложной работе, так неверие и сомнения разрушают свойства разума оператора, поскольку он оказывается посередине между двумя крайностями, отчего влияния высших сил становятся ему недоступными, ибо это возможно лишь при твердой вере разума.

Глава шестьдесят седьмая

О том, как человеческий разум может соединяться с небесными духами и Интеллигенциями и при их посредстве запечатлевать определенные свойства в вещах низших

Философы, особенно арабские, утверждают, что человеческий разум, сосредоточенный на какой-либо работе, благодаря своим страстям соединяется с разумом звезд и Интеллигенциями и посредством такого единения в работу и в вещи вливается некое чудесное свойство. И свойству этому, поскольку в нем есть понимание и сила всех вещей, все подчиняется от природы и действует с необходимостью и даже с большим желанием. В соответствии с этим проверяется искусство начертаний, образов, чар и некоторых фраз, а также множества других удивительных опытов, на которые влияет разум. Таким же образом все, что мыслит разум человека, пылко любящего, вызывает любовь; а все, что мыслит дух человека, сильно ненавидящего, вызывает разрушения и повреждения. Подобное же происходит и с другими вещами, на которые разум воздействует своим сильным желанием. Все то, на что он влияет посредством черт, фигур, слов, фраз и т. д., помогает потребностям души и требует определенных свойств, как от души оператора, в которой проявилась данная потребность, так и от ее противоположности, и небесного влияния, двигающего разум.

Наш разум, будучи увлечен потоком какой-либо страсти или свойством, зачастую берет от него сильный, лучший

и наиболее удобный час или возможность. Все это и говорит св. Фома Аквинский в своей третьей книге «Против язычников». Следовательно, в тех вещах, которые душа диктует в определенный час, появляется множество замечательных свойств, которые производят удивительные действия. Но следует знать, что подобные вещи не дают ничего или очень мало их автору, а также тому, кто склонял к ним. Здесь обнаруживается их действенность. Общее правило таково, что всякий разум наиболее силен в желании и влиянии и совершает подобные вещи скорее для себя, хотя эффективно и для желаемого. Итак, каждому, кто желает заниматься магией, надо знать свойство, меру, порядок и степень власти своей души во Вселенной.

Глава шестьдесят восьмая

О том, как наш разум может изменять и связывать низшие вещи согласно своим желаниям

В человеческом разуме есть также определенное свойство изменять, привлекать, препятствовать и связывать желаемое, и все вещи ему подчиняются, когда они увлечены какой-нибудь страстью или свойством. Высшее связывается с низшим и изменяет его под себя, а низшее по той же причине подстраивается под высшее или меняется как-либо иначе. Именно так вещи, имеющие высшую степень влияния какой-либо звезды, связывают, привлекают или отталкивают то, что имеет низшую степень влияния. Когда лев

боится петуха, это происходит потому, что наличие солнечного свойства соответствует петуху более, чем льву. Магнит притягивает железо, потому что находится под сильным влиянием Большой Медведицы.

Бриллиант отталкивает магнит, поскольку находится под более сильным влиянием *Марса*. Также и любой человек, когда на него оказывают влияние небесные тела, и благодаря страстям разума, и благодаря вещам естественным, становится под влиянием солнечных свойств более способным вызывать обожание и послушание; под влиянием *Луны* — раболепным и неуверенным в себе; под влиянием *Сатурна* — тихим или печальным; под влиянием *Юпитера* — всеми обожаемым; от *Марса* — начинает бояться; от *Венеры* — любить и радоваться; от *Меркурия* — способным убеждать и внушать послушание и так далее. Итак, основой такого рода связи служит пылкая и безграничная привязанность души, подверженной небесным влияниям.

Отторжение же создается противоположным действием; и чем сильнее страсти разума, тем отторжение сильнее. И, наконец, если ты опасаешься *Венеры*, то противостоишь *Сатурну*, если *Сатурна* или *Марса* — противостоишь *Венере* или *Юпитеру*; астрологи утверждают, что чем сильнее вражда и противоположность между кем-либо, тем более сильное противоположное влияние они оказывают на низшие тела. В небесах же, где нет желаний и все управляется любовью, ни вражды, ни ненависти нет.

Глава шестьдесят девятая

О речи и о свойствах слов

Теперь следует отметить, что хотя слова и имена вещей имеют важное значение, более всего силы заключается в речах, которыми мы прежде всего и отличаемся от животных, а не рассудком, который есть та часть души, что содержит все привязанности, и которая, согласно Галену, присуща и животным, хотя и в меньшей степени. Мы называемся разумными из-за смысла, который вкладываем в слова и речи, благодаря чему и превосходим всех животных.

Греческое слово λόγος означает и смысл, и речь, и слово. Слово же имеет двойственную природу, поскольку бывает внешним и внутренним. Внутреннее слово есть понятие разума и движение души, совершаемые без голоса. Так, во снах нам кажется, что мы говорим и обсуждаем что-либо сами с собой; просыпаясь же, мы повторяем про себя эти речи. Произнесенное же слово — действие голоса, оно выходит вместе с дыханием человека при открывании рта, сопровождаясь движением языка. Соответственно, природа сочетает телесный голос, речь разума и понимание, проясняя содержание нашего разума слушателю. Так мы говорим.

Слова — наилучший посредник между говорящим и слушающим; они передают не только понятия разума, но и определенные свойства того, кто говорит, и часто с такой огромной силой, что меняют не только слушателя, но даже

влияют на тела и предметы. Итак, слова имеют наибольшую эффективность, нежели все остальное; ими можно выразить все великие вещи — интеллектуальные, небесные и сверхъестественные. А те, что сходят с наиболее достойного языка или из уст святых, служат истинными знаками, получающими силу тел небесных и сверхнебесных, как благодаря способности объяснения, так и силе, вложенной в них свойствами говорящего.

Глава семидесятая

О свойствах имен собственных

Практически все маги согласны с тем, что собственные имена вещей при магических операциях необходимы. Естественная сила чего-либо воспринимается прежде всего чувствами, затем воображением, потом разумом, создающим образ этой вещи, и лишь в конце концов выражается голосом и словами. Так, платоники говорят, что в самом голосе, слове или имени заключается сила вещи, подобно некому виду жизни.

Образовавшись первоначально в разуме, где как бы посеяны семена вещей, они рождаются на свет в словах или в голосе и, наконец, запечатлеваются в писаниях. Маги говорят, что собственные имена вещей суть присутствующие во все времена их подлинные лучи, сохраняющие силу вещей, их сущность, правила; благодаря этому через имена мы можем узнавать сами вещи, а также их живые образы.

Поскольку Творец всего создавал живые существа и различные предметы под влиянием небес из элементов и свойств планет, то названия влияли на сами эти вещи, и таковых было великое множество, как звезд на небе, что и имел в виду Иисус Христос, сказав: «*Имена ваши написаны на небесах*». Адам, дававший вещам первые имена, знал о небесных влияниях и о свойствах, потому и нарекал в полном соответствии с природой сущего, о чем рассказано в «Книге Бытия». Господь явил все сотворенное перед Адамом, чтобы он назвал увиденное, и когда тот называл что-либо, оно благодаря имени сохраняло свою удивительную силу.

Таким образом, каждый голос значителен. Во-первых, потому, что в нем присутствует влияние небесной гармонии, а во-вторых, благодаря дополнению, идущему от человека, и порой второе бывает даже сильнее первого. Если же значительны оба фактора, тогда имя имеет двойное свойство — природное и привнесенное, наиболее действенное в том случае, если произносится в нужное время и в нужном месте, с полной серьезностью и в праведном деле. Так, мы читаем у Филострата, что когда римская девушка умерла в день своего замужества, то Аполлоний Тианский, узнав ее имя, произнес некое тайное слово, благодаря которому она ожила. Римляне, осаждая какой-нибудь город, обыкновенно соблюдали святые обычаи, узнавая прежде всего название места и имена божеств, под защитой которых оно находилось. Узнав имена, они с помощью заклинаний выводили оттуда богов-покровителей, проклинали жителей и брали город. Вергилий так пишет об этом:

Все отсюда ушли, алтари и храмы покинув,
Боги, чьей волей всегда держава наша стояла[1].

Заклинания, посредством которых римляне выводили богов и проклинали своих врагов во время осады города, можно найти у Тита Ливия и Макробия, а также многие из них есть в книге «О загадочных вещах» Серена Саммоника[2].

Глава семьдесят первая
О соединении слов; о предложениях, стихах и их чарующих свойствах

Помимо слов и имен величайшее свойство содержится в предложениях — благодаря заключающейся в них истине, которая обладает огромной силой впечатления, изменения, связывания и установления. И если они исполь-

[1] *Вергилий Марон Публий*. Энеида. Кн. 2. Ст. 351–352.

[2] Известно два Серена Саммоника. Здесь имеется в виду римский эрудит Серен Саммоник, который в 212 г. был убит по приказу императора Каракаллы. Серен владел большой библиотекой. Написал множество произведений; известно название только одного из них — «О загадочных вещах», в пяти книгах. Его сочинения широко использовались Макробием и др.

Однако здесь стоит упомянуть и его потомка; римский писатель Серен Саммоник Квинт жил во второй половине IV в. н. э. Он был автором медицинской дидактической поэмы «Врачебная книга». Произведение (1107 гекзаметров) содержит рецепты против шестидесяти четырех болезней, в нем приводятся также способы лечения увечий, переломов и вывихов. Автор использовал главным образом Плиниеву «Медицину» и «Естественную историю» Плиния Старшего. Эта поэма была очень популярна в Средневековье.

зуются для утверждения, речь приобретает дополнительное очарование, а если для отрицания — укрепляется и консолидируется. Подобного свойства нет в отдельных словах — только в предложениях, в которых что-либо утверждается или отрицается; таковы стихи, заклинания, проклятия, осуждения, речи, молитвы, клятвы, заговоры и прочее.

При составлении стихов или речей, чтобы привлечь свойства какой-нибудь звезды или божества, нужно прежде всего тщательнейшим образом рассмотреть таковые, их последствия и действия и вносить их в стихи, восхваляя, возвышая и усиливая те качества, которые данная звезда дает, осуждая то, что она желает разрушить и отвергнуть, поддерживая и моля желаемое, порицая и ненавидя то, что хотим уничтожить и чему помешать. Так же составляются изящные речи, которые должны быть обязательно разбиты на строфы с определенным количеством строк и в надлежащих пропорциях.

Более того, маги требуют при обращении к определенной звезде или имени того, кому посвящены стихи, молить и повелевать именно их чудесами, проклятиями, светом, королевским величием, красотой и яркостью, силой и могущественными свойствами и тому подобным. У Апулея Психея молит Цереру: «*Заклинаю тебя твоей десницей плодоносной, радостными жатвы обрядами, молчаливыми тайнами корзин священных, крылатой упряжью драконов, твоих прислужников, бороздою почвы сицилийской, колесницей хищной, цепкой землею, к бессолнечному браку Прозерпины схождением, солнечным обретенной дочери возвращением, и прочим, что скрыто в святилище Элевсина аттического...*»[1]

Кроме того обращения к различным именам звезд они требуют также, чтобы мы призывали имена Интеллигенций, управляющих этими звездами, о чем мы поговорим подробнее в соответствующем месте. Те же, кто желает еще более убедиться в этом, пусть обратятся к гимнам Орфея, и тогда [они увидят, что] нет ничего более действенного в естественной магии, чем использование с величайшим вниманием всех обстоятельств, известных [только истинным] мудрецам, в сочетании с должной гармонией.

Но вернемся к нашей теме. Подобного рода стихи должны быть точным образом и хорошо составлены согласно правилу звезд; полны значимости и смысла, произноситься со страстью, точно следуя числу и пропорциям строф. Именно так силой воображения создается мощь заклинаний и переносит их на околдовываемую вещь, привязывая ее, направляя к той же цели, ради которой произносятся заклинания. Инструмент заклинателя — дух очень чистый, гармоничный, пылкий и живой, который несет в себе движение, воздействие, значимость, составленные из этих строф, наполненные чувством и убеждающие смыслом. Таким образом, благодаря качеству духа и небесному сходству стихи, помимо тех вещей, о которых

[1] *Апулей*. Указ. соч. Кн. 6. Гл. 2.

мы говорили, получив еще и сверхсовершенные свойства, становятся более тонкими и действенными, чем духи и испарения, исходящие из растительной жизни — из трав, корней, смол, ароматов и благовоний и т. п. И маги способны, вдыхая силу запахов, притягивая силу звезд, произнося или чертя магическую формулу, творить чудеса. Здесь следует также отметить, что каждая речь, запись или слова, воздействуя обычным образом согласно их привычным пропорциям и формам, будучи произнесены или написаны в обратном порядке, производят еще и необычное действие.

Глава семьдесят вторая

О чудесной силе заклинаний

Говорят, сила заклинаний и стихов настолько велика, что они будто бы могут почти перевернуть всю природу. Апулей уверяет, что «*от магического бормотанья могут быстрые реки бежать вспять, море лениво застыть, лишиться дыханья ветер, солнце застрять, луна вспениться, звезды сорваться, день пропасть, ночь воцариться!*»[1]

О том же пишет и Лукан:

Замерли смены времен; отсроченный долгою ночью,
День не настал и застыл; эфир непокорен законам.
Мир в стремленьи своем цепенеет, заслыша заклятья.

[1] *Апулей.* Указ. соч. Кн. 1. Гл. 3.

И немного выше:

Прочь от чужих алтарей фессалийка уводит всевышних.
Без повеленья судьбы при словах гемонийских заклятий
В хладную грудь проникает любовь...

И еще:

...никакою отравой не тронут
Ум человеческий сам слабеет от тех заклинаний[1].

И Вергилий Дамону:

С неба на землю луну низвести заклятия могут;
Ими Цирцея в свиней обратила друзей Одиссея,
Змей холодных волшба разрывает надвое в поле...[2]

Также у Овидия в его книге без названия говорится:

От чародейства и хлеб становится злаком бесплодным,
От ворожбы в родниках пересыхает вода;
Падают гроздья с лозы и желуди с дуба, лишь только
Их околдуют, и сам валится с дерева плод[3].

Если бы все это было неправдой, то не существовало бы и строгих наказаний в статутах, направленных против тех, кто наводит порчу на плоды. Тибулл так говорит об одной колдунье:

[1] *Лукан.* Указ. соч. Кн. 6. Ст. 451–463.
[2] *Вергилий Марон Публий.* Буколики. Эклога VIII. Ст. 68–70. У Вергилия — Алфесибей отвечает Дамону.
[3] *Публий Овидий Назон.* Любовные элегии // Публий Овидий Назон. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии / Пер. С. Шервинского. М.: Худ. лит., 1983. Кн. 3. Элегия 7. Ст. 31–34.

Видел не раз я: она низводит созвездия с неба
И заклинаньем своим рек изменяет русло,
Тени влечет из гробниц, утробу земли разверзая,
Песней над хладным костром кости из пепла зовет;
То из подземных темниц вздымает их шепотом вещим,
То, окропив молоком, вспять возвратиться велит;
Властью своею метет туманы с ненастного неба,
Властью своею зовет в летнюю пору снега...[1]

О том, что вытворяют колдуньи, пишет Овидий:

Вами, по воле моей, возвращаются реки к истокам
На удивленье брегам; заклинаньями я усмиряю
Бурного моря волну и волную безбурное море;
Ветры зову и гоню, облака навожу и свожу я;
Лопаться зевы у змей заставляю я словом заклятья;
Дикие камни, дубы, что исторгнуты с корнем из почвы,
Двигаю я и леса; велю — содрогаются горы,
И завывает земля, и выходят могильные тени.
Силой влеку и тебя, луна, хоть медью темесской[2].

Более того, все поэты утверждают, а философы не отрицают, что стихами можно творить чудеса — воровать зерно, управлять молниями, лечить болезни и т. д. Сам Ка-

[1] *Тибулл.* Элегии / Пер. Л. Остроумова. Кн. 1. Элегия II. Ст. 45–51 (См.: *Катулл. Тибулл. Проперций.* М.: Худ. лит., 1963. С. 163–164).

[2] *Публий Овидий Назон.* Метаморфозы. Кн. 7, ст. 199–207. Ср. у Апулея в «Золотом осле», кн. 1, гл. 8: «Ведьма <...> и колдунья: может небо спустить, землю подвесить, ручьи затвердить, горы расплавить, покойников вывести, богов низвести, звезды загасить, ад кромешный осветить!» Вообще Фессалия славилась своим колдовством и была «единогласно прославлена как родина магического искусства».

тон при управлении государством пользовался заклинаниями против болезни животных, что можно найти в его записках. И Иосиф подтверждает, что Соломон был искусен в подобного рода заклинаниях. Цельсий Африканский сообщает нам, что в соответствии с египетской доктриной человеческие тела охраняются знаками Зодиака, это, согласно деканам, тридцать шесть духов, каждый из которых соответствует определенной части тела; при назывании их по имени можно силой заклинания вернуть здоровье больным частям тела.

Глава семьдесят третья

О свойствах писаний и о создании проклятий и надписей

Польза слов и речей заключается в выражении содержания разума, в объявлении тайн мысли и в заявлении воли говорящего. Написанное же есть последнее выражение разума и представляет собой определенное количество высказываний и голосов, создающих привычку, несравнимую по силе с тем, что случается лишь при произнесении. Все, что есть в разуме, голосе, в слове, в молитве, в речи, находится и в написанном, а все содержащееся в разуме, что не может быть выражено голосом, не может быть записано. Вот почему маги считают нужным делать в каждом труде надписи и заклинания, благодаря которым оператор может выразить свое желание. Так, если он собирает травы или камни, он должен непременно объявить, для какой цели это

делает; если пишет картину, также ему надлежит сказать или подписать, для чего она предназначена. Альберт в своей книге, называемой «Speculum» («Зеркало»), рассуждает об этих заклятиях и надписях, без которых никакой труд не принесет результата. *Не видение диспозиции дает результат, но акт ее*[1].

Древние также пользовались подобными предписаниями, как уверяет Вергилий, когда говорит:

Изображенье твое обвожу я, во-первых, тройною
Нитью трех разных цветов; потом, обведя, троекратно
Вкруг алтаря обношу: угодно нечетное богу.

И немного далее:

Свяжешь трижды узлом три цвета, Амариллида;
Свяжешь и тут же скажи: плету я тенета Венеры.

И еще:

Глина ссыхается, воск размягчается, тем же согреты
Жаром — от страсти моей да будет с Дафнисом то же[2].

[1] Здесь речь идет об одном очень важном принципе тайной науки, несколько иначе выраженной Ньютоном: «Non potest fieri scientia per visum solum» — «Знание не может возникнуть через одно только зрение» (*лат.*), что, в свою очередь, весьма недвусмысленно перекликается с классическим тезисом алхимиков «Post laborem scientiam» — «После работы знание» (*лат.*). Иными словами, здесь речь идет опять о необходимости сочетания двух сторон познания — теории и практики.

[2] *Вергилий Марон Публий.* Буколики. Эклога VIII. Ст. 72–80.

Глава семьдесят четвертая

О пропорции, соотношении и сведении букв к небесным знакам и планетам в соответствии с различными языками и о таблице, показывающей это

Бог дал человеку разум и речь, которые, согласно Гермесу Трисмегисту, суть дар силы и бессмертия. Всемогущий Бог своей волей разделил речь людей на разные языки, которые согласно их различиям получили и своеобразный характер написания, состоящий из правил, количества букв и их формы. И все это было создано не случайно, и не как попало, и не по слабому человеческому суждению, но в полном соответствии с небесными и божественными телами и свойствами. Но из всех языков наиболее священной является еврейская письменность, имеющая материю, форму и дух.

Расположения звезд были впервые созданы в седалище Бога — на небесах, и, как утверждают еврейские учителя, наиболее полно повторяют буквы небесных мистерий — и по форме и значению, и по множественной гармонии сочетаний. Когда наиболее оригинальные еврейские мудрецы исчисляли фигуры букв, их форму, написание, простоту, сочетания, разделение, искривление, прямоту, исключения, пропуски, строчные, заглавные, открытые, закрытые, порядок, преобразование, соединения, изменение букв, они делали это так, чтобы посредством произ-

веденного охватить смыслы всех вещей, поскольку они произошли из первой причины и снова туда вернутся.

Буквы еврейского алфавита делятся на двенадцать простых, семь двойных и три буквы-матери, которые отмечают двенадцать знаков (Зодиака) как знаки вещей, семь планет и три элемента, а именно — огонь, землю и воду. Они не берут воздух в качестве элемента, но принимают его за связь и дух элементов. Они также подчиняют им точки и акценты, поскольку все это произошло и происходит от Духа-Созидателя и истины планет, и аспектов планет и знаков, соединенных с элементами, с живым духом и истиной, содержащейся во всех вещах, и они проявляются через эти буквы. Ими же объясняются имена всех этих вещей и знаков.

Глубочайшие смыслы и значения внедрены в эти знаки, в их число, порядок, расположение и изменение. Поэтому Ориген думал, что при переводе таких имен на другой язык они теряют свои свойства. Только оригинальные, правильно написанные имена, имеющие свои естественные значения, влекут за собой искони положенные действия. Но если они написаны лишь ради удовольствия, то не будут действенными и оказываются лишь естественными вещами.

Если есть язык первичный и изначальный, то установлено, что он — еврейский. И тот, кто хорошо знает порядок и пропорции букв, узнает правило распознавания любого другого языка. Итак, есть двадцать две буквы, служащие основанием мира и всех творений, и всех поименований,

и речений всех существ, получивших благодаря этим буквам свои имена, бытие и свойства.

Однако, чтобы найти их, нужно изучить все комбинации этих букв настолько хорошо, чтобы проявился и был слышен голос Бога и чтобы раскрылись наиболее священные буквы. Вот это и дает действенность голосу и словам в магическом действии, ибо прежде всего магия показала свою силу в голосе Бога. Но все это относится к более глубокому рассмотрению, чем то, которое предпринято в этой книге.

Вернемся к разделению букв. У евреев существует три буквы-матери (смотри ряд 1), семь двойных (ряд 2) и двенадцать простых (ряд 3).

1 אמש

2 בגדכפרת

3 הוזחטילנסעצק

То же самое и у халдеев, в подражание которым буквы других языков распределены по знакам Зодиака, планетам и элементам, следуя их порядку.

У греков отвечают семи планетам: *A—E—H—I—O—Y*—Ω; двенадцати знакам Зодиака: *B—Г—Δ—Z—K—Λ—M—N—Π—P—Σ—T*; остальные пять — *Θ—Ξ—*

Ф—Х—Ψ — представляют собой четыре элемента и Мировой Дух.

И у латинян они означают те же самые вещи. Пять гласных *A—E—I—O—U* и две согласные *J* и *V* приписываются семи планетам; а согласные *B—C—D—F—G—L—M—N—P—R—S—T* — управляют двенадцатью знаками Зодиака. Остальные — K—*Q—X—Z* — представляют четыре элемента. Придыхательная *H* представляет собой Мировой Дух; *Y*, поскольку буква греческая, а не латинская, употребляется только в греческих словах и следует природе своего языка.

И все же не следует игнорировать и известный всем мудрецам факт, что буквы евреев самые действенные, поскольку имеют наибольшее сходство с небесными телами и миром, и что буквы других языков не таковы, ибо отдалены от них.

Следующая таблица объясняет их расположение; все буквы также имеют двойные числа своего порядка, а именно: числа распространенные, которые выражаются в качестве букв в зависимости от их порядка; числа сложные, заключающие в себе числа букв предшествующих; числа составные, которые получаются из названий букв согласно различным способам счисления. Если познать силу этих чисел, то можно видеть, сколько есть чудесных тайн в каждом языке благодаря его буквам, и узнавать прошлое и предсказывать будущее. Есть еще и таинственные сочетания букв с цифрами, но мы отложим подробный разговор обо всех этих предметах до следующих книг, желая покончить с этой.

♈	ה	[illegible]	B	B
♉	ו	[illegible]	Γ	C
♊	ח	[illegible]	Δ	D
♋	ט	[illegible]	Z	F
♌	ל	[illegible]	K	G
♍	מ	[illegible]	Λ	L
♎	נ	[illegible]	M	M
♏	ס	[illegible]	N	N
♐	ע	[illegible]	Π	P
♑	צ	[illegible]	P	R
♒	ק	[illegible]	Σ	S
♓	ש	[illegible]	T	T
♄	ב	[illegible]	A	A
♃	ג	[illegible]	E	E
♂	ד	[illegible]	H	I
☉	כ	[illegible]	I	O
♀	פ	[illegible]	O	V
☿	ר	[illegible]	Y	I cōso.
☾	ת	[illegible]	Ω	V cōso.
Terra	א	[illegible]	Θ	K
Aqua	[illegible]	o	Ξ	Q
Aër			Φ	X
Ignis	י	[illegible]	X	Z
Spiritus			Ψ	H

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

«Три книги о тайной философии», увидевшие свет в 1533 г., не прошли бесследно. Одни отнеслись к ним с презрением. Например, Кардано, человек, занимавшийся магией с истовостью подлинного ученого. Вероятно, в большей степени потому, что труд Агриппы позволил *питать какие-то надежды* всевозможным *гримуарам*, содержавшим различные рецепты конкретных магических операций, и откровенно черным магическим сочинениям, приписываемым Моисею, Соломону, тому же Агриппе и другим известным ученым.

Однако нашлись и талантливые преемники, одним из которых явился Джордано Бруно (1548–1600). У Бруно, все сочинения которого буквально пронизаны магией, есть несколько трактатов, прямо посвященных этому искусству. Главные из них — это «О магии» и «О принципах связываний», написанные предположительно в 1590–1591 гг. Книга «О магии» основана на «Тайной фило-

софии» Агриппы и во многом повторяет ее. Однако есть в ней и существенные отличия. Магия Бруно демонична со всей откровенностью; он напрочь отказывается от всякой нерешительности и прямо стремится к контакту с демонами. Для его магии это принципиально; в ней духов никакие ангелы не контролируют.

Язык Бруно становится лихорадочным и темным, когда он излагает центральную для него тему: как воздействовать на воображение, чтобы низвести в личность демонические силы, которые раскроют все ее внутренние возможности. Именно к этому он всегда стремился, разрабатывая различные магические мнемотехники. Из заключительных страниц его трактата «О магии» становится совершенно ясно: он хотел обрести силу великого мага или религиозного вождя. Вознося таким образом человека, он, возможно, не совсем отдавал себе отчет в том, что тем самым отрицает божественную природу Христа. Ведь если человек с помощью герметических упражнений способен обрести такие силы, то почему бы не счесть, что таким же способом обрел свою силу и Христос? Как пишет Ф. А. Йейтс: «Кажется, даже Агриппа пришел бы от магии Бруно в ужас»[1].

Марсилио Фичино, возродив герметическую магию, доказывал ее совместимость с христианством и ссылался на авторитет Августина, Лактанция и даже Фомы Аквинского. Пико делла Мирандола полагал, что магия и каббала подтверждают божественность Христа. Сочи-

[1] *Йейтс Ф. А.* Указ. соч. С. 286.

нения двух этих замечательных ученых Возрождения оказались настолько убедительными, что Папа Александр VI в знак своего расположения к магии поместил в Ватикане фреску, насыщенную египетскими мотивами. Но Джордано Бруно, также постоянно добивавшийся свидания с Папой, настолько шокировал своей откровенной демоничностью церковные власти, что его решили остановить.

В 1593 г. Джордано Бруно был арестован, а в 1600 г., после долгого следствия в застенках инквизиции, сожжен на костре.

А в 1614 году вышел труд Исаака Казобона «Шестнадцать опытов о вещах священных и церковных», в котором доказывалось, что трактаты, приписываемые Гермесу Трисмегисту, появились после Рождества Христова. Датировка герметических текстов, обнародованная Казобоном и показавшая, что они были написаны никаким не древнеегипетским жрецом, а автором христианской эпохи и тем самым вовсе не являются ни предвестием христианства, ни священным древним знанием, одним ударом обрушила стройное здание ренессансного отношения к герметической философии. Это открытие лишило какой бы то ни было основы позицию ренессансного мага и ренессансной магии, укорененную в *древней египетской философии*. Оно не оставило камня на камне даже в немагическом направлении христианской герметики XVI в.

В результате этого открытия распался, так и не успев как следует укрепиться, не только альянс христианства

и магии, но и альянс магии и науки. И в результате Наука Магов, к поименованию которой Агриппа, словно пророк, впервые употребил термин «оккультная философия», так и осталась — *тайной*.

Но божественный свет, пронизывающий все сущее, и во тьме светит. И тьма не объяла его.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА МАГОВ

Ответственный редактор *Евгений Трофимов*
Художественный редактор *Юлия Двоеглазова*
Технический редактор *Любовь Никитина*
Корректор *Ксения Казак*
Верстка *Максима Залиева*

Подписано в печать 09.09.2009.
Формат издания $84 \times 108\ ^1/_{32}$. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,80. Тираж 3000 экз.
Изд. № 90197. Заказ № 2685.

Издательство «Амфора». Торгово-издательский дом «Амфора».
197110, Санкт-Петербург, наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А.
E-mail: secret@amphora.ru

Отпечатано по технологии CtP
в ИПК ООО «Ленинградское издательство».
195009, Санкт-Петербург, Арсенальная ул., д. 21/1.
Телефон/факс: (812) 495-56-10.

Маг — слово древнее. За много сотен лет до нашей эры так называли жрецов религиозных культов. Посвященные в тайное знание, они, благодаря им известным практикам, открывали горизонты, невидимые глазу обычного человека.

В эпоху Возрождения проникновение к истокам творения стало осознаваться как «истинная наука». Этому способствовали тексты Гермеса Трисмегиста, Марсилио Фичино, Пико делла Мирандолы, Агриппы Неттесгеймского и многих других. Подкрепленная действием, начала складываться традиция, протянувшаяся и в век, когда почти утрачено чувство надмирности и таинственности.



Человек, находящийся внутри мира природы, не в состоянии выявить всю полноту вероятной перемены и трансформации. Он смотрит вокруг себя, не замечая ни глубины, ни высоты. Оптика сфер дана тем, кто умеет заглядывать туда, где страшно и грандиозно. И если они всматриваются, осознавая изменения, происходящие с ними, им возвращается сполна — пониманием сути вещей.



ISBN 978-5-367-01024-4



